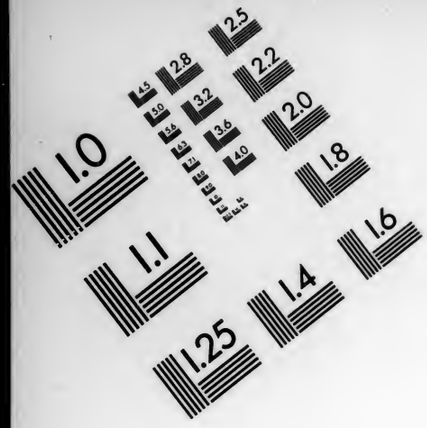
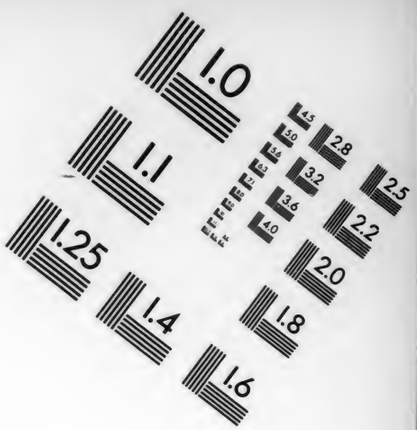
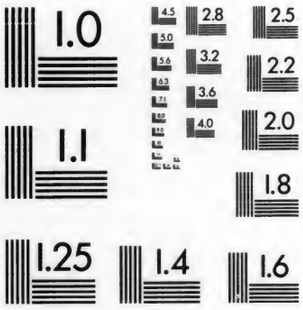
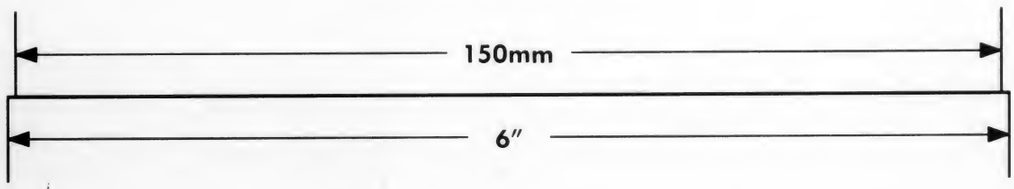
START

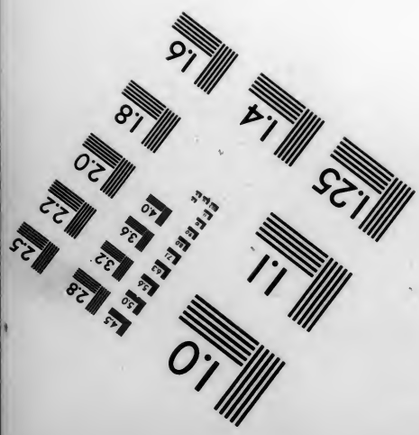
IMAGE EVALUATION
TEST TARGET (MT-3)



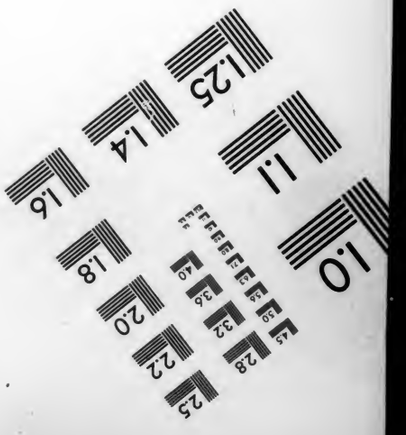








APPLIED IMAGE
1653 E. MAIN STREET
ROCHESTER, NY 14609
TEL (716) 482-0300
FAX (716) 288-5989



MICROFILMED 2002

BY THE

YIVO INSTITUTE

FOR JEWISH RESEARCH

NEW YORK, NY

Reproduction may not be made
without permission.

COPYRIGHT

The copyright law of the United States (Title 17, UNITED STATES CODE) governs the making of photocopies or other reproductions of copyright materials.

Under certain conditions specified in the law, libraries and archives are authorized to furnish a photocopy or other reproduction. One of these specified conditions is that the photocopy or reproduction is not to be "used for any purpose other than private study, scholarship, or research." If a user makes a request for, or later uses, a photocopy or reproduction for purposes in excess of "fair use," that user may be liable for copyright infringement.

This institution reserves the right to refuse to accept a copying order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of copyright law.

YIDDISH DRAMA

PRESERVATION

PROJECT

YIVO
LIBRARY
REEL
Y-2002 -1828.11

BIBLIOGRAFIC RECORD TARGET

YIVO INSTITUTE FOR JEWISH RESEARCH

YIDDISH DRAMA AT YIVO LIBRARY

Master negative Storage Number Y-2002- 1828.11

Asch, Shalom, 1880- Sabbatai Tsevi: tragediia v 3-kh aktakh 6-ti kartinakh s prologom i epilogom. S.-Peterburg" : Izd. "Shipovnik", 1908. 3 p.l.. 11-101 p. ; 24 cm. /10352(Vilna); NXYH01-B12740

MICROFILMED BY

THE YIVO INSTITUTE FOR JEWISH RESEARCH

NEW YORK, NY

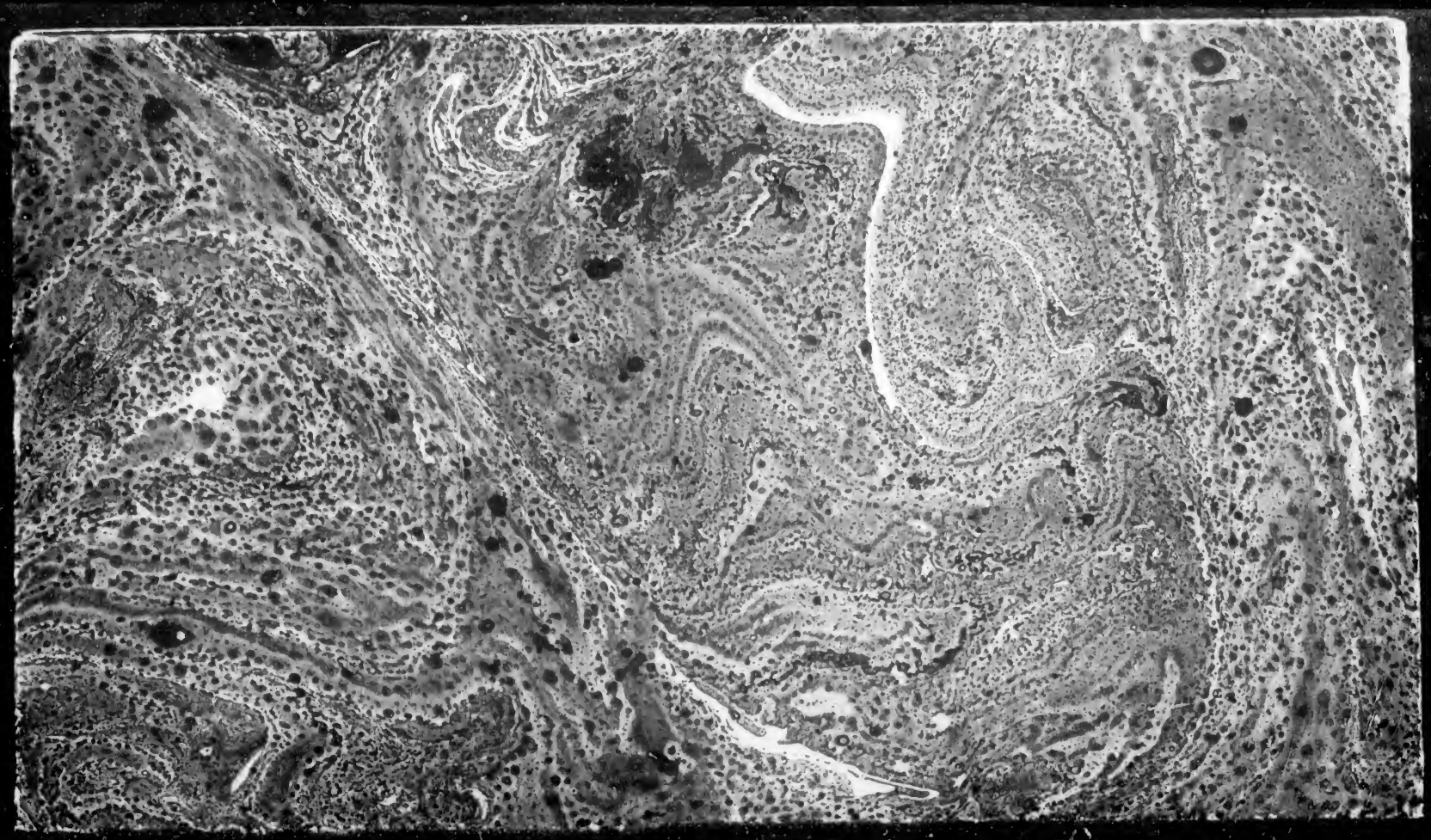
Film Size:	35 mm microfilm
Image Placemement	IIA
Reduction Ratio	10X
Date Filming Began:	09/23/02

ASCH, SHOLEM …

SHABBATAI TSEVI

S.-PETERBURG: 1908

11-101 p.



Maxim Sztern

Rio de Janeiro

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

·ШИПОВНИКЪ·

10352

ווילנער קאָלעקציע
ייִדישער וויסנשאַפטלעכער אינסטיטוט – ייִוואָ

YIVO INSTITUTE FOR JEWISH RESEARCH
Vilna Collection

MICROFORM
Y-97-1602.12

КНИГА 5

С·ПЕТЕРБУРГЪ
1908

КНИГА ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.

ШАЛОМЪ АШЪ. Саббатай Цеви. Трагедія въ трехъ актахъ и 6 карт. съ прологомъ и эпилогомъ.

II.

К. БАЛЬМОНТЪ. Литва.

Стихотворенія.

III.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. Береговое.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

ШАЛОМЪ АШЪ

САББАТАЙ ЦЕВИ

ТРАГЕДІЯ ВЪ 3^хъ АКТАХЪ
6^ти КАРТИНАХЪ
СЪ ПРОЛОГОМЪ
И
ЭПИЛОГОМЪ

Шаломъ Ашъ — Саббатай Цеви. Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами, а также въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора С. Фишеру по адресу: S. Fischer Verlag. Berlin.

אין בן דוד בא אלא בדור שכולי
זכאי או כולי חייב (תלמוד בבלי)

„Мессія, сынъ Давидовъ, можетъ сойти въ міръ только тогда, когда всѣ станутъ праведниками или всѣ грѣшниками".

(Талмудъ Вавилонскій).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Саббатай-Цеви.
Авраамъ Яхини—его пророкъ.
Самуилъ Примо—его секретарь.
Мордухай Хасидъ—его апостолъ.
Матафія Ашкинази—его апостолъ.
Шерифъ-Баши-Іосифъ Рафаилъ — его сторонникъ.
Натанъ Азати—его пророкъ.
Сара—его пророчица.
Лея, Рахиль } его прежнія жены.
Неемія Коэнъ—пророкъ Божій.
1-ый, 2-ой, 3-ій } старики.
1-ый, 2-ой, 3-ій } кабалисты.
1-ый, 2-ой, 3-ій } пророки.
Богомольный Еврей.
Старый Высокій Еврей.
Хахамъ-Баши-Гвидамъ.
Шейхъ-Уль-Исламъ, — верховный мулла.
Каймакамъ Адріанополя.
1-ый, 2-ой } посланные отъ польскихъ евреевъ.
Исаакъ Нааръ, Авраамъ Перейра } два посланника отъ Амстердамскихъ евреевъ.
Народъ, мужчины, женщины, юноши и дѣвушки, мальчики и дѣвочки.

Дѣйствіе въ Іерусалимѣ, Каирѣ и Адріанополѣ.
Время: 2-ая половина XVII-го столѣтія.

ПРОЛОГЪ.

ЗАПАДНАЯ СТѢНА.

Высокая старая стѣна. Большія четырехугольныя каменныя плиты лежатъ нагроможденныя — точно надгробный памятникъ надъ народомъ. Изъ щелей растетъ дикая трава; узловатыя вѣтви, поросшія мохомъ, навѣваютъ печаль уже издали — точно онѣ выросли изъ молитвъ и слезъ, влитыхъ въ камень... Темныя, сѣрыя пятна на стѣнахъ — словно мертвыя лица дикихъ существъ; схоронивъ глубоко въ себѣ великую тайну изгнанья, стѣна одиноко высится надъ мѣстностью, то опускаясь, то поднимаясь. Тамъ, гдѣ она начинается, качаются четыре сосны. Далеко за стѣной поднимается бѣлая гора. Вершина горы невидна. Тамъ и сямъ на горѣ растутъ отдѣльныя оливковыя деревья, сожженныя солнцемъ и пылью. Вся поверхность горы покрыта рухнувшими надгробными плитами. На переднемъ планѣ у стѣны безъ обуви сидятъ на землѣ евреи, держатъ въ рукахъ большіе молитвенники; въ разныхъ мѣстахъ въ ущельяхъ скалы видны зажженныя восковыя свѣчи; евреи сидятъ и читаютъ «Плачъ Іереміи». Канунъ Tischa-Beab (годовщина разрушенія храма). На всемъ лежитъ особый жуткій свѣтъ — какъ передъ грозой.

I-ый Старикъ читаетъ вслухъ стихъ изъ «Плача Іереміи» на извѣстный мотивъ.

«Вспомни, Господи, что съ нами сдѣлалось. Приникни и воззри на поруганіе наше».

Народъ за нимъ.

«Вспомни, Господи, что съ нами сдѣлалось. Приникни и воззри на поруганіе наше».

2-ой Старикъ изъ другого угла.

«Наслѣдіе наше перешло къ чужимъ, домы наши къ иноплеменникамъ».

Народъ повторяетъ.

«Наслѣдіе наше перешло къ чужимъ, домы наши къ иноплеменникамъ».

3-ій Старикъ тихимъ голосомъ.

«Сиротами стали мы, нѣтъ отца, матери наши, какъ вдовы».

Народъ.

«Сиротами стали мы, нѣтъ отца, матери наши, какъ вдовы».

На горѣ показывается Саббатай-Цеви со своими учениками.

Саббатай-Цеви къ ученикамъ.

Взгляните на эту стѣну, что стоитъ между нами и Богомъ. Это грань между ними и жизнью. Послушайте эти молитвы, которыя бьются точно обезкрыленные голуби и не могутъ подняться къ вратамъ милосердія. И они молятся ей и вливаютъ въ нее свои молитвы. Эти слезы, точно дождевыя капли, падаютъ на камни. И самыя пламенныя ихъ мольбы въ этихъ камняхъ точно незамѣтныя дуновенія вѣтра. Ни одна песчинка не дрогнетъ въ стѣнѣ, ни одно пятнышко не измѣ-

няетъ своей формы. Не видно ни малѣйшаго признака, что ихъ плачъ услышанъ. Между ними стѣна! И я вижу, какъ души ихъ порываются вверхъ и, точно подкошенныя приговоромъ смерти, онѣ безсильно цѣпляются за выступы стѣны, превращаясь въ пыль, которую вѣтеръ уноситъ вмѣстѣ съ пылью земли. (Къ ученикамъ). Взгляните на эту стѣну, что стоитъ между нами и Богомъ. Въ ней нѣмѣютъ ихъ молитвы, ихъ порывы, ихъ роптанія, ихъ дѣтскій плачъ, ихъ отчаяніе и страданіе сердца.

Онъ обращается къ народу у стѣны.

Я пришелъ къ вамъ, чтобы разрушить эту стѣну, стоящую между вами и Богомъ. Я соберу ваши обезкрыленныя молитвы, я ихъ очищу и исцѣлю и возьму ихъ съ собой на небо и искуплю ваши блуждающія души, повисшія на стѣнѣ, превратившіяся въ пыль. И вмѣстѣ съ собою я приведу ихъ въ царство совершенства. Я разорву путы, которыми безъ вины связали ваши руки. Я сниму съ вашихъ головъ проклятье, которымъ вы безъ грѣха — прокляты. И я вдохну живой духъ въ ваши молитвы, чтобы могли онѣ возноситься. Въ души ваши я вдохну жизнь, и я нечисть и грязь стряхну съ одеждъ вашихъ. Блескомъ и великолѣпіемъ я облеку васъ. И дамъ вамъ отъ духа моего и отъ слова моего, и станете вы дѣтьми Бога — ибо вѣдь истинно вы дѣти Божіи.

Чувствую: настаетъ годъ, близится день, предопредѣленный Богомъ моимъ для воскресенія духа моего, когда передастъ Онъ мнѣ Его слово, Его мощь. Въ тотъ день Онъ черезъ своего пророка возвѣститъ мнѣ начало моего царства. Чувствую: близится это мгновеніе. Я скажу свое слово — и поколѣнія мертвецовъ отъ начала міра до послѣдняго дня встанутъ на ноги и поклонятся мнѣ. Я вдохну въ нихъ свое слово, и они оживутъ. И я исторгну васъ изъ этого міра, имѣющаго свое начало и свой конецъ, и приведу васъ

въ міръ вѣчный, безконечный. И черезъ меня духовныя силы ваши получатъ просторъ. И вы уразумѣете Бога. И личность человѣческая — земная, замкнутая въ тѣсныхъ предѣлахъ начала и конца, черезъ меня возвысится до предѣловъ небесныхъ, вѣчныхъ, и ваши души черезъ меня вознесутся къ жизни въ вѣчномъ сіяніи неба и Бога...

Ждите меня. Близится время. Чувствую, что царство мое настаетъ. Я жду только слова и мощи Божіей.

Скрывается со своими учениками за гору. Народъ нѣкоторое время остается неподвижнымъ и смотритъ на его медленно удаляющійся силуэтъ.

1-ый Старикъ.

Кто это?

2-ой Старикъ.

Неизвѣстно кто онъ и откуда онъ пришелъ. Вотъ ужъ съ нѣкотораго времени его видятъ то здѣсь, то тамъ, и онъ говоритъ о Мессіи, который долженъ притти вскорѣ, въ пять тысячъ четыреста восьмомъ году по предопредѣленію Бога.

3-й Старикъ.

Его видятъ только въ священныхъ гробницахъ, въ пещерахъ, въ стѣнахъ, вездѣ онъ со своими учениками плачетъ, и молится и постится, и скорбитъ и купается въ Іорданѣ, и поднимается на Масличную гору, и смотритъ всегда туда, на вершины Галаада.

2-ой Старикъ.

Кто знаетъ, можетъ избавленіе въ самомъ дѣлѣ близко. Можетъ Богъ сжалился надъ своимъ народомъ. (Стонетъ). Въ Польшѣ, говорятъ, начались муки рожденія Мессіи.

1-ый Старикъ.

У насъ еще не было никакого знаменія. Ни одинъ пророкъ еще не явился. Мы знаемъ только то, что велѣли дѣлать намъ наши мудрецы. Сегодня годовщина разрушенія храма. Давайте дальше читать «Плачъ Іереміи».

Люди берутся снова за молитвенники. Темнѣетъ. Одинъ у другого зажигаютъ свѣчи.

2-ой Старикъ читаетъ.

«Отцы наши грѣшили, ихъ уже нѣтъ, а мы несемъ наказаніе за ихъ беззаконія».

Народъ за нимъ.

«Отцы наши грѣшили, ихъ уже нѣтъ, а мы несемъ наказаніе за ихъ беззаконія».

ЗАНАВѢСЪ.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

На Царскихъ гробницахъ Іерусалима.

Широкій просторный дворъ, мощеный камнемъ, окруженъ высокими, старыми стѣнами, изъ которыхъ растутъ деревья; на стѣнахъ видны черныя и бѣлыя пятна; отъ нихъ вѣетъ древностью. Налѣво—широкая лѣстница на улицу. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы черныя отверстія глядятъ на стѣны, это—«mikw'ы» изъ дождевой воды. Здѣсь омывали покойниковъ передъ погребеніемъ. Въ глубинѣ полуразрушенныя колонны отъ уцѣлѣвшей полуразрушенной террасы. Круглый осколокъ скалы вмуравленъ въ отверстіе пещеры, обращенное къ двору. Темнѣетъ. Сумерки.

Четыре высокія ели растутъ надъ пещерой. На двухъ рухнувшихъ колоннахъ у входа въ пещеру сидятъ Рахиль и Лея—двѣ прежнія жены Саббатая-Цеви. Сѣрый сумракъ мѣшаетъ женщинамъ видѣть другъ дружку.

Голосъ Саббатая-Цеви. Изъ пещеръ доносится его имя.

Я поднимаюсь на гору,
Я спускаюсь въ долины,
Встрѣчаю Меллисельду—
Дочь короля.
Она приходитъ изъ купальни.
Ея волосы мокры,
Ея лицо, какъ блескъ ножа,
Ея глаза, какъ стрѣлы,
Ея губы—кораллы,
Ея тѣло—молоко.

Лея, какъ бы про себя.

Онъ поетъ о черной королевѣ, съ черной короной на головѣ. Это та, которая вынесла меня изъ моей кровати въ брачную ночь.

Рахиль, какъ бы про себя.

Когда онъ купается въ морѣ или поднимается на горы, я какъ бы сама въ морѣ и на горахъ. Незамѣченная я прошла мимо него.

Лея, замѣтивъ ее.

Кто ты, моя маленькая сестрица?

Рахиль.

Я прихожу съ востока изъ города Измеръ. Мнѣ было 14 лѣтъ, когда меня повели подъ вѣнецъ съ нимъ. Мое тѣло мать купала въ козьемъ молокѣ. Глаза мои я мыла въ драгоцѣнномъ маслѣ,—а онъ не смотрѣлъ, не видѣлъ меня. Въ морѣ онъ купался, на горы поднимался. Почему ты моихъ черныхъ глазъ не видѣлъ? Почему ты тѣла моего не замѣчалъ?—ты вѣдь стоялъ со мной подъ вѣнцомъ, ты вѣдь накрылъ свадебнымъ покровомъ мои волосы.

Лея.

Поди ко мнѣ, моя маленькая сестрица, положи голову ко мнѣ на колѣни.

Рахиль.

Кто ты? Я боюсь тебя.

Лея.

Не бойся меня. Какъ и ты, я была съ нимъ подъ вѣнцомъ и ложе его раздѣляла. Изъ одного кубка мы пили вино. Я сдѣлалась его женой только обрядомъ вѣнчанія, но любви его не знала.

Рахиль.

Его тѣло было ароматно, какъ благовонное масло, какъ райское яблоко, которое отецъ достаетъ въ дни кущи. Я чувствовала благовонія, исходящія отъ рукъ его. Богъ не благословилъ меня. Я не была достойна его.

Лея.

По ночамъ я только слышала однѣ его молитвы, однѣ только пѣснопѣнія.

Рахиль.

Ты тоже была его женой? Кто ты, что удостоилась этого?

Лея.

Мой отецъ Самуилъ Тируди, изъ города Салоникъ. Наша семья происходитъ изъ Португаліи. Вмѣстѣ съ арабами пришли мы въ Испанію. Наши богатства не въ деньгахъ, не въ земельныхъ владѣніяхъ, а въ письмѣ, написанномъ на пергаментѣ, впитавшемся въ нашу кровь, внѣдрившемся въ наши тѣла. — Маленькое письмо, свидѣтельство о происхожденіи, и на немъ значатся имена, поколѣнія за поколѣніями, вплоть до царя—пастуха; съ кровью Давидовой, текущей въ нашихъ жилахъ, странствуемъ мы—семья Тируди; принцы крови—мы странствуемъ изъ страны въ страну, отъ рѣки къ рѣкѣ. Посмотри на эти стѣны (она показываетъ на стѣну). На нихъ написано величіе нашего происхожденія. Видишь эти пятна, черныя и бѣлыя? Это наши герои, повѣсивъ свои панцыри и муки, прикрывали могилы царя tales'омъ. Кровь Давидову я принесла ему въ приданое. Отъ дерева Давидова я думала ему рождать дѣтей, а онъ оттолкнулъ меня, отбросилъ меня.

Рахиль, лежитъ у нея на колѣняхъ.

Я происхожу не изъ племени Давидова, все же я царское дитя, еврейка. Я ему не кровь Давидову въ

приданое несла, не золото, не дворцы, а мою молодость. Я къ ногамъ его положила мою кровь, мою жизнь, а онъ оттолкнулъ меня, отбросилъ.

Лея.

Мы недостойны его.

Рахиль.

Но почему же мы недостойны?

Лея.

Не знаю, сестра моя милая, поймешь ли ты меня. Велика его душа и каждую ночь она поднимается къ небу, Богъ излилъ на него свою благодать и послалъ его къ намъ избавителемъ. Чистыми должны быть наши души для того, чтобы могли высоко подниматься вмѣстѣ съ его душой. Слишкомъ обременены онѣ.

Рахиль.

Я по ночамъ только слышала, какъ онъ молился и пѣлъ. Лицо его было обращено къ стѣнѣ, и онъ какъ будто тихо, любовно съ кѣмъ-то говорилъ. Человѣка я не видѣла—только на лицѣ его было сіяніе и свѣтило оно, какъ солнце, и лучистыми были глаза его.

Лея.

Это онъ съ Богомъ говорилъ.

Рахиль.

Я падала къ ногамъ его, покрывала ихъ своими волосами, а онъ, бережно оттолкнувъ меня, выходилъ изъ комнаты.

Лея.

Онъ совсѣмъ не говорилъ съ тобою?

Рахиль.

Онъ только смотрѣлъ мнѣ въ глаза и говорилъ: ты не та. И уходилъ. Я бѣжала за нимъ. Онъ уходилъ далеко въ горы и одиноко и тихо, сливаясь съ сѣдымъ туманомъ, ночной росой, исчезалъ изъ глазъ.

Лея.

И ты больше его не видала?

Рахиль.

Отецъ принуждалъ его, и мы разстались. По субботамъ и въ день новаго года онъ объявлялъ въ синагогахъ, что міръ уже возвысился, а Богъ и человѣкъ уже искуплены. Не знаю, что онъ думалъ этимъ. Имя Божіе онъ провозглашалъ, словно первосвященникъ въ судный день въ храмѣ, а они выгнали его изъ города.

Лея.

Онъ пришелъ къ намъ въ городъ Салоники; ночью онъ и его семьсотъ учениковъ расположились на рынкѣ. Въ своемъ бѣломъ одѣяніи онъ былъ похожъ на молодого первосвященника, и говорилъ онъ о Богѣ, о человѣкѣ, и стучался онъ во всѣ двери, и рвалъ всѣ ставни, и звалъ молодыхъ и старыхъ на улицу, и будилъ, и проповѣдывалъ, и говорилъ, что Богъ его избралъ для избавленія человѣка и міра—расчистить путь къ возвышенію. Близится день, наступаетъ годъ пять тысячъ четыреста восьмой, и первый день этого года предопредѣленъ Богомъ для освобожденія отъ цѣпей Мессіи, того Мессіи, котораго Богъ связалъ въ день его рожденія—въ день

разрушенія святого храма. Они зажигали факелы, свѣтильниками освѣщали площадь и широко и мощно разносились ихъ молитвы, звавшія къ Богу.

Рахиль.

Какъ онъ выглядѣлъ?

Лея.

Какъ первосвященникъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи. И я пала къ его ногамъ, я — отпрыскъ дома Давидова, и онъ повелъ меня подъ вѣнецъ, но не сдѣлалъ меня своей женой.

Рахиль.

Тебѣ тоскливо, милая сестра?

Лея.

Меня уложили спать въ его кровать въ подвѣнечномъ платьѣ. Мать шептала мнѣ на ухо: святи свое тѣло, душу свою святи, милая доченька. Догоралъ фитиль въ лампочкѣ, музыка играла. Въ дверяхъ появилась царица, черная, какъ ночь, въ коронѣ, вся въ золотѣ, въ черномъ покрывалѣ, со звѣздой на лбу; она вынесла меня изъ кровати, мигало пламя въ лампочкѣ, музыка играла за дверью.

Рахиль.

Бѣдная сестрица моя, бѣдная сестрица!

Лея.

Онъ ушелъ изъ дома моего отца: «что мнѣ до тебя, что тебѣ до меня? Ты не та! Она, Богомъ предопре-

дѣленная, придетъ ко мнѣ, наши съ ней души — родныя сестры, однимъ свѣтомъ осіянныя, Богомъ благословенныя»...

Слышенъ голосъ Саббатая-Цеви изъ пещеры:

Гдѣ же искать мнѣ невѣсту мою.
Я ищу ее, когда солнце восходитъ,
Я ищу ее, когда солнце заходитъ.
И ночь и день.
Одинъ вопросъ у меня на устахъ:
Не пора ли воздвигнуть балдахинъ?
Не пора ли соткать покрывало къ вѣнцу?
Не пора ли широкое ложе поставить,
Чтобъ къ свадьбѣ все было готово?

Лея.

Это онъ о ней, о ней поетъ... Я вижу сѣдого старца; безъ обуви, въ tales'ѣ, точно бѣлый призракъ, онъ входитъ въ дверь. Кто онъ?

Неемія-Коэнъ входитъ въ дверь безъ обуви, въ tales'ѣ, подъ мышкой у него рогъ, а въ рукѣ сосудъ съ елеемъ.

Саббатай, мой сынъ, гдѣ ты?

Рахиль.

Сестра, дорогая, мнѣ страшно.

Лея.

Пойдемъ, спрячемся за стѣной. Онъ Бога зоветъ.

Лея и Рахиль скрываются

Неемія Коэнъ.

Саббатай, мой сынъ, Саббатай, гдѣ ты?

Голосъ Саббатая изъ пещеры:

Я здѣсь. Кто зоветъ меня?

Неемія Коэнъ, говоритъ въ пещеру:

Я зову. Я, посланный Богомъ. Такъ говоритъ Богъ: Саббатай, мой сынъ, зачѣмъ прячешься въ ямахъ и пещерахъ? Отряхни пыль съ твоего платья. Сбрось цѣпи съ твоихъ рукъ и воздвигни то, что дано тебѣ воздвигнуть, и разруши то, что дано тебѣ разрушить!

Голосъ Саббатая-Цеви.

Я слышу голосъ Божій, врывающійся сквозь затворы въ мою пещеру, онъ зоветъ меня, я готовъ. (Онъ появляется изъ пещеры, одѣтый въ бѣлое, окруженный своими учениками; они въ черномъ со свѣчами въ рукахъ). Говорите, я готовъ.

Неемія Коэнъ.

И былъ мнѣ голосъ Божій такъ: «Сынъ родился у Мордухая въ городѣ Измерѣ, что лежитъ на востокѣ у моря. И я назвалъ его Саббатаемъ-Цеви. И онъ покоритъ себѣ водяныхъ чудовищъ, что живутъ въ рѣкахъ Египетскихъ. И ослабитъ змѣю извивающуюся. Не желѣзомъ, не сталью поведетъ на войну, а словомъ моимъ, которое въ немъ, и славой моей, которая сіяетъ надъ нимъ». И еще разъ былъ мнѣ голосъ Божій послѣ восхода солнца: «Возьми въ руки сосудъ съ елеемъ и рогъ захвати съ собою, и иди къ Саббатаю — моему сыну и помажь его отцомъ и старѣйшиной надъ моимъ народомъ израильскимъ и

пастыремъ надъ моимъ священнымъ городомъ, ибо я раскаялся и увидѣлъ ихъ страданія и позоръ и вспомнилъ я, что они зовутся моимъ именемъ». И я сказалъ:

«Богъ отцовъ моихъ, куда же мнѣ итти и гдѣ мнѣ найти твоего избранника». И было мнѣ слово Божіе: «Ступай въ страну іудейскую въ городъ Іерусалимъ, на гробницы царей съ западной стороны града и стань у пещеры, но не входи въ нее, и ты встрѣтишь тамъ его женъ, которыя неотступно слѣдуютъ за нимъ». И я провозгласилъ такъ: «Саббатай, мой сынъ, Саббатай, мой сынъ. Сіяніе мое надъ тобой, иди и прославь мое имя, ибо настало время тебѣ воздвигнуть балдахинъ». И вотъ, я воззвалъ къ тебѣ, и ты показался у порога пещеры. И теперь пусть будетъ слава имени Бога, изрекшаго правду черезъ своего раба — дабы я встрѣтилъ тебя нынѣ.

Саббатай-Цеви.

Долго я ждалъ слова Божьяго. Слава Ему, избравшему меня стражемъ своего народа. И да будетъ его блескъ и слава надо мной. Да будетъ онъ со мной всегда и вѣчно — ради дома отца моего Давида, чтобы оправдалось то, что онъ говорилъ праотцамъ моимъ — Аврааму, Исааку и Якову, а теперь исполнено свое посланіе, ибо Богъ и человѣкъ ждутъ избавленія!

Неемія Коэнъ, беретъ сосудъ съ елеемъ и льетъ на его голову.

Нынѣ я помазалъ тебя во имя Бога Авраама, Исаака и Якова царемъ Мессіей надъ избраннымъ народомъ Израиля и вложилъ слово Божіе въ твои уста и мечъ Божій въ твои руки, и мощь его съ тобою, и слово его съ тобою. (Трубитъ въ рогъ). Да здравствуетъ царь Мессія! Да здравствуетъ царь Мессія!

Ученики.

Да здравствуетъ царь Мессія! Да здравствуетъ царь Мессія!

Саббатай-Цеви.

Я Богомъ избранъ. Во мнѣ его слово живетъ, во мнѣ его мощь. Я освобождаю всѣхъ отъ ига зависимости. И павшую землю я поднимаю къ небу, очищаю и исцѣляю народы оскверненные, и дѣлаю совершеннымъ несовершенное, и души отъ плѣна избавляю и освящаю ихъ и возвышаю ихъ. Да погибнетъ зло и торжествуетъ добро! Такъ я повелѣлъ, и да будетъ такъ!

Ученики.

Рабби! мы видимъ свѣтъ. Рабби, мы видимъ свѣтъ!

Авраамъ Яхини, одинъ изъ его учениковъ, пророчествуетъ:

Я вижу, какъ міръ освобождается, выходитъ изъ пещеръ и возвышается. Небеса разверзаются. Души цѣлыхъ поколѣній, заблудившіяся и покинутыя, избавляются; становятся у трона славы—возвращаются къ своему божественному источнику. Я вижу молитвы, годами томившіяся. Онѣ теперь омыты, очищены и сплетаются въ короны Божества. Небо получаетъ обратно свой свѣтъ. Земля обновляется. Богъ и человѣкъ освобождаются. Такъ рѣшилъ Богъ, такъ рѣшилъ Богъ!

Саббатай-Цеви.

Я изливаю на васъ свой духъ и удѣляю вамъ часть моей святости и даю вамъ даръ пророчества. И вы понесете мое слово и мое повелѣніе во всѣ концы бѣлаго свѣта. Угнетенному народу израильскому благовѣствуйте, что насталъ часъ его блеска и великолѣпія. И я соберу ихъ со всѣхъ концовъ свѣта и

приведу ихъ въ страну, которую Богъ заповѣдалъ моимъ праотцамъ—Аврааму, Исааку и Якову. И я самъ буду царствовать надъ ними.

Ученики.

Рабби, мы видимъ свѣтъ. Мы видимъ свѣтъ!

Саббатай-Цеви.

Авраамъ Яхини, сынъ Исаака, сынъ Аарона.

Авраамъ Яхини приближается къ нему.

Саббатай-Цеви.

Я вижу въ тебѣ душу пророка Натана, что пророчествовалъ праотцу моему Давиду. И я оставлю тебя отцомъ моихъ пророковъ. И всегда ты долженъ быть со мною. Черезъ тебя я буду вопрошать о путяхъ, по которымъ я долженъ ходить.

Авраамъ Яхини, кланяется.

Царь Мессія повелѣлъ—такъ да будетъ. Да живетъ вѣчный царь.

Саббатай-Цеви.

Пусть предстанетъ передо мной Самуилъ Примо, сынъ Давида, сынъ Зораха.

Самуилъ Примо, подходитъ.

Повелѣвай, царь Мессія. Твой рабъ слушаетъ.

Саббатай-Цеви.

Я вижу въ тебѣ душу Іосафата, сына Ахиліуда, который былъ приближеннымъ праотца моего Давида.

Ты будешь моимъ приближеннымъ, всегда со мной, чтобы черезъ тебя оповѣщать о путяхъ, по которымъ они должны ходить.

Самуилъ Примо, кланяется.

Царь Мессія повелѣлъ — такъ да будетъ. Да пребываетъ съ тобой всегда Богъ.

Саббатай-Цеви.

Возьми перо въ руки и возьми дощечку и вырѣжь на ней то, что я скажу.

Самуилъ Примо идетъ въ пещеру, приноситъ оттуда дощечку, гусиное перо, садится на обвалившуюся колонку. Два ученика держатъ передъ нимъ свѣчи.

Саббатай-Цеви, диктуетъ ему.

«Въ первый день воскресенья въ свѣтъ и духъ, т.-е. въ двадцать второй день мѣсяца-Тамуза львамѣсяца — мы шли изъ Измера и остановились въ Салоникахъ. Мы шли изъ Салоникъ и остановились на отдыхъ въ Іерусалимѣ у царскихъ гробницъ. Отъ Давида, сына Іессея, возвышеннаго надъ царями міра, возсѣдающаго въ благѣ и славѣ Мессіи Бога Якова, Саббатая-Цеви — его избранному народу израильскому, который разсѣянъ во всѣхъ концахъ свѣта, по всѣмъ странамъ, куда достигаетъ его законъ и повелѣніе.

«Свѣтъ къ вамъ пришелъ. И солнце ваше засіяло. Я вашъ повелитель и царь, Богомъ избранный, помазанный Мессіей Богомъ Якова, — пришелъ. Я сжалился надъ вами. Я облекусь въ платье мести, чтобы отомстить за васъ. Я помилую васъ, какъ милуетъ мать своихъ дѣтей, и соберу васъ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ вы разсѣяны, и приведу васъ въ счастливую страну ханаанскую, которую Богъ завѣщалъ вашимъ пра-

отцамъ Аврааму, Исааку и Якову. Вѣруй въ меня и надѣйся на меня — придетъ скоро время, когда я проявлю свою мощь и свою крѣпкую десницу народамъ всей земли. Ибо не солжетъ онъ, опора Якова, и не измѣнитъ защитникъ Израиля.

«И настанетъ неземная жизнь. Молитесь и въ молитвахъ своихъ благословляйте мое царство. И такъ да будете говорить въ своихъ молитвахъ: «Слава нашему властелину, слава нашему защитнику Мессіи, Бога Якова. Да возвысится красота его. Да возвысится царство его. Въ славѣ бьется его сердце. Престолъ его да будетъ проченъ отнынѣ и до вѣка».

«Отъ меня, Давида, сына Ессея, возвышеннаго надъ царями міра, возсѣдающаго въ благѣ и славѣ Мессіи Бога Якова, Саббатая-Цеви».

Самуилъ Примо кончаетъ писать.

Саббатай-Цеви, къ Самуилу Примо.

Возьми это письмо и приложи къ нему мою печать — «змѣю», ибо я буду мстить за нихъ, какъ змѣя.

Прикладываетъ печать.

Саббатай-Цеви къ Аврааму Яхини.

Подпиши ты тоже.

Авраамъ Яхини, пишетъ.

Рабъ своего властелина, я, Авраамъ Яхини, названный царемъ Мессіей — пророкомъ Натаномъ, годъ «искупленіе пришло». (Сумма цифровыхъ значеній буквъ равно суммѣ буквъ имени Саббатая-Цеви).

Саббатай-Цеви передаетъ письмо своимъ ученикамъ.

Несите мое слово во всѣ концы свѣта и распространяйте мою славу и блескъ и благовѣствуйте всюду.

Съ вами мой духъ. Я даю вамъ отъ моей силы, чтобы искоренять и разрушать, губить и разорять, строить и насаждать. И оповѣщайте, что до моего пришествія къ нимъ, я буду страдать за нихъ, чтобы возвысить ихъ души и чтобы исполнить слово пророка: «И царь закованъ въ цѣпи». Я дамъ заковать себя въ цѣпи, только бы сердца ваши не стали робкими и не размягчились. Какъ левъ, изъ своей берлоги я выйду и, какъ леопардъ, я буду крѣпокъ. Я отомщу местью Божьей за себя и за нихъ.

Матафія Блохъ и Мордухай Хасидъ берутъ письмо.

Матафія Блохъ.

Мы понесемъ твое слово и твое повелѣніе въ страны и народы міра, чтобы они познали твой блескъ и великолѣпіе твое и чтобы служили тебѣ, царю Мессіи и учителю.

Саббатай-Цеви.

Идите, духъ мой съ вами.

Матафія Блохъ и Мордухай Хасидъ уходятъ, пятясь задомъ.

Саббатай-Цеви.

Авраамъ, мой пророкъ, Самуилъ, мой приближенный, будьте всегда со мной, пойдемте къ евреямъ. Пойдемте возвышать души.

Уходитъ со своими учениками.

Лея и Рахиль выступаютъ изъ-за стѣны, бросаются къ ногамъ Саббатая-Цеви, цѣлуютъ подолъ его платья.

Царь и мужъ, дай намъ отъ твоей святости.

Саббатай-Цеви, къ Самуилу Примо.

Кто онѣ?

Самуилъ Примо.

Это твои прежнія жены,—словно тѣни онѣ идутъ за тобой и цѣлуютъ стопы твои, царь Мессія.

Саббатай-Цеви.

Чего онѣ хотятъ?

Самуилъ Примо.

Онѣ хотятъ удостоиться тебя.

Саббатай-Цеви.

Я вижу въ нихъ души дочерей Целавхада. Потому и онѣ тоже будутъ въ числѣ тѣхъ, кого призвалъ. (Къ Аврааму Яхини). Возвысь ихъ, ибо онѣ сподобились цѣловать подолъ моего платья и сдѣлай ихъ рабынями той, которая придетъ послѣ нихъ и которая лучше ихъ.

Онъ медленно уходитъ со своей свитой. Лея и Рахиль за ними.

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Кладбище въ маленькомъ польскомъ городкѣ. Клубятся туманы. Порою они точно скалы громоздятся на горизонтѣ и снова исчезаютъ. На заднемъ планѣ вырисовываются бѣлыя высокія стѣны монастыря, — точно блѣдные призраки ночи. Изъ-за надгробныхъ плитъ, бѣлѣющихъ во мракѣ, видны группы прячущихся евреевъ. Ихъ выдаютъ бѣлыя одѣянія (Kittel), на которыя падаетъ лучъ луны или робкій свѣтъ фонаря. Временами люди, собираясь въ группы, о чемъ-то шепчутся.

Въ далекомъ небѣ видно потухающее зарево гдѣ-то горящаго города.

До тѣхъ поръ, пока монастырскія окна освѣщены и слышится пѣніе,—на кладбищѣ нѣтъ движенія. Но вскорѣ окна монастыря темнѣютъ; пѣніе умолкаетъ. Одинъ за другимъ вырисовываются силуэты въ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Черныя тѣни ложатся на бѣлыя плиты. Силуэтовъ становится все больше. Группы.

Первый.

Смотрите, смотрите. Что это? (Рука указываетъ на потухающее зарево). Пожаръ въ нашемъ городѣ догораетъ. Кажется, наши враги уходятъ. Съ Божьей помощью, кажется, уцѣлѣемъ.

Второй.

Этого нельзя знать. Очень ужъ озлоблены казаки противъ насъ. Говорятъ, что Хмѣльницкій—ихъ главарь, выдалъ приказъ не оставлять въ живыхъ ни одного еврея.

Богомольный.

Надо читать исповѣдь, приготовиться къ смерти.

Второй.

Къ смерти мы всѣ готовы. Вотъ, эти саваны на насъ. И обрядъ купанія совершенъ. Мы всѣ «готовы».

Богомольный.

Я не это думаю. Можетъ быть, намъ предстоитъ великое испытаніе. (Показывая рукою на монастырь). Вотъ это—или смерть. Сыны Авраама, Исаака и Якова, будьте готовы.

Голоса изъ народа.

Мы готовы, мы готовы, Отецъ небесный!

Голоса замолкаютъ. Люди опускаютъ головы, точно, въ молчаливомъ общеніи, каждый предъ возможностью смерти провѣряетъ свою духовную жизнь. Долгое молчаніе. Въ глубинѣ сцены внезапно появляется рой медленно удлиняющихся факеловъ.

Первый, съ подавленнымъ крикомъ радости.

Смотрите, казаки уходятъ, смотрите!

Толпа, быстро оборачиваясь, какъ бы удостовѣряясь.

Слава!..

Второй, прерывая.

Тише, спрячьтесь, могутъ увидѣть наши бѣлыя одѣянія.

Толпа частью прячется за надгробными памятниками, частью припадаетъ къ землѣ. Слышны отдѣльные, подавленные голоса:

Хвала тебѣ, Господи... Да будетъ благословенно Твое имя.

Безмолвіе длится секунду, другую, пока факелы не исчезаютъ въ ночи. Люди поднимаются, сходятся изъ всѣхъ угловъ, разбиваясь на группы.

Нѣкоторые.

Слава тому, чье имя благословенно, опасность прошла.

Богомольный.

Все равно надо быть готовымъ ко всему, неизвѣстно, что можетъ случиться. (Толпа снова умолкаетъ на минуту).

Нѣкоторые.

Что намъ теперь дѣлать?

Богомольный.

Возблагодарить Бога за милость.

Молодой человѣкъ.

Они разрушили крыши надъ нашими головами, они уничтожили наши постройки, безъ платья и крова мы бродимъ по полямъ.

Богомольный.

Все за грѣхи, за наши грѣхи!

Молодой человѣкъ.

Они опозорили нашихъ женъ на глазахъ у насъ, они придавили нашихъ дѣтей, они запрягали нашихъ юношей вмѣстѣ со своими лошадьми.

Богомольный.

Но за наши грѣхи, за наши...

Молодой человѣкъ.

Посмѣшищемъ и позоромъ мы сдѣлались въ чужихъ глазахъ, три дня и три ночи мы постились во имя Его и никакого отвѣта, ни звука. Онъ отвратилъ свое лицо отъ насъ. Беззащитные, мы отданы въ чужія руки, точно мы, Боже упаси, предъ деревомъ колѣна преклоняли; точно мы камню возсылали молитвы. Одиноко мы стоимъ въ мірѣ!

Богомольный, къ окружающимъ.

Въ самихъ насъ грѣхъ — это безспорно. Не даромъ женщины умираютъ въ родахъ. Навѣрное грѣхъ совершенъ всею общиной. Вотъ женщина щеголяетъ своими волосами, она больна, — но принимаетъ ласки мужа, — и это не грѣхъ?! Не очень разборчивы въ молочномъ и мясномъ; многіе ли безпокоятся, порванъ ли Эйрувъ? Всѣ ли возлагаютъ на себя «tefilim» по утрамъ, всѣ ли читаютъ «Шема» по вечерамъ, всѣ ли внимательно осматриваютъ «mesusas» на косякахъ своихъ дверей, при печеніи хлѣбовъ соблюдается ли нашъ древній обрядъ? Кто знаетъ? Возьмемъ въ руки трубные рога, зажжемъ въ синагогахъ черныя свѣчи, объявимъ «Херемъ» и предадимъ проклятью преступниковъ. Время испытанія наступило для евреевъ.

Молодой человѣкъ.

Справедливости мы ждемъ отъ неба, взоры наши обращены на Востокъ. Головой къ востоку лежимъ мы въ могилахъ; лица наши глядятъ туда, гдѣ наши молитвы. Но оттуда нѣтъ и признака заботы о насъ. Пути намъ не указываютъ; ни слова не услышавъ, про-

ходятъ цѣлыя поколѣнія. Вымерли наши пророки, взятъ у насъ священный кивотъ завѣта. Одинако, мы стоимъ въ мірѣ безмолвные и немощные.

Богомольный.

Не говори такъ. Твой языкъ, упаси Боже, доведетъ до грѣха. Да, пророки... но наше время гордится великими раввинами.

Молодой человѣкъ.

Къ мертвымъ буквамъ они придумываютъ толкованія, — къ мертвымъ буквамъ, начертаннымъ руками мертвецовъ. Живому «сегодня» навязываютъ мертвое «вчера». Ни одно слово не сообщается имъ силой откровенія. Ни одного знака, ни одного намека. Не перебираемъ ли мы пыль цѣлыхъ поколѣній? И цѣлыя столѣтія, мы, народъ въ изгнаньи, живемъ, довольствуясь комментаріями къ словамъ далекой старины. Почему для насъ молчитъ слово откровенія? Развѣ мы нынѣ Ему не такъ вѣрны, какъ наши предки во времена, давно минувшія? Развѣ не предпочли мы класть головы наши подъ ножъ, вмѣсто того, чтобы видѣть ихъ склоняющимися предъ крестомъ? Развѣ наши дочери не бросались въ воду, только бы тѣла ихъ не были поруганы необрѣзанными? Развѣ не съ Его именемъ на устахъ шли мы въ огонь, громко славя Его? Почему Онъ тамъ на верху молчитъ? Почему Онъ безмолвно прячется за облаками? Съ Его именемъ, глубоко запечатлѣнномъ въ нашихъ сердцахъ, мы прячемся въ мертвечинѣ, — словно уши, къ которымъ мы взываемъ, глухи, словно наши простертыя руки — безсильны — на позоръ и посмѣшище нарождающемуся поколѣнію.

Богомольный.

На разстояніи четырехъ локтей къ нему и не подходите! Не прикасайтесь къ его платью! Заткните уши

и не слушайте его! Горе намъ! Онъ поноситъ имя Божіе!

Движеніе въ толпѣ.

Часть толпы.

Оставь его! Оставь его! Это въ немъ духъ скорби говоритъ, сердце, обливающееся кровью.

Первый кабалистъ.

Горе имъ! Они печалуются только о страданіяхъ тѣла. Господи, да святится имя Твое! Онъ, какъ и мы, въ изгнаніи. Онъ, какъ и мы, подъ сѣнью священнаго Кивота, и рыдаетъ съ нами, и страдаетъ съ нами. И вмѣстѣ съ нами Онъ прячется среди могилъ и ждетъ насъ, ждетъ, чтобы мы поднялись выше на одну ступень. Евреи, святы будьте! Часъ близится, время искупленія надвигается, какъ сказано въ священномъ «Зогарѣ». Кто знаетъ, можетъ быть, эти муки — тѣ, что должны предшествовать появленію Мессіи.

Толпа тѣсно окружаетъ кабалиста.

Второй кабалистъ.

Къ намъ издалека явился какой-то еврей. Онъ одѣтъ въ бѣломъ. Въ рукѣ у него горсть палестинской земли, и онъ разсказываетъ, что гдѣ-то тамъ, за моремъ есть страна, и въ ней живутъ десять колѣнъ израилевыхъ; священный языкъ — это ихъ языкъ, и субботній день — ихъ день. Путь въ эту страну лежитъ черезъ рѣку Самбатіонъ. Но шесть дней въ недѣлю злой духъ кидаетъ камни и переправа невозможна. Въ седьмой день, когда евреи обязаны отдыхать, рѣка тоже отдыхаетъ... Онъ разсказываетъ также, что гдѣ-то на морѣ плывутъ корабли, и паруса у нихъ шелковые, флаги шелковые, и имена десяти колѣнъ пламенѣютъ на па-

русахъ. Матросы на кораблѣ говорятъ на священномъ языкѣ. На Востокъ плывутъ корабли, къ Востоку наклоняются ихъ флаги... надъ Іерусалимомъ взошла звѣзда, величиною въ лицо человѣческое, и свѣтъ ея, какъ солнце. Изъ пещеръ вырываются голоса. Они вѣщаютъ о томъ, что гдѣ-то явился Мессія.

Третій.

Онъ и къ намъ приходилъ и говорилъ... Неизвѣстно откуда пришелъ и куда ушелъ...

Одинъ изъ толпы, неожиданно увидѣвъ на холмикѣ стоящаго Неемію Коэна.

Кто это тамъ въ саванѣ стоитъ у дерева? Онъ изъ нашей общины?

Толпа смотритъ на Неемію.

Одинъ.

Я его не знаю.

Второй.

Я тоже.

Третій.

Я давно уже замѣтилъ его. Онъ все время стоитъ и молится.

Четвертый.

Я пошелъ мимо него и услышалъ, что онъ повторяетъ только одну молитву: Владыка Міра, Святи Твое имя во всей вселенной.

Другой.

Нельзя разглядѣть его лица, оно завернуто въ tales.

Второй кабалистъ.

Я пойду къ нему.

Нѣкоторые изъ толпы.

Не ходите.

Второй кабалистъ приближается къ Нееміи Коэну.

Шоломъ-Алэйхемъ.

Неемія не отвѣчаетъ.

Второй кабалистъ.

Кто ты? Нашъ или чужой? Мы этого требуемъ, скажи, кто ты?

Неемія.

Кто мѣшаетъ мнѣ сосредоточиться?

Второй кабалистъ.

Реббэ, мы переживаемъ великое бѣдствіе.

Неемія.

Развѣ вы не чувствуете близости Бога — духа милосердія, Который витаетъ надъ вами? Онъ собралъ ваши молитвы, смылъ ихъ пятна, очистилъ ихъ отъ дурныхъ мыслей и на своихъ рукахъ понесъ ихъ къ вратамъ милосердія. На девять ступеней онъ поднялся, у десятой онъ встрѣтилъ ангела. Кто мѣшаетъ мнѣ сосредоточиться?

Второй кабалистъ.

Реббэ, мы переживаемъ великое бѣдствіе.

Неемія.

И души ваши, не достигшія совершенства, блуждаютъ среди могилъ, не могутъ подняться къ верховному судилищу. И молитвы ваши несовершенныя блуждаютъ, пока ихъ не подхватятъ злые духи, и еще болѣе тяжелѣютъ цѣпи, сковывающія Мессію!

Голоса въ толпѣ.

Горе намъ!

Другой кабалистъ.

Я узналъ его. Это тотъ самый еврей. Онъ былъ у насъ. Онъ говорилъ о Мессіи.

Нѣкоторые.

Онъ несетъ намъ вѣсть издалека.

Неемія, какъ бы пробуждаясь.

Радуйтесь, евреи, радуйтесь. Благодать Божья — «Schechina» — облеклась въ свое праздничное одѣяніе. Съ вѣнцомъ на головѣ, она ждетъ своего друга. Онъ придетъ къ ней въ блескѣ и сіяніи. Небо и земля шлютъ имъ гимны навстрѣчу. Цѣлые міры освобождаются отъ узъ, вырываются изъ оковъ и поднимаются все выше и выше. Блуждающія души обрѣтаютъ покой... Блуждающія молитвы прокладываютъ себѣ дорогу къ престолу славы, и небеса поднимаются выше, и земля поднимается, путы развязываются. Все освобождается. Слышите пѣніе? То совершенство, изначальное, отъ сотворенія міра, поетъ свой побѣдный гимнъ. (Толпа безмолвствуетъ, охваченная страхомъ). (Одинъ къ другому): Онъ о чемъ-то возвѣщаетъ, не знаю, что онъ думаетъ.

Молодой человѣкъ, онъ все время сидѣлъ позади одной надгробной плиты и внимательно слушалъ, теперь быстро поднимается.

Я слышу какія-то слова. Знаю, знаю, о чемъ онъ говоритъ.

Первый кабалистъ, къ Нееміи.

Реббэ, мы переживаемъ великое бѣдствіе.

Неемія сходитъ съ холмика, смѣшивается съ толпою.

Евреи, готовьтесь къ истинному часу. Онъ близокъ. Близится время. Слышу: цѣпи Мессіи рвутся. Міръ ждетъ. Небо ждетъ. Земля ждетъ. Все въ ожиданіи. Онъ тутъ среди насъ. За дверью, за нашей дверью онъ ждетъ, чтобы ему помогли подняться выше, побѣдить зло, дабы міръ достигъ полноты совершенства, дабы Богъ и «Schechina» могли слиться во-едино...

Часть толпы

Реббэ, что намъ дѣлать?

Неемія.

Очищайте ваши души отъ пятенъ. Чтобъ не стало ни пятенъ, ни зазубринъ. Очищайте ваши молитвы и всѣ вы готовьтесь. Поднимайтесь до одной мысли, до одного великаго, великаго состоянія... (Тихо). Онъ тутъ среди насъ... Онъ ждетъ насъ... (Вѣщая): Чѣмъ больше приближается часъ искупленія, тѣмъ сильнѣе, сильнѣе становится Сатана. Превозмогайте зло... Предстоитъ испытаніе... Евреи, будьте готовы... Испытаніе предстоитъ...

Внезапно до слуха доносится какое-то движеніе по травѣ среди плитъ. Затѣмъ, веселый голосъ дѣвушки.

Голосъ Сары.

Мать вымыла мои черныя косы.
Причесала меня къ вѣнцу...
Я стала невѣстой Мессіи.
Въ судный день наша свадьба...

Толпа, охваченная ужасомъ, прислушивается къ голосу Сарры. Неемія исчезаетъ.

Первый.

Слышалъ голосъ среди могильныхъ плитъ.

Другой.

Кто-то скрылся тамъ.

Толпа въ ужасѣ ждетъ.

Сара.

Она бѣжитъ со стороны монастыря, въ ночной сорочкѣ и наскоро накинутомъ одѣяніи. Волосы растрепаны. Дико смѣется.

Синяками покрыто мое тѣло. Куски мяса вырваны изъ моихъ рукъ, но изъ монастыря я спасена. Меня вытащилъ покойный отецъ. Ночью онъ пришелъ и вынесъ меня изъ монастыря.

Первый кабалистъ.

Откуда ты пришла?

Сара.

Изъ монастыря я убѣжала. Они схватили меня во время войны, давали мнѣ ѣсть трефное, давали мнѣ крестъ цѣловать. Я вѣдь невѣста Мессіи, какъ же я

могу ѣсть трефное? Какъ я могу цѣловать чужого Бога? Они связали мнѣ руки, били меня кнутомъ. Я крѣпко закусила губы, своими косами прикрыла глаза, чтобъ не ѣсть трефного, не смотрѣть на чужого Бога.

Первый кабалистъ.

Кто привелъ тебя сюда?

Сара.

Ночью пришелъ мой покойный отецъ. Онъ кусалъ мои руки, рвалъ меня вонъ изъ монастыря. Мессія — говорятъ они, — уже пришелъ, туда къ нимъ (показываетъ на монастырь), отпустилъ всѣ грѣхи, и мы уже спасены. Къ нимъ онъ пришелъ. Къ намъ тоже, но мы будто его прогнали и поэтому остались на улицѣ. Мессія уже пришелъ, и они славятъ его имя во всѣхъ четырехъ концахъ свѣта, несутъ его слова черезъ моря къ дикимъ народамъ, черезъ лѣса, черезъ поля, и цѣлуютъ ноги на его изображеніи, лобызаютъ пыль его платья, пьютъ его кровь, ѣдятъ его тѣло. Мессія уже пришелъ, и они связали мнѣ руки, приказали ходить на колѣняхъ передъ нимъ, молиться ему, бить лбомъ объ полъ передъ нимъ. (Вдохновенно): Кусайте мои руки, жгите мои глаза, колите меня иглами, — я не поклонюсь ему, я не буду молиться ему. Къ вамъ Мессія не пришелъ! Къ намъ, къ намъ онъ идетъ, съ Востока идетъ. Ему я буду служить, его пыль я буду цѣловать, для него я свѣчи зажгу, его славу буду пѣть, завѣсы для него буду ткать. Его ноги буду цѣловать, обтирать своими волосами. (Опускаетъ голову и, — вся восторгъ, — молчитъ нѣкоторое время).

Толпа охвачена ужасомъ.

Одинъ изъ толпы.

Кто изъ васъ ее знаетъ? Кто она?

Другой.

Никто изъ насъ ее не знаетъ. Никому неизвѣстно, кто она.

Первый кабалистъ.

Молчите. Прислушайтесь къ ея словамъ.

Сара, лежитъ на землѣ, тихо шепчетъ, ея глаза устремлены вдаль, точно на чужую страну.

Съ востока свѣтъ сіяетъ мнѣ. Я вижу городъ, онъ лежитъ у моря. Высоко въ заоблачный свѣтъ поднимаются горы, и этимъ свѣтомъ все вокругъ облито. Въ темную ночь, весь закутанный въ сѣрое, онъ поднимается высоко, и купаетъ свое тѣло, и купаетъ свою душу въ заоблачномъ свѣтѣ. Мама, одѣнь меня въ вѣнчальное платье, заплети мои косы... Я видѣла своего жениха. Онъ Бога избранникъ. Слушайте! Трубятъ изъ роговъ вблизи и вдали! Я избрала его, я его избрала. Саббатай его имя. Измэръ тотъ городъ зовется.

Первый кабалистъ.

Она пророчествуетъ.

Молодой человѣкъ, падаетъ на землю, поднимаетъ руки къ небу.

Въ теченіе длиннаго ряда поколѣній ты молчалъ, долго, долго тянулась жизнь, и ты молчалъ. Теперь ты снова посылаешь намъ слово, — теперь ты явишься намъ. Слава тебѣ, слава.

Сара.

Я вижу страну. Горы и долины предо мной, какъ на ладони. Каждая песчинка — точно Богъ ее цѣловалъ, точно облита свѣтомъ его славы. У каждаго изъ

міровъ есть своя звѣзда, ярко сіяющая надъ нимъ. У каждой души свой свѣтъ надъ нимъ. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . я вижу ту страну. Ея поля не зеленыя, а бѣлыя, лебединыя крылья въ солнечномъ свѣтѣ.

Небо и земля сочетались...
Богъ и человѣкъ сочетались.

Вижу — онъ поднимается на свою гору. Точно колосья, колеблемыя вѣтромъ, точно жаждущія поля къ облакамъ, тянутся земля и весь міръ къ его горѣ, и внимаютъ его слову и видятъ его свѣтъ. Отъ рабства онъ освобождаетъ, свободными онъ дѣлаетъ людей. Мессія его имя. Сіонъ тотъ городъ зовется.

Голосъ въ толпѣ.

Мессія его имя. Сіонъ тотъ городъ зовется.

Тамъ и сямъ образуются группы, и въ нихъ люди съ воспаленными глазами, говорящіе шопотомъ, точно въ полуснѣ, указываютъ на Сару.

Первый кабалистъ изъ одной группы.

Съ Востока онъ идетъ къ намъ, свѣтлый и величавый. Черезъ страны и страны онъ пронесетъ насъ далеко домой, къ родной матери.

Второй кабалистъ изъ другой группы.

По морямъ плывутъ корабли. По дорогамъ, и тропинкамъ, изъ всѣхъ странъ, отъ всѣхъ народовъ свѣтомъ залитые, святостью возвеличенные, идутъ люди въ шатеръ Божій.

Голосъ въ толпѣ.

Мессія его имя. Сіонъ тотъ городъ зовется.

Одинъ.

Онъ здѣсь, онъ здѣсь, среди насъ.

Другой.

Кто-нибудь видитъ его?

Третій.

Возьмите палки въ руки, узлы на плечи, заберите женъ, дѣтей, и пойдемъ, пойдемъ...

Еще другой.

Куда? Куда?

Еще другой.

Туда, туда!..

Голосъ въ толпѣ.

Мессія его имя, Сіонъ тотъ городъ зовется.

Восходитъ утренняя заря. Все заливаетъ утреннимъ свѣтомъ, и въ этомъ свѣтѣ обрисовываются Матафія Блохъ и Морлухай Хассидъ; оба поднимаются на холмикъ, съ узлами на плечахъ и палками въ рукахъ, обращаясь къ народу.

«Мы пришли къ вамъ отъ Давида, сына Іессея, величайшаго изъ земныхъ царей, тронъ его — благо и

слава. Помазанникъ Бога Іакова, Саббатай-Цеви, къ своему избранному народу израильскому...

Народъ жадно внимаетъ словамъ Матафіи и Мордухая. Ихъ лица сіяютъ въ утреннихъ лучахъ, отражая страхъ и надежду.

Сара, внезапно вскакиваетъ.

Одѣнь меня, мама, въ подвѣнечное платье,
Заплети мои черныя косы.
Я стала невѣстой Мессіи,
Въ судный день наша свадьба.

ЗАНАВѢСЪ.

ЗАНАВѢСЪ.

ВТОРОЙ АКТЪ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Въ Каирѣ у Шерифа-Баши Іосифа-Рафаила. Залъ въ строго восточномъ стилѣ. Стѣны увѣшаны богатыми шелковыми коврами, на которыхъ вышиты сцены изъ «Руѳи» и «Пѣсни пѣсней». На почетномъ мѣстѣ тронъ, ступеньки котораго справа и слѣва украшены львами. По срединѣ залы драгоцѣнный шелковый балдахинъ на четырехъ золотыхъ шестахъ. Вокругъ балдахина пророки и пророчицы во главѣ съ Авраамомъ Яхини и Самуиломъ Примо. «Субботній слуга» и «субботняя служанка» — (не евреи) держатъ въ рукахъ ножницы для чистки свѣчей.

Самуилъ Примо, Баши Іосифъ-Рафаилъ.

Самуилъ Примо, къ Баши.

Ты поистинѣ счастливъ, нашъ вождь, что сподобился принять подъ свою кровлю царя Мессію, вѣнчающагося со своей избранницей-невѣстой, дочерью Бога, Торою.

Баши Іосифъ-Рафаилъ.

Я благодарю и славлю Его имя за честь, выпавшую мнѣ. Султанъ сдѣлалъ меня правителемъ своихъ финансовъ, осыпалъ меня милостями. Но можетъ ли это сравняться съ честью, которую оказываетъ мнѣ въ моемъ домѣ царь Мессія, ведушій свою невѣсту подъ балдахинъ?

Самуилъ Примо.

Твоихъ сыновей онъ сдѣлаетъ царями, — и они, цари, будутъ поливать воду на его руки. Твоихъ дочерей и двухъ бывшихъ своихъ женъ, которыя удостоились касаться его платья, онъ сдѣлаетъ приближенными его невѣсты. Торы.

Баши Іосифъ-Рафаилъ.

Я открылъ ему мои сокровища, мои деньги, мой дворецъ — они принадлежатъ ему. Отправьте пословъ всюду, гдѣ разсѣяны евреи, возвѣщайте счастливую вѣсть о славѣ Божьей, явившейся намъ.

Самуилъ Примо.

Пословъ мы отправили, письма мы разослали, и знай, нашъ вождь, что повсюду и вездѣ, куда его слово доносилось, новое солнце засіяло. Его ждали, какъ избавленія отъ бѣдъ. Духъ его на насъ, и вотъ видишь (онъ указываетъ на пророковъ), старъ и младъ пророчествуетъ о пришествіи его царства.

Баши Іосифъ-Рафаилъ.

Слава имени Божію во вѣки вѣковъ.

Самуилъ Примо, указывая на «субботнихъ слугъ».

Вотъ и на племена, не происходящія отъ евреевъ, онъ тоже излилъ свой духъ, чтобы узнали народы его мощь и великолѣпіе, чтобы имя его стало достояніемъ всего, что живетъ подъ небесами (къ пророкамъ). О вы, священныя дѣти пророковъ, укажите путь, по которому намъ надо итти, укажите свѣтъ, къ которому намъ надо стремиться.

Пророки, поютъ.

Онъ нашъ властелинъ, онъ царь нашъ, наше спасенье, Саббатай-Цеви, царь Мессія!

Баши Іосифъ-Рафаилъ.

Слава Богу во вѣки вѣковъ, не минувшему насъ своихъ милостей, не обрекшему насъ на гибель среди народовъ. (Мѣняетъ тонъ). Однако, гдѣ же онъ, нашъ царь Мессія, все вѣдь готово къ вѣнчанью.

Самуилъ Примо.

Онъ тутъ невидимо у Зандахина въ святомъ общеніи съ Богомъ, своимъ отцомъ.

Авраамъ Яхини, внезапно поворачиваясь къ двери, въ которую долженъ войти Саббатай-Цеви.

Такъ говоритъ Богъ:
Спѣши, царь-человѣкъ,
Для свадьбы все готово,
Укрѣпи шесты для балдахина,
Приготовь свою постель.

Въ толпѣ водворяется тишина. Пророки и пророчицы располагаются двумя рядами.

Трубите въ рога. Пусть далеко несется вашъ голосъ: Бога избранникъ идетъ, онъ нашъ властелинъ, онъ избавитель. Саббатай-Цеви, нашъ царь Мессія.

Входятъ семь дѣвушекъ, среди нихъ Рахиль и Лея, всѣ въ бѣломъ, въ стилѣ бухарскихъ евреевъ.

Дѣвушки, поютъ.

«Придите, посмотрите, дочери Сіона, царь Соломонъ въ коронѣ, ее возложила мать на его голову, въ день свадьбы, въ день радости».

Саббатай-Цеви въ бѣломъ атласномъ плащѣ, бѣлой шитой золотомъ коронѣ на головѣ, садится на тронъ.

Слышно, какъ трубятъ въ рога. Входятъ семь юношей. Они одѣты въ черный бархатъ, богато украшенный золотыми нитями. Поютъ. За ними—молодая дѣвушка въ бѣломъ. На рукахъ у нея свитокъ Торы, украшенный золотой короной. Надъ бѣлымъ бархатнымъ покрываломъ Торы виситъ золотая дощечка.

Юноши, поютъ.

Какъ голубка въ ущельѣ скалы,
Прекрасна подруга его,
Ея волосы, словно стадо
Козъ, сходящихъ съ горы Галаадской.
Ея зубы, какъ стадо овецъ, вышедшихъ изъ рѣки,
Шея, что башня Давидова.

Она садится съ Торою по правую руку Саббатая-Цеви.

Авраамъ Яхини, становится передъ Саббатаемъ-Цеви и говоритъ тономъ пророка.

«Женихъ Мессія, такъ говоритъ Богъ: Я разрушилъ мой священный храмъ. Святая святыхъ я уничтожилъ и вмѣстѣ съ вами скитаюсь въ плѣну. И ждалъ я каждый день, чтобы явился человѣкъ, который здѣсь внизу займетъ мѣсто, занимаемое мною тамъ наверху,—Богъ въ человѣческомъ образѣ, призванный избавить меня и весь міръ отъ плѣна. Въ Саббатаѣ-Цеви, моемъ сынѣ, говоритъ Богъ,—я увидѣлъ этого человѣка, его я возвышаю и провозглашаю святымъ царемъ, «вознесшимся человѣкомъ». И съ нимъ я связываю себя крѣпкими нитями, союзомъ неразрывнымъ, и даю его въ мужья моей дочери Торѣ.

Съ нею пусть онъ сочетается, ее пусть запечатлѣетъ въ своемъ сердцѣ, съ нею пусть онъ будетъ какъ братъ съ сестрою, вскормленный одной материнской грудью, съ сестрою, которую, не стыдясь, цѣлуютъ и обнимаютъ при встрѣчѣ на улицѣ. Возстань и будь готовъ, женихъ Мессія, веди твою невѣсту подъ твой балдахинъ, съ радостью и пѣніемъ. Время твое назрѣло. Воздвигни свой балдахинъ».

Пророки.

Богъ удалился въ небеса, окуталъ Себя облаками. Человѣка и міръ Онъ предоставилъ Саббатаю-Цеви и «святому Царю», «вознесшемуся человѣку». Съ нимъ Божья сила, съ нимъ Божье великолѣпіе.

Авраамъ Яхини.

Пусть далеко несется звукъ роговъ: царь во всей своей святости идетъ подъ балдахинъ Велика Тора, дочь Бога; держите наготовѣ шесты балдахина.

Саббатай-Цеви встаетъ со своего трона, идетъ къ балдахину. Пророки трубятъ въ рога, слышна музыка, семь дѣвушекъ, идущія по-парно впереди, поютъ:

Прекрасенъ царь-Соломонъ, идущій подъ балдахинъ
Въ день своей радости.
О, пойте!
Небо и земля, встрѣчайте его пѣніемъ,
Привѣтствуйте его шествіе.
Царь-женихъ ведетъ свою невѣсту
Подъ свой балдахинъ.
Изъ буковаго дерева выточены шесты,
Изъ лучей свѣта сотканъ занавѣсъ,
Ложе устлано
Любовью дочерей Іерусалима.

Саббатай-Цеви становится подъ балдахинъ. Трубятъ рога. Семь юношей поютъ; за ними дѣвушка съ Торою.

Пѣснь юношей:

О, святите и славьте всюду его имя
Въ день его радости.
Дочь Бога—его невѣста,
Богъ самъ—тесть.

Дѣвушка передаетъ Тору Саббатаю-Цеви. Дѣвушка уходитъ. Юноши становятся въ два ряда. Семь дѣвушекъ окружаютъ пророковъ. Появляется процессія изъ маленькихъ дѣтей. Мальчики и дѣвочки держатъ въ рукахъ пальмовыя вѣтви.

Саббатай-Цеви, держитъ, высоко поднявъ, Тору, громко.

«Я вѣнчаюсь съ тобой на-вѣки. И я вѣнчаюсь съ тобой черезъ четыре начала: право, законъ, благо и милосердіе. И я сочетаюсь съ тобой черезъ вѣру. И я знаю Бога».

Дѣти поютъ подъ аккомпаниментъ музыки:

«Хвалите Бога. Хвалите Его въ святилищѣ его.
Хвалите съ тимпанами при танцахъ,
Хвалите на флейтахъ и струнахъ,
Хвалите на звучныхъ кимвалахъ,
Хвалите подъ трескъ барабановъ.
Все живущее пусть славитъ имя Божье.
Хвалите Бога».

Саббатай-Цеви, высоко поднимая Тору.

Я избралъ себѣ дочь Бога, святую Тору. Съ ней я сочетаюсь въ союзѣ вѣчномъ. Ея любовь я хочу хранить. По ея путямъ я хочу итти. Въ ея свѣтѣ пусть и мнѣ будетъ свѣтло. Я хочу святиться ея святостью. Ею я здѣсь, на землѣ, озаряю міръ. Пусть небеса получаютъ обратно ихъ свѣтъ и великолѣпіе, ибо земля вознесется къ небесамъ и пусть кончится

зло въ человѣкѣ: его душу я дѣлаю совершенной. Его духъ я возвышаю, чтобы онъ могъ сіять ея святостью. И міръ, и человѣкъ пусть въ чистотѣ и непорочности найдутъ избавленіе. И все пусть будетъ мыслью съ ней—и она во всемъ. Аминь!

Всѣ.

Аминь.

Внезапно съ улицы слышенъ приближающійся шумъ, словно надвигается огромная толпа; раздается грохотъ колесъ, трескъ; люди кричатъ и трубятъ; ревъ быковъ, мычаніе коровъ, стукъ копытъ; все это покрывается дикими звуками роговъ, трубъ и барабановъ. Врывается Натанъ Азати.

Натанъ Азати.

О, святой царь, человѣкъ-Богъ. Явилось твое чудо, совершилось твое слово. Идетъ къ тебѣ твоя царица въ великолѣпіи и красотѣ. Пламя горитъ въ ея глазахъ. Пламя горитъ въ ея волосахъ, и огонь ея согрѣлъ сердца. Изъ города въ городъ, изъ страны въ страну она шла и возвѣщала, объявляла о тебѣ. Всюду, куда она приходила, трупы превращались въ людей. Ея слова, ея огонь сметали пыль съ сердецъ,—съ сердецъ, которыя тысячелѣтьями томились. Она пришла къ тебѣ, твоя царица, твоя избранница, тобой самимъ предопредѣленная.

Всюду, куда она приходила, толпы собирались вокругъ нея. Глаза ея жгли, волосы ея притягивали и за нею шли, какъ за свѣточемъ, какъ за дождемъ благодатнымъ.

Она чудеса творила, небеса ей покорялись. Громы и молніи служили ей... Въ ея устахъ твое слово Богомъ стало. Она собирала народъ у оконъ твоего дома и повергла ихъ къ твоимъ стопамъ. (Съ улицы слышенъ шумъ, крики).

Смотри, вотъ въ великолѣпіи и красотѣ своей идетъ къ тебѣ твоя царица!

Въ дверяхъ показываются двѣнадцать юношей, одѣтыхъ въ бархатные плащи. Въ центрѣ ихъ Сара. На ней черное бархатное платье, украшенное большими золотыми звѣздами. Низъ платья отороченъ серебрянымъ шитьемъ; видны ея босыя ноги. На лбу золотое съ брилліантами украшеніе. На груди, на золотой цѣпочкѣ, противъ сердца, золотая дощечка, на которой написаны имена двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ.

Сара, останавливается въ дверяхъ.

Вотъ вашъ Царь и Богъ.

Она бросается къ ногамъ Саббатая-Цеви и цѣлуетъ край его платья.

О, накройте мою голову: я видѣла моего мужа, моего царя.

Она отодвигается отъ него. Саббатай-Цеви выходитъ съ Торой изъ-подъ балдахина, направляется къ трону.

О, небеса, развернитесь у его ногъ. Горы, сравняйтесь съ долинами!.. Изсушитесь, моря, — царь садится на свой тронъ.

Саббатай-Цеви, садится.

Кто ты?

Сара.

Я отъ тебя же. Я твоимъ творчествомъ создана. Ты меня избралъ, сдѣлалъ меня своею. Твоя душа и моя—двѣ сросшіяся вѣтви на деревѣ, слитыя божественнымъ поцѣлуемъ. Изъ двухъ цвѣтковъ мы расцвѣли. Ты — жизнь, я — смерть. Ты — заповѣдь, я — грѣхъ. Грудями твоей матери я вскормлена. Наши души нашли одна другую. Мы смѣшаемъ нашу кровь: смерть съ жизнью, грѣхъ съ заповѣдью. Съ тобой — я Богъ, Богъ въ человѣкѣ. Безъ тебя — я ничто.

Саббатай-Цеви.

Я порвалъ нить, насъ связывающую, сросшіяся вѣтви разъединилъ и вырвалъ корни, сплетавшіе наши души. Сосцами другихъ грудей я сталъ питаться. (Указывая на Тору). Она мнѣ невѣста. Одной матерью мы вскормлены. Съ нею я связанъ въ святости и чистотѣ.

Сара.

Ты мой мужъ. Ты не могъ порвать нашъ союзъ, ты не могъ порвать корней нашихъ душъ. Тебя жжетъ мой глазъ. Тебя притягиваютъ мои волосы. Ты вѣдь Богъ-человѣкъ, человѣкъ.

Саббатай-Цеви.

Я освободился отъ власти твоей. Человѣческія вожделѣнія я вырвалъ изъ моего тѣла. Я святость обрѣлъ. Богъ далъ мнѣ свою дочь. Безсмертна она. Человѣческое ей чуждо. Къ ней я хочу прилѣпиться. Человѣческія вожделѣнія я вырвалъ изъ моего тѣла. Я сталъ Богомъ.

Сара, глубоко склоняясь передъ нимъ.

О, человѣкъ въ Богѣ. Я вижу твою славу. Она смотритъ изъ глазъ твоихъ. Я человѣкъ. Съ тобой я выросла, по тебѣ тосковала, къ тебѣ меня влекло. Я вижу человѣческое въ глазахъ твоихъ, оно смотритъ на меня изъ твоего тѣла. Радость даютъ мнѣ горы и

долины, долины и поля, и солнце, когда оно восходитъ, и солнце, когда оно заходитъ, и роса падающая, и ночь спускающаяся. Я человѣкъ. Тобой осіянная, изъ тѣла твоего исходящая. И тоскую я, тоскую я. (Внезапно). Не мной ли собранъ народъ у оконъ твоихъ? Это я пробудила въ нихъ жажду къ твоимъ словамъ. Мои глаза воспламенили ихъ. То, что смертно во мнѣ — мои волосы — привлекли ихъ. Страсть моя жгла ихъ. И я собрала ихъ, словно снопы подъ серпомъ, и сложила ихъ къ твоимъ ногамъ. Я — человѣкъ, и въ жилахъ моихъ течетъ горячая кровь.

Саббатай-Цеви, поднимается.

Авраамъ Яхини, пророкъ мой, Самуилъ Примо — что служитъ мнѣ памятью.

Авраамъ Яхини и Самуилъ Примо.

Приказывай, царь Мессія, мы здѣсь.

Саббатай-Цеви.

Подите и разгоните народъ, собравшійся у моихъ оконъ. Не нужны мнѣ тѣ, кого привлекли сюда страсть женщины, ея глаза, ея волосы (онъ передаетъ имъ Тору, которую держалъ въ рукахъ). Пойдите къ народу, поднимите высоко Тору надъ нимъ. Она пусть соберетъ мнѣ народъ, очищенный ея святостью. Пусть они идутъ въ ея небесный свѣтъ. Пусть она привлечетъ мнѣ народъ только въ своей святости, съ незапятнанными душами, чистыми, освобожденными отъ грѣха и позора.

Сара, съ силой.

Выйдемъ къ народу, посмотримъ, за кѣмъ онъ пойдетъ, чья сила увлечетъ его. Пойдетъ ли онъ за нею

или за мною. Она (указывая на Тору), она свята и мертва, чиста и молчитъ. За мной идетъ народъ. Моимъ огнемъ онъ увлеченъ. По моемъ грѣхѣ онъ тоскуетъ. Въ моей смерти живетъ.

Сара, Авраамъ Яхини, Самуилъ Примо выходятъ съ Торой. Съ улицы доносится шумъ толпы.

Саббатай-Цеви, молитвенно закативъ глаза и поднявъ руки къ небу.

Я съ ними. Я поднимаю ихъ. Я очищаю ихъ. Души, поднимитесь, поднимитесь... Вы должны просіять. Она тянетъ ихъ внизъ; ихъ души тяжелы и запятнаны. Ихъ тянетъ къ грѣху... Какъ свинцовыя тучи, онѣ спускаются въ море. Ихъ влечетъ смерть. Смерть ихъ жжетъ. (Громко). Я хочу очистить васъ, я хочу очистить васъ. Я возьму васъ на небо. Я божественнымъ словомъ васъ зову. Я покажу вамъ божественную чистоту... Они отворачиваются отъ божественнаго слова, къ нимъ обращеннаго, и идутъ за призрачной красотой женскихъ глазъ... Они отдаются влеченіямъ своего сердца...

Пауза. Всѣ въ страхѣ ждутъ.

Первый Пророкъ.

Я вижу: падаетъ внизъ огромное множество душъ. Черныя, какъ ночь — онѣ падаютъ съ неба въ преисподнюю.

Второй Пророкъ.

Небо отворачивается отъ земли и окутывается тучами. Я слышу, какъ съ грохотомъ закрываются огромныя ворота, и земля падаетъ, падаетъ.

Третій Пророкъ.

Я вижу, зарницы сверкаютъ въ небѣ, какъ вспыхивающія свѣчи. И тяжелѣетъ земля и чернѣетъ земля,

и сатана распускаетъ свою страшную свиту, — голые, съ развѣвающимися волосами, мчатся по всему свѣту дьяволы... Заблудшія души и не вознесшіяся молитвы они перехватываютъ.

Входятъ обратно Авраамъ Яхини и Самуилъ Примо.

Авраамъ Яхини.

Горе намъ! Народъ идетъ за нею, какъ за свѣточемъ. Она — ихъ путь, ихъ слово.

Сара возвращается, подходитъ къ Саббатаю-Цеви. Гордо смотритъ ему прямо въ глаза.

Натанъ Азати, бросается въ ноги Саббатаю.

Нашъ царь святой! Ты сталъ Богомъ для людей. Ты носитель его слова. Въ тебѣ его мощь. Если не подъ силу тебѣ искупить міръ и людей въ Его чистотѣ, то искупи ихъ въ Его грѣхѣ!

Саббатай-Цеви.

Бога Якова я рабъ. Съ Его Торой хочу я сплотиться, по ея путямъ я хочу итти.

Сара, беретъ руки Авраама Яхини и Самуила Примо.

Его служеніе — не служеніе небу. Онъ Богъ-человѣкъ. Небо... Небо — Господне, а земля дана людямъ. У тебя мощь, ты властелинъ, тебѣ служить хотятъ, въ тебѣ сила и власть надъ нами. (Къ пророкамъ). Смотрите, вотъ вашъ Богъ-человѣкъ! Слава его имени во вѣки вѣковъ. Святите и славьте имя «Бога-человѣка»!

Пророки опускаются на землю, простираютъ къ небу руки.

Слава тебѣ! Слава тебѣ!

Натанъ Азати.

Пророкомъ ты посланъ къ людямъ. Молись твоему Богу. Пусть онъ избавитъ насъ отъ ига небеснаго, и пусть онъ дастъ намъ искупленіе. Онъ могучъ. Смотри, народъ толпится у Его окна и ждетъ Его слова. (Опускаются на колѣни). Пусть святится и славится твое имя во вѣки вѣковъ, нашъ Богъ и властелинъ. Аминь. Какъ «древняя святость» царитъ тамъ на небесахъ, такъ ты, святой царь, поставленъ на землѣ. Ты Богъ въ человѣческомъ образѣ, въ человѣческомъ видѣ. Въ твоемъ явленіи къ намъ міръ обрѣтаетъ свою истинную сущность. Ты властенъ освободить отъ законовъ и правилъ. Ты и въ грѣхѣ можешь искупить насъ. Слово Божіе къ намъ перешло.

Самуилъ Примо, падаетъ къ его нагамъ.

Царь и Богъ! У твоего окна слова твоего ждетъ народъ, что мнѣ сказать ему?

Саббатай-Цеви.

Пойди и скажи имъ, чтобы они служили Богу въ святости и чистотѣ. Черезъ нее (показываетъ на Тору) я дамъ имъ искупленіе.

Сара, указываетъ на Тору.

Черезъ нее или черезъ меня? Она ремнями законовъ и правилъ окутала наши руки. Она выжгла печати на насъ, пути предначертала, заранѣе предрѣшила, что «да», что «нѣтъ». Поставила передъ нами изго-

роди и преграды. Наложила запреты на всякій путь и жизнь, и ею ты хочешь превратить насъ въ рабовъ Бога?! О, человѣкъ, ты знаешь нашу волю, ты знаешь наше сердце. Наша кровь—твоя кровь. Наша тоска—твоя тоска. Въ ней ты имѣешь вѣчную жизнь—во мнѣ смерть. О, она свята, она чиста, но она нѣма. Во мнѣ же ты имѣешь паденіе и раскаяніе, разрывъ и примиреніе, одиночество и откликъ. Я—желаніе и воздержаніе. Какъ солнце, я распаляю твое тѣло и, какъ камень, я холодна. Выбирай, человѣкъ-Богъ—между мною и ею.

Саббатай-Цеви, погруженный въ себя.

Черезъ заповѣдь или черезъ грѣхъ?.. Вѣчная жизнь или смерть? Что жизнь безъ смерти?.. Что заповѣдь безъ грѣха. (Внезапно приходитъ въ себя). Искупить только для того, чтобы служить Ему! Человѣческое сбросить съ себя только для того, чтобы стать слугами Божьими! «Ты знаешь мое сердце?» Нѣтъ, вы, боги, вы не знаете человѣческаго сердца. Человѣческое вы дали намъ, это и есть человѣческая божественность. Я человѣкъ такой же, какъ и они. Въ моихъ жилахъ течетъ кровь. Въ моемъ сердцѣ живетъ тоска. Въ моихъ глазахъ зрѣніе. У меня воля! Воля—мы только исполняемъ долгъ нашъ! Натанъ-Азати, гдѣ ты?

Натанъ Азати.

Я здѣсь, человѣкъ-Богъ.

Саббатай-Цеви.

Возьми съ собой Самуила, моего приближеннаго—Авраамъ Яхини тоже пусть будетъ съ вами. Выйдите къ народу и говорите съ нимъ. Пишите письма и разсылайте ихъ во всѣ страны, во всѣ города, всюду, гдѣ властвуетъ законъ.—«Я—вашъ Богъ и священный

царь, Саббатай-Цеви, поставленный надъ землею такъ же, какъ Богъ на небѣ, упраздняю всякій законъ и правила, разрушаю всѣ преграды и основы, развязываю всѣ путы и запреты, тѣ, что наложены чужимъ Богомъ—Богомъ неба. Я вашъ Богъ, Саббатай-Цеви, мощью Бога поставленный на землю, какъ Богъ вверху поставленъ на небѣ. Я избавляю васъ вѣчнымъ избавленіемъ и освобождаю васъ вѣчной свободой. Нѣтъ болѣе надъ вами ни «да», ни «нѣтъ», и свободенъ человѣкъ и Богъ. Только двадцать второй день мѣсяца Тамуза—день примиренія Бога—вашего Бога—съ его царицей, съ его избранницей Сарой, дочерью Іессея (онъ протягиваетъ руку Сарѣ, поднимаетъ ее съ колѣнъ; она становится рядомъ съ нимъ). Только этотъ день пусть будетъ вамъ святъ, не нарушайте его никакой работой. Пусть онъ будетъ для васъ днемъ радости—днемъ ликованія и пѣсенъ, и пусть озарятся дома ваши яркимъ свѣтомъ, ибо день этотъ святая суббота, великая суббота вашей царицы Сары,—дочери Іессея.

Натанъ Азати, Авраамъ Яхини и Самуилъ Примо.

Мы понесемъ твое слово къ народамъ во всѣ концы міра, нашъ властитель и Богъ.

Пророки, падаютъ на землю.

Слава Богу, нашему Богу, священному царю, вознесшемуся человѣку, который сорвалъ путы съ нашихъ рукъ, позволилъ запрещенное, развязалъ священное, разрушилъ законы, стеръ запечатлѣнное отнынѣ и навсегда.

Съ улицы слышенъ звукъ роговъ. Народъ трубитъ.

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ Галипополѣ, въ крѣпости Мигдалъ-Озъ. Комната погружена въ темноту. Дрожатъ тѣни, слабый свѣтъ масляныхъ лампочекъ, прикрѣпленныхъ къ потолку. Въ углахъ комнаты курится ѳиміамъ, цѣлые клубы его носятся надъ головами. Сара сидитъ на особомъ стильномъ возвышеніи. На ней черное покрывало. На головѣ сверкаетъ корона. Возлѣ нея сидитъ Саббатай-Цеви. Вокругъ шестисвѣчника расположились Авраамъ Яхини, Самуилъ Примо, Натанъ Азати, Баши Іосифъ-Рафаилъ, Матафія Ашкинази и Мордухай Хасидъ. Далѣе сидятъ пророки, кабалисты и приближенные. Передъ Сарой на молитвенномъ столикѣ лежитъ раскрытая книга. Рахиль и Лея, закутанныя въ «tales'ы», стоятъ передъ столикомъ и читаютъ вслухъ. Толпа слушаетъ съ благоговѣніемъ. Лея читаетъ: —«Ликуй, неплодная, нерождавшая, воспой пѣсню и радуйся, не болѣвшая родами, потому что у покинутой дѣтей больше, нежели у замужней. Распространи мѣсто для палатки твоей, расширь покрывало шатровъ твоихъ, не жалѣй, сдѣлай длиннѣе веревки свои, укрѣпи колья свои. Ты размножишься и направо и налѣво и потомки твои овладѣютъ народами и населятъ собой опустошенные города. Не бойся, ты больше не будешь поругана. Не блѣднѣй, ты забудешь посрамленіе твоей юности и не будешь вспоминать о поношеніи твоего вдовства, ибо супругъ твой — творецъ твой — имя ему Господь-Саваоѳъ и избавитель есть Святой Израиля, Богъ всего міра. Богъ призвалъ тебя къ себѣ, какъ жену покинутую, скорбѣвшую душой и какъ отвергнутую жену юности. И вотъ Господь тебѣ говоритъ: Я покинулъ тебя

на малое время и съ великимъ милосердіемъ восприму тебя. Въ минуту гнѣва Я на мгновеніе отвратилъ свой взоръ отъ тебя, но вѣчной милостью я помилую тебя.— Говоритъ Богъ избавитель Твой».

Натанъ Азати.

Сегодня великая суббота царицы Миллисандры. Ей молитесь, ей сегодня служите. Славьте и хвалите ея имя. Она сегодня можетъ возвысить васъ въ великолѣпіи.

Кабалисты танцуютъ вокругъ Сары.

Чернѣютъ твои глаза,
Пламенѣютъ твои волосы,
Плѣненъ твой мужъ тобой.
Онъ хотѣлъ подняться на небо,
Онъ тосковалъ по дочери Бога,
Но ты ему путь преградила.
Глазъ твой плѣнилъ его,
Волосы твои связали его,
Ты къ землѣ притянула его,
Слава тебѣ, слава!

Сара, становится на колѣни передъ Саббатаемъ-Цеви.

Ты сказалъ и свершилось по слову твоему. Слава тебѣ! Страхомъ къ тебѣ охвачены народы! Крѣпость въ которую тебя заточили, это — дворецъ твой. Твои притѣснители и полонители ползаютъ предъ тобой на колѣняхъ, молятся тебѣ. Народъ идетъ за тобою, ждетъ тебя у крѣпостныхъ воротъ, слава твоя распространилась по всей землѣ, и земля озарена твоей славой. Съ восхода и заката ихъ молитвы къ тебѣ доносятся. Ждутъ тебя и вѣруютъ въ тебя.

Саббатай-Цеви, беретъ ее за руки.

Чего ты желаешь, скажи, царица моя? Я готовъ полъ-царства тебѣ отдать.

Сара.

Близится пять тысячъ четыреста восьмой годъ, предопредѣленный Богомъ въ его святомъ «Зоарѣ», царство твое близко, владычество твое настаетъ, ты, какъ буря, пронесешься надъ ними. Ты облакомъ развернешься надъ землей. Цари, соберитесь подъ его горою. Богъ желаетъ раздѣлить царство между вами.

Пророки, кланяются и становятся на колѣни передъ Саббатаемъ-Цеви.

Его царство близится, его власть надвигается, месть Бога ему мантіей служитъ. На облакѣ онъ прибываетъ къ намъ, чтобы показать свою мощь надъ народами и странами. Слава тебѣ во вѣки вѣковъ! Аминь!

Трубятъ въ рога. Пророки становятся въ два ряда. Справа и слѣва Авраамъ Яхини и Самуилъ Примо и Натанъ Азати впереди.

Саббатай-Цеви, поднимается со своего кресла, народъ кланяется.

Я Соломонъ, сынъ Давида, помазанный царь, Богъ Израиля. Я владычествую на небесахъ вверху и на землѣ внизу. Я—страшнѣй, возвысившись надъ царями земными. Мой предвѣчный обитаетъ въ градѣ Іерусалимѣ, предопредѣленномъ стать центромъ всего міра. Годъ пять тысячъ четыреста восьмой назначенъ мною для сверженія правительствъ земныхъ, для избавленія міра отъ чужихъ боговъ, дабы взять власть надъ царствами въ свои руки и подъ свое милосердіе. Я раздѣляю царства міра между моими избранниками. Іосифа, брата царя Мессіи, я оставлю царемъ надъ девятнадцатью властелинами Израильской страны, и постоянная резиденція его пусть будетъ городъ

Смирна, которую я превозношу надъ другими городами. Золотую корону я возлагаю на его голову.

Натанъ Азати трубитъ въ рогъ.

Всѣ.

Да здравствуетъ царь Израиля!

Саббатай-Цеви.

Ильѣ, второму брату Мессіи. Въ него я влагаю душу царя Езекія и предопредѣляю его царемъ надъ царями Іудейскими.

Натанъ Азати трубитъ въ рогъ.

Всѣ.

Да здравствуетъ царь надъ царями Іудейскими!

Саббатай-Цеви.

Моисею, моему старому наставнику изъ города Измера.... Его я предопредѣляю царемъ надъ колѣнами Рувимовымъ и Соломоновымъ, которыя живутъ по ту сторону Самбатіона.

Натанъ Азати трубитъ въ рогъ.

Крѣпостная стража, стоявшая у дверей, бросается къ ногамъ Саббатая-Цеви, говоритъ:

Святой царь! Будь милосерденъ къ намъ. Божій пророкъ, Богомъ къ тебѣ посланный, хочетъ повѣдать тебѣ слово Божіе.

Саббатай-Цеви, наполовину испуганный.

Пророкъ Божій? Слово Божіе на его устахъ?

Стража.

Издалека онъ пришелъ къ тебѣ, объ имени твоемъ онъ вѣщалъ народамъ и странамъ. Теперь онъ стоитъ у твоей двери со словомъ Божіимъ на устахъ. Богомъ онъ присланъ къ тебѣ.

Саббатай-Цеви.

Не желаю я слушать пророчествъ, посланныхъ чужими богами. Я порвалъ союзъ съ Нимъ; небо — Божье, земля же отдана людямъ! Мое время теперь настало, мое царство пришло. Я не желаю слушать слова отъ Него.

Стража уходитъ.

Сара.

Ты избралъ себѣ иныхъ пророковъ (указываетъ на Натана Азати). Твой даръ пророчества ты ему передалъ. Другихъ пророковъ ты не знаешь, — ты не имѣешь.

Натанъ Азати.

Мы не знаемъ другого Бога, кромѣ тебя. Его слово и его мощь перешли къ тебѣ. Твое время настало. Твое царство пришло. Жди и царствуй. Съ тобою власть, съ тобою слово.

Саббатай-Цеви.

Затворите двери, закройте окна. Не могу я слушать пророковъ чужихъ боговъ... Я хочу остаться теперь одинъ, царства я раздѣлю въ другой разъ.

Всѣ, кромѣ Саббатая-Цеви и Сары, уходятъ.

Сара, подходитъ къ Саббатаю-Цеви, который сидитъ, закрывъ лицо руками.

У тебя мощь, у тебя слово Божіе. Во всѣхъ краяхъ земли люди охвачены страхомъ твоимъ. Слава твоя, какъ слово пророка, шествуетъ по міру и заставляетъ склонять головы передъ тобой. Твое пришествіе — это надежда народа. И всюду, куда занесено твое имя, оно зажигаетъ свѣтъ и открываетъ новыя дали... Словно солнце, поднявшееся надъ океаномъ — ты сдѣлался Богомъ земли. Народъ молится тебѣ.

Саббатай-Цеви, какъ бы самому себѣ.

Меня грызетъ тоска. Я отвергъ слово Божіе. Я оттолкнулъ Его дочь. Для меня закрылись небеса. Я не могу больше подняться къ нимъ.

Сара.

Я дочь земли. Я принесла тебѣ въ приданое землю. Пойдемъ, я покажу тебѣ все великолѣпіе міра.

Саббатай-Цеви.

Я былъ женихомъ дочери Бога, я оттолкнулъ изъ-подъ вѣнца мою невѣсту. Ея ложе я раздѣлилъ съ другой. Я тоскую. Небо высоко и чисто.

Сара.

Земля низка, но красива. Я дочь ея. Ты подъ вѣнецъ меня велъ. Ты напоилъ меня твоимъ виномъ. Пойдемъ, я покажу тебѣ мое великолѣпіе. Я насажу для тебя лѣса изъ райскихъ деревъ, изъ пальмъ изъ кипарисовъ. Я приготовлю тебѣ ложе изъ моихъ волосъ. Я согрѣю тебя моей грудью. Ручей, бьющій межъ камней, убаюкаетъ твой сонъ. Пальмовыя де-

ревья укачаютъ тебя. Весь міръ я обойду, буду плѣнять своимъ голосомъ, мужей и женъ я тебѣ покорю.

Саббатай-Цеви.

Я тоскую. Небо высоко и чисто. Моя невѣста ткетъ свое платье изъ небесной лазури и высоко уходитъ за облака подъ престолъ славы Ея Отца.

Сара.

Я построю тебѣ дворцы изъ потоковъ твоихъ слезъ, застывшихъ въ могилахъ — дворцы среди розъ и еловыхъ деревьевъ. Я войду въ садъ моего отца, припаду къ виноградным гроздьямъ. Вино течетъ изо рта земли, молоко льетъ изъ ея грудей. Въ молокѣ и винѣ я буду свое тѣло купать. Я одѣнусь въ голубиныя перья и приду къ тебѣ. Я наряжусь въ жемчуга — они рокотъ моря принесутъ къ тебѣ и будутъ сіять въ моихъ волосахъ, какъ звѣзды, когда ночь нависаетъ надъ Израильской страной. Какъ пѣна морская они бѣлѣютъ на моихъ ногахъ. Я поднимусь съ тобою на горы, я буду прятаться съ тобой въ лѣсахъ, въ темныя ночи, въ грозныя бури. Сестра, твоя невѣста — садъ запертый, замкнутый колодезь, запечатанный источникъ. Пойдемъ, спрячемся въ садахъ. Гроздья созрѣли. Фиговыя деревья цвѣтутъ, мы будемъ ловить маленькихъ, маленькихъ лисенятъ, которые портятъ виноградники...

Саббатай-Цеви, почти въ ея объятьяхъ.

Моя невѣста спряталась въ облакахъ. Влеки меня— я иду за тобой, жги мое сердце однимъ изъ твоихъ глазъ, жги мое сердце одной изъ твоихъ косъ.

Сара.

Черна я, дѣвы Іерусалимскія, но красива, какъ шатры Кидарскія, какъ завѣсы Соломоновы. Не

смотрите на меня, что я смугла, что опалило меня солнце. Сыновья причинили зло мнѣ, поставили стеречь виноградники, а своего виноградника я не устерегла... (Вдохновенно). Заклинаю васъ, дѣвы Іерусалимскія сернами или полевыми ланями: не будите и не возбуждайте любовь, пока она сама не проснется. (Блаженно). Мой возлюбленный увидѣлъ меня и привелъ въ свой садъ. Лѣвая рука его была подъ головой, а правой обнималъ онъ меня.

Саббатай-Цеви поетъ.

Голубка моя въ ущельѣ скалы, на уединенной тропинкѣ. Покажи мнѣ лицо твое, дай послушать мнѣ голосъ твой. Онъ сладокъ — твой голосъ, прекрасно твое лицо.

Сара поетъ, лежа въ объятіяхъ Саббатая-Цеви.

Я сплю, а сердце мое бодрствуетъ, и слышу голосъ друга моего, стучится въ дверь. «Сестра моя, голубка моя, подруга моя, открой мнѣ, голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночной влагою». (Простодушно). Я скинула рубашку мою, какъ же мнѣ надѣть ее? Я вымыла ноги мои, какъ же мнѣ запачкать ихъ?

Саббатай-Цеви, внезапно освобождается отъ нея.

Кто вошелъ въ мой шатеръ? (Въ испугѣ хватаетъ Сару за руки). Слышишь, слово Божіе тутъ, въ этой комнатѣ. Затворите двери, закройте окна. Я не хочу слушать слова Божія.

Голосъ Нееміи Коэна, доносимый вѣтромъ.

Напрасно ты запираешь двери передъ Божьимъ словомъ. Какъ же тебѣ уйти отъ него? «Въ щеляхъ между камнями я тебя найду, я и во мракѣ пещеръ обитаю»,—говоритъ Богъ.

Саббатай-Цеви.

Я освободился отъ тебя. Я разорвалъ союзъ съ небомъ. Слово твое уже со мной.

Неемія Коэнъ, внезапно появляется въ своемъ бѣломъ одѣяніи, закутанный въ tales съ головой.

Темно.

Такъ говоритъ Богъ. Я отнимаю отъ тебя силу. Лишаю тебя слова. Я рѣшилъ не передавать человѣку божественной благости, ибо изъ земли человѣкъ и вожделѣнія его земныя. Изъ земли онъ приходитъ и въ землю возвращается.

Исчезаетъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ТРЕТІЙ АКТЪ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Большое широкое поле вокругъ крѣпости Мигдалъ-Озъ; поле залито горячимъ свѣтомъ восточнаго солнца. День еврейскаго новаго года (Rosch-Hashana) — мессіянскаго пять тысячъ четыреста восьмого года. Евреи изъ различныхъ мѣстностей и странъ: испанскіе — въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ съ черными шелковыми лентами на головахъ; польскіе въ мѣхахъ; турецкіе въ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ; бухарскіе — въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ и широкихъ мѣховыхъ шапкахъ Фанатическіе поклонники Саббатая-Цеви толпятся на полѣ вокругъ высокой мрачной крѣпости. Цѣлая община евреевъ въ бѣлыхъ kitel'яхъ и tales'ахъ стоятъ на мѣстѣ — точно лѣсъ деревьевъ и, раскачиваясь въ стороны — точно ихъ наклоняетъ вѣтеръ — молятся. Канторъ съ хоромъ стоитъ за молитвеннымъ столикомъ.

Канторъ, читаетъ речитативомъ.

«Воструби въ большой рогъ о нашемъ освобожденіи, подними знамя, подъ которое должны собраться всѣ разсѣянные по свѣту, и собери насъ, разрозненныхъ среди народовъ, со всѣхъ концовъ свѣта и приведи насъ въ твой градъ Іерусалимъ, въ храмъ, съ пѣніемъ, съ вѣчной радостью».

Народъ въ бѣломъ съ благоговѣніемъ и смиреніемъ внимаетъ рѣчамъ Кантора. Люди другой общины — въ мысли очиститься отъ грѣховъ ко дню пришествія Мессіи — стоятъ зарытые въ землю по горло, такъ что все поле представляетъ собою сплошную массу поющихъ человѣческихъ головъ:

«Обитатели глиняныхъ жилищъ! Зачѣмъ высокомѣрно поднимаете глаза. Вѣдь различія между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ никакого. Сознаемъ, что мы черви; что тѣло наше — кусокъ глины. Какъ же можетъ гнѣздиться высокомѣріе въ нашихъ сердцахъ. Да и что пользы человѣку, когда конецъ его — могила?

Тамъ и сямъ видны лежащіе на землѣ евреи; синагогальные слуги наносятъ каждому по сорока ударовъ ремнями; въ это время очищающіеся бьютъ себя кулакомъ въ грудь противъ сердца.

«Очисти наши тѣла, очисти наши души. Настаетъ день Мессіи. Онъ уже насталъ, онъ уже насталъ!»

Группа евреевъ пробѣгаетъ по сценѣ.

Первый пророкъ.

Насталъ этотъ день, начался годъ пять тысячъ четыреста восьмой. Царь идетъ принять царство свое въ руки. Сегодня его день. Сегодня къ нему возвращается власть.

Второй пророкъ.

«Очищайте ваши тѣла, очищайте ваши души. Довершите послѣдній грѣхъ, ибо не желаю больше, чтобы вы грѣшили», говоритъ Богъ (пробѣгаетъ по сценѣ).

Пророчица, вокругъ нея группа женщинъ танцуетъ странный дикій танецъ.

Радуйтесь, радуйтесь, дочери Іерусалима, сорвите съ себя траурныя одежды, сбросьте пепелъ съ вашихъ волосъ. Нарядитесь въ праздничныя платья, благовоніями натрите свое тѣло. Настаетъ для тебя свѣтъ черезъ сына Ессея изъ Виѳлеема. (Пробѣгаютъ).

Появляется группа польскихъ евреевъ въ длинныхъ, черныхъ лапсердакахъ и мѣховыхъ шапкахъ; у нихъ длинные пейсы.

Первый посланецъ, читаетъ имъ письмо изъ Лемберга тономъ, въ которомъ польскіе евреи читаютъ талмудъ.

«Такъ какъ вы спрашиваете и хотите знать о козочкахъ, которыя ребъ-Изроэль изъ Ислема, сынъ покойнаго Авраама — да будетъ свята его душа — купилъ здѣсь и возникла ссора между родственниками, утверждающими, что покупка была неудачная и цѣна была не настоящая, то мы поставляемъ васъ въ извѣстность, что товаръ этотъ хорошъ и въ большомъ спросѣ въ каждой странѣ, и кто распространяетъ о немъ дурные слухи, тому придется отвѣчать по закону. И какъ оцѣнили люди — крупные купцы, опытные по торговлѣ — не можетъ быть сомнѣнія, что барышъ будетъ большой. Надо только выждать дня ярмарки — если Богу будетъ угодно — и тогда можно продать за хорошія деньги».

Одинъ другому.

Понимаешь? Ребъ-Изроэль изъ Ислема — сынъ Авраама...

Другой, глубокомысленно ударяетъ себя по лбу.

Что тутъ собственно значитъ козочки?

Второй посланецъ, объясняетъ имъ въ прежнемъ тонѣ.

Вѣдь это только аллегорія, намекъ: Ребъ-Изроель это — онъ думаетъ Мессія, который сынъ Авраама, козочки — это мы, еврейчики, и такъ какъ многіе рас-

пространяютъ дурные слухи, что цѣна не настоящая, т.-е., это онъ думаетъ, упаси Боже, что Мессія ложный, то свидѣтели, люди опытные въ куплѣ и продажѣ, т.-е., это онъ думаетъ хорошіе, набожные, безупречные евреи— что товаръ — настоящій товаръ; что надо только дождаться ярмарки — это онъ думаетъ «настоящей минуты», которая наступитъ въ нынѣшнемъ году, если Богу будетъ угодно. И будетъ большой барышъ — понимаешь теперь?

Толпа, какъ бы спохватывается.

Ага!

Пробѣгаетъ съ большой радостью и криками.

Появляется длинная процессія мальчиковъ и дѣвочекъ. Приносятъ балдахинъ. Гости танцуютъ впереди дѣтей и поютъ:

«Ведите дѣтей подъ вѣнецъ. Сдѣлайте зрѣлыми тѣ души, которыя находятся еще у престола Божьяго. Мессія идетъ. Мертвые встаютъ изъ гробовъ. Настаетъ день, Богомъ предопредѣленный». (Проходятъ).

Другая группа мужчинъ и женщинъ; впереди нихъ полунагая женщина; танцуютъ и поютъ.

«Срывайте крыши съ домовъ, сжигайте имущество ваше. Богъ ушелъ въ небеса; міръ и человѣка онъ передалъ Мессіи. Разрывайте узлы, разрѣзайте ремни, умеръ законъ, стерто слово, разрѣшено запретное, открыто недоступное». (Пробѣгаютъ).

На сценѣ передъ крѣпостью, размѣстившись противъ Саббатая-Цеви, показываются: Натанъ Азати, Авраамъ Яхини, Самуилъ Примо, Баши Іосифъ-Рафаилъ, Матафія Ашкинази и Мордухай Хасидъ.
Народъ умолкаетъ.

Натанъ Азати.

Я посланъ Богомъ къ вамъ. Такъ онъ говоритъ: вотъ близится время, когда вамъ не придется мучить ваши тѣла, я васъ очистилъ. Души ваши я возвысилъ черезъ моего единственнаго сына, Моего помазанника Саббатая-Цеви. Его я поставилъ на свое мѣсто. Я сдѣлалъ его Богомъ надъ человѣкомъ и міромъ. Слово мое съ нимъ и мощь моя съ нимъ. Сегодня, въ первый день пять тысячъ четыреста восьмого года, въ которомъ по моему предопредѣленію власть моя переходитъ къ нему, духъ мой почіетъ на немъ и онъ, трубя въ большой рогъ, сзываетъ васъ съ четырехъ концовъ свѣта и собираетъ у горы Сіонской. Свой страхъ онъ распространяетъ на всѣ народы кругомъ и на облакѣ онъ спускается, чтобы снять съ головы султана его корону и возложить на свою. Славьте его имя! Встрѣчайте его гимнами. Царь идетъ объявить вамъ о своемъ царствѣ.

Трубятъ въ рога. На сценѣ показывается Саббатай-Цеви въ царственномъ облаченіи съ большой золотой короной на головѣ. Его ведетъ Сара. Народъ встрѣчаетъ ихъ ликованіемъ,—падаетъ на колѣни. Народъ ликуетъ.

Слава нашему властелину. Слава нашему царю. Слава нашему избавителю, помазаннику Бога Якова. Пусть возвеличится его великолѣпіе, пусть возвысится его царство. Сердце его пусть извѣдаетъ почести и тронъ его пусть будетъ крѣпокъ во вѣки вѣковъ.

Подаютъ посланіе отъ испанскихъ евреевъ въ Амстердамѣ; во главѣ ихъ Исаакъ Нааръ и Авраамъ Перейра. Оба преклоняются передъ нимъ и читаютъ слѣдующее.

«Къ тебѣ, царь надъ царями, къ тебѣ, помазаннику Бога Якова, нашему царю и избавителю еврейскаго народа, къ тебѣ, нашей славѣ и гордости, къ тебѣ отъ

ничтожныхъ рабовъ твоихъ, возлюбленнѣйшему изъ возлюбленнѣйшихъ сыновъ, къ тебѣ мы являемся съ поклономъ и преклоняемся передъ престоломъ твоего величія, и всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, подписали эту бумагу въ томъ, что вѣримъ въ тебя, о которомъ дошла до насъ вѣсть, и съ любовью возлагаемъ на себя подданничество — божественно священному царству, основѣ всѣхъ царствъ. Все могущественное тебѣ подчинено. Одного мы просимъ у нашего властелина-царя: не отвратить отъ насъ лица своего. Дай намъ услышать слово твое, повѣдай намъ пути, по которымъ намъ надо итти и дѣла, которыя намъ надо творить. Должны ли мы спѣшить въ Виѳлеемъ, чтобы коснуться праха твоего величія или же намъ слѣдуетъ ждать Божьей помощи до того дня, когда раздастся трубный звукъ, и ты созовешь насъ изъ странъ изгнанія. Мы не знаемъ, что намъ дѣлать. На тебя обращены наши взоры. И мы ждемъ съ великой радостью твоего повелѣнія. Мы желаемъ видѣть нашего царя. И не для насъ однихъ только мы отправляемъ пословъ и спрашиваемъ и просимъ! Но для всѣхъ евреевъ, твоихъ рабовъ, для изгнанниковъ изъ Испаніи, которые живутъ нынѣ среди насъ. Всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, кланяемся тебѣ, преклоняемся передъ престоломъ славы нашего царя и властелина на святой горѣ въ Іерусалимѣ. Слава твоему имени вовѣки вѣковъ! Здѣсь въ Амстердамѣ, въ двадцать четвертый день мѣсяца «Элулъ», въ годъ окончанія войны за «Сіонъ», въ недѣлю, когда читаютъ раздѣлъ, «Богъ въ своемъ великомъ милосердіи вернетъ тебя изъ плѣна». Таковы слова младшихъ и ничтожнѣйшихъ твоихъ рабовъ, готовыхъ исполнить всѣ твои повелѣнія, вѣрующихъ сыновъ вѣрующихъ, всѣхъ собравшихся членовъ союза «Вѣнецъ Торы».

Самуилъ Примо спускается, беретъ адресъ, амстердамскіе послы удаляются, народъ падаетъ на колѣни, тихо шепчетъ молитвы, какъ бы ждетъ слова Божьяго.

Натанъ Азати, къ Саббатаю-Цеви.

Насталъ твой часъ, мощь твоя съ тобою, возьми рогъ въ руки и труби. Труби на востокъ и на западъ, скажи слово Божіе, возложи корону на голову и ссвободи насъ. Народъ ждетъ, онъ ждетъ избавленія.

Саббатай-Цеви.

У меня нѣтъ словъ для народа, у меня нѣтъ силъ трубить въ рогъ. Я имѣлъ золотую корону, подарокъ моей невѣсты Торы — у меня ее отняли. У меня былъ золотой рогъ, чтобы созвать Востокъ и Западъ — онъ исчезъ. Было у меня на устахъ слово Божіе для народа — я забылъ его. Я забылъ его, я не могу его помнить.

Сара.

Я заповѣдь отняла отъ тебя и грѣхъ тебѣ дала. Я вѣчную жизнь у тебя похитила, но за то подарила тебѣ смерть. Я съ неба тебя низвела, но за то положила къ ногамъ твоимъ землю. Я изгнала изъ тебя духъ святой, за то сатана поступилъ на службу къ тебѣ. (Указываетъ на народъ). Смотри, сколько душъ къ тебѣ онъ собралъ, они идутъ за тобой, кланяются тебѣ, брось имъ свое слово и это подѣйствуетъ, какъ кровь, кипящая въ огнѣ.

Саббатай-Цевп.

Разгоните народъ, разсѣйте толпу. У меня нѣтъ слова, которое я могъ бы сказать; у меня нѣтъ мощи, которую я могъ бы показать. Изъ-подъ вѣнца я прогналъ невѣсту свою. Она поднялась на небо къ своему Отцу, и я забылъ слово Божіе, сообщенное мнѣ черезъ пророка. Я позабылъ, потерялъ — не знаю, что сказать.

Сара.

Сатана вложилъ тебѣ въ уста другое слово. Онъ сдѣлалъ тебя Богомъ земли. (Къ Натану Азати). Возьми рогъ въ руки, труби направо и налѣво, возвѣсти пришествіе Бога, Богъ пришелъ въ образѣ человѣка. На колѣни—младъ и старъ! (Всѣ шестеро, соотвѣтствующіе шести свѣчамъ свѣтильника «menori», падаютъ на колѣни передъ Саббатаемъ, Натанъ Азати трубитъ въ рогъ, народъ ликуетъ). Это трубятъ о Мессіи! это трубятъ о Мессіи!

Натанъ Азати, обращается къ народу.

Сыны Израиля, взгляните на гордость свою: сынъ Бога пришелъ къ вамъ. «Пришло мое время», говоритъ Богъ. Сегодня день искупленія. Я беру Божье слово и мощь Его, чтобы владычествовать надъ міромъ и человѣкомъ. И я освобождаю васъ отъ закона и правилъ. Освобождаю васъ тѣмъ божественнымъ словомъ, которое у меня на устахъ и той божественной мощью, которая у меня въ рукѣ. (Народъ ликуетъ, многіе подскакиваютъ).

Спаситель и избавитель. Слава тебѣ, слава!

Саббатай-Цеви.

У меня былъ божественный вѣнецъ. Я потерялъ его. У меня было Божіе слово, и я забылъ его.

Въ толпѣ словно вѣтеръ проносится. Народъ, точно обезумѣвъ, кружится въ дикой пляскѣ и заглушаетъ голосъ Саббатая-Цеви. Въ толпѣ смѣшиваются мужчины и женщины, молодые и старые, берутся за руки; нѣкоторые падаютъ на землю и говорятъ, какъ въ бреду. Нѣкоторые срываютъ платья съ женщинъ. Кое-гдѣ образуются группы танцующихъ вокругъ Саббатая-Цеви; полунагія женщины держатся за руки и поютъ:

«Срывайте крыши съ домовъ, сжигайте имущество ваше. Богъ ушелъ въ небеса; міръ и человѣка онъ передалъ Мессіи. Разрывайте узы, разрѣзайте ремни, умеръ законъ, стерто слово, разрѣшено запретное, открыто недоступное. Слава тебѣ, слава»!

Внезапно на холмикѣ показывается Неемія Коэнъ, одѣтый, какъ турецкій дервишъ, онъ похожъ на полупомѣшаннаго. Онъ взываетъ съ холмика.

— И Богъ сказалъ мнѣ такъ: «ступай, служи Богу, который не Богъ (онъ показываетъ на свой тюрбанъ) и молись дереву, и кланяйся камню. (Онъ это дѣлаетъ). И ступай къ моему народу Израильскому и скажи ему: Вотъ какъ служите вы богу, который не богъ,—вотъ какъ вы молитесь камню и дереву. Горе вамъ! Молитву вашу развѣетъ вѣтеръ. Надежда ваша—это прошедшій день. Ибо вы молитесь человѣку, начало котораго въ землѣ. (Указываетъ на Саббатая-Цеви). Слово мое отнято отъ него, и нѣтъ съ нимъ больше моей мощи. (Издалека видны приближающіеся турецкіе солдаты, предшествуемые дервишами).

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Залъ во дворѣ султана Махмета Шестого. Саббатай-Цеви и Хахамъ-баши-Гвидамъ.

Хахамъ-баши-Гвидамъ къ Саббатаю-Цеви, который неподвижно стоитъ въ сторонѣ.

Кто ты? Откуда твоя сила? Наши солдаты трепетали передъ тобой? Веревки, которыми они хотѣли связать тебя какъ бы истлѣли въ огнѣ у нихъ на рукахъ? Воины султана, посланные для того, чтобы взять тебя въ темницу—взглянувъ—пали на колѣни передъ тобой, забыли слово своего повелителя и стали молиться тебѣ. Твою темницу они превратили въ дворецъ для тебя и словно за божествомъ шли за тобой всѣ—старъ и младъ. И вдругъ сила твоя тебя покинула. И руки твои, какъ волосы Самсона, упавшіе къ ногамъ Далилы, обезсилѣли подъ веревками. Кто потушилъ божественный огонь на твоемъ лицѣ? Кто усыпилъ твои глаза? Или мощь твоя только заснула, чтобы потомъ съ большей силой пробудиться. И подобно Самсону, ты хватаешься руками за устой дома, чтобы рухнуть вмѣстѣ съ нимъ? Или быть можетъ, Богъ вспомнилъ о своемъ народѣ израильскомъ и послалъ тебя къ нему избавителемъ, передавъ тебѣ царство міра сего? Скажи, я изъ твоего племени, я только перешелъ къ другому Богу, сталъ лейбъ-медикомъ султана, но сердце мое не отвратилось, кровь моя не измѣнилась, я привязанъ къ моему племени, какъ дерево, пересаженное въ другую почву, тоскуетъ по своему родному лѣсу, по родному небу и по родной землѣ. Я пришелъ сказать тебѣ объ этомъ. Весь

дворъ трепещетъ передъ твоей таинственной силой. Султанъ спрашиваетъ про тебя, и его подданные говорятъ о тебѣ, какъ о Богѣ. Прояви еще разъ свою силу. Еще разъ пусть зажжется въ твоихъ глазахъ божественный огонь. Пусть еще разъ божественная благодать засіяетъ на твоемъ лицѣ. Прикажи, и тебѣ покорятся властители и слуги (слышны трубные звуки). Что это? Я слышу, трубятъ? Повелитель страны къ тебѣ идетъ. Стань же Богомъ, человѣкомъ!

Удаляется.

Саббатай-Цеви, идетъ.

Я привелъ тебя въ трепетъ, ты, творецъ человѣковъ, ты увидѣлъ мое владычество, возросшее изъ силы, которую ты самъ мнѣ далъ. О тебѣ сталъ забывать человѣкъ и призналъ своимъ творцомъ человѣка себѣ подобнаго. Тебѣ мало небесъ на верху, тебѣ мало ангеловъ съ вѣчными славословіями, ты хочешь землю, ты хочешь человѣка съ его смертью, также тебя раздражаетъ свободная воля человѣка. Ты хочешь, чтобы онъ тоже въ жертву грѣхъ принесъ. Тебя больше не удовлетворяетъ ангельское добро. Въ тебѣ уже не находятъ отзвука славословія ангеловъ: вѣдь зло не въ ихъ власти. Они не знаютъ, что такое лишенія, только благочестіе и добро—вотъ ихъ призваніе. Тебя влечетъ къ человѣческимъ слабостямъ. Ты раздражаешь человѣческую волю. Противорѣчить и упорствовать—вотъ чего желаетъ человѣкъ, ты же хочешь только покорности и хвалы. Сердце человѣка склонно ко злу, ты же требуешь отъ него только добра. И ты далъ ему заповѣдь, противопоставилъ ей грѣхъ и обѣщалъ за заповѣдь вѣчный рай, а за грѣхъ вѣчный адъ. Ты послалъ меня къ людямъ, ты далъ мнѣ силу привлечь къ тебѣ ихъ души, покорить тебѣ ихъ смерть и вызывать гимны къ тебѣ, заставлять ихъ преклоняться передъ тобой.

Но ты увидѣлъ, что человѣкъ подымается и человѣка же признаетъ своимъ богомъ. И ты испугался, отнялъ у меня силу, ты потушилъ твой свѣтъ въ моихъ глазахъ и сіяніе твое погасилъ на моемъ лицѣ, И ты хочешь предать меня въ человѣческія руки, отдать меня на позоръ и посмѣшище, чтобы этимъ прославить имя твое. На моей головѣ твое мyро лилось, и я не отдамъ тебя на посмѣшище людямъ. Божественное ты отнялъ отъ меня, но человѣческое мнѣ осталось. Заповѣдь ты отнялъ отъ меня, святость моихъ глазъ ты похитилъ у меня, но грѣхъ еще остался у меня и имъ я буду служить тому, который властвуетъ теперь надъ человѣкомъ здѣсь на землѣ.

Слышны трубные звуки. Входитъ султанъ Махметъ Шестой со свитой. Въ свитѣ: Муфти-Ванни и Хахамъ-баши - Гвидамъ, а также Кай-Макамъ Адріонополя. Всѣ держатся на сторожѣ съ Саббатаемъ-Цеви; чувствуется, что они испытываютъ безсознательный страхъ.

Занимаютъ свои мѣста.

Кай-Макамъ Адріонаполя.

Ты хотѣлъ его видѣть, великій властелинъ. Вотъ этотъ человѣкъ, который возмутилъ все твое царство, осмѣлился объявить себя въ твоемъ царствѣ властелиномъ и безъ твоего вѣдома, великій султанъ, заставить служить себѣ твоихъ подданныхъ.

Султанъ Махметъ, не подпуская къ себѣ Саббатая-Цеви.

Кто ты, что нашелъ въ себѣ силы привлечь на свою сторону моихъ подданныхъ, заставить ихъ увѣровать въ тебя и служить тебѣ. Какъ могъ ты молящимся Аллаху и его пророку внушить вѣру въ твое колдовство? Что твоя сила — святая или нечистая?

Саббатай-Цеви, гордо, въ немъ внезапно пробуждается прежняя сила.

Кто я? Я поставленный богомъ надъ землей. Я творецъ человѣка и его царственный образъ. Мое время пришло. Кончилась моя подчиненность. И Богъ, уйдя назадъ—въ сферу небесную, оставилъ мнѣ, Его сыну, помазаннику, владычество надъ міромъ. Для человѣка я повелитель—образъ властелина его. И рукою пророка Бога Якова голова моя помазана мyромъ Давида. Я сталъ помазанникомъ Бога. Со мной его слово и его мощь. И я пришелъ къ тебѣ, чтобы снять корону съ твоей головы.

Всѣхъ охватываетъ страхъ; всѣ почтительно разступаются передъ нимъ, нѣкоторые опускаются на колѣни, простирая къ небу руки. Саббатай-Цеви внезапно теряетъ свою силу, голосъ его падаетъ. Онъ опускается передъ султаномъ съ мольбой и просьбой.

Ты спрашиваешь, кто я, великій повелитель. Я бѣдный, бѣдный еврей, который живетъ только милостью твоею, великій султанъ. Я бѣдный, бѣдный еврей, который недостоинъ, чтобы ты, царь, взглянулъ на него. Я ѣздилъ въ страну Израильскую, собиралъ деньги для бѣдныхъ евреевъ, что живутъ въ твоемъ царствѣ, великій султанъ. Развѣ я виноватъ, что они мнѣ молятся? (Маленькая пауза. Словно о чемъ вспомнивъ, онъ спохватывается, все тѣло его подергивается, онъ грозно озирается. Кругомъ лица блѣднѣютъ, но опять внезапно сила покидаетъ его, и онъ бросается къ ногамъ султана). Я не знаю другого повелителя, другого властелина, кромѣ тебя, великій султанъ. Твоя вѣра—моя вѣра. Твой Богъ—мой Богъ. Повели, и я буду цѣловать ноги твоего шехъ-уль-ислама. (Падаетъ къ ногамъ духовника). О, святой служитель Бога, прими меня подъ сѣнь твоей священной вѣры. Пусть Аллахъ приметъ меня подъ благость свою. И да прольется

на меня духъ Магомета. (Срываетъ тюрбанъ съ дервиша, надѣваетъ на свою голову и громко кричитъ). Великъ Аллахъ, и Магометъ пророкъ его!

Султанъ протягиваетъ ему руку.

Султанъ.

Я помиловалъ тебя. Милость моя прольется на тебя. Магометъ Афуни отнынѣ будетъ твое имя. И красивѣйшая изъ моихъ рабынь станетъ твоей женой.

ЗАНАВѢСЪ.

ЭПИЛОГЪ.

Сцена перваго акта. Только со стороны горы стѣна съ зіяющими дырами представляется въ перспективѣ. На гору ведетъ множество пересѣкающихся дорожекъ. Въ воздухѣ жуткая тишина, какъ передъ грозой. Издали у стѣны сидитъ Неемія-Коэнъ въ чулкахъ, голова посыпана пепломъ; онъ читаетъ по молитвеннику: на одной изъ дорожекъ блуждаетъ старый, высокій еврей съ палкой въ рукѣ и котомкой на спинѣ.

Старый еврей, говоритъ самъ съ собою вслухъ, оглядываясь.

Не видѣли ли вы, не слышали ли вы, говорили будто Мессія пришелъ; собралъ вокругъ этой горы евреевъ со всѣхъ концовъ свѣта. Онъ долженъ здѣсь наверху (указываетъ на вершину горы) затрубить въ рогъ. И тогда мертвые встанутъ изъ гробовъ. Не видѣли вы, не слыхали вы? (Онъ блуждаетъ, желая подняться, но путается и попадаетъ на другую дорогу).

Кто мнѣ покажетъ дорогу на гору, я хочу наверхъ къ Мессіи. Не видали вы? Не слыхали вы? (Съ горы, при порывахъ вѣтра, подъ аккомпаниментъ дикой страстной музыки, спускается Сара съ распущенными волосами, полунагая. Дикая толпа мужчинъ и женщинъ, тоже съ распущенными волосами, бѣжитъ за нею, точно подхваченная вѣтромъ).

Разрывайте путы, разрѣзайте ремни. Умеръ законъ, стерто слово. Дозволено запретное, доступно раскрытое.

Старый еврей, къ нимъ.

Люди добрые, не можете ли вы сказать, гдѣ живетъ Мессія?

Одинъ изъ толпы.

Пойдемъ съ нами. Мы отправляемся въ страну, гдѣ человѣкъ—Богъ, гдѣ его воля,—законъ.

Старый высокій еврей.

Я не понимаю рѣчей твоихъ. (Убѣгаетъ отъ него; къ толпѣ). Люди добрые (кричитъ всѣмъ): не видали вы? Не слыхали вы?

Онъ блуждаетъ по дорожкамъ; внезапно видитъ Неемію-Коэна, сидящаго у стѣны; въ рукѣ у Нееміи рогъ, а возлѣ стоитъ сосудъ съ елеемъ.

Скажите мнѣ, простите, добрый еврей, вы не видали?

Неемія-Коэнъ.

Вотъ вамъ (протягиваетъ руку).

Старый, высокій еврей.

Миръ вамъ.

Неемія-Коэнъ.

Скинь башмаки, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь свято.

Старый, высокій еврей, снимаетъ обувь.

Я пришелъ изъ чужой страны. У насъ говорили, что Мессія явился. Я оставилъ свое имущество, покинулъ все и пришелъ къ Мессіи. Не слыхали вы, не видали вы?

Неемія-Коэнъ.

Садись на землю, разорви свое платье. (Онъ надрѣзываетъ ему платье). Горе намъ! За грѣхи наши еще больше отяжелѣли цѣпи на рукахъ Мессіи. (Онъ указываетъ на черныя дыры и говоритъ):

Вотъ отсюда доносятся его стоны. Тамъ онъ лежитъ связанный. Слышишь, какъ звякаютъ цѣпи. (Изъ черныхъ дыръ доносится лязгъ цѣпей). Съ тѣхъ поръ, какъ разрушили храмъ, съ того мгновенія, какъ онъ родился, каждый разъ, когда онъ слышитъ стоны евреевъ, онъ пробуетъ разорвать свои цѣпи и тогда слышенъ лязгъ, и звонъ, и шумъ цѣпей. Но Богъ поклялся не освобождать его, пока евреи силою душъ, которыя онъ въ нихъ вложилъ, не сорвутъ цѣпей съ его рукъ. И онъ кусаетъ свои губы. Ибо черезъ васъ онъ придетъ. Что же онъ возвѣстить можетъ, когда вы не возвышаетесь? Что можетъ онъ подготовить, когда вы не готовы? (Онъ указываетъ на рогъ). Рогъ въ моей рукѣ. Елей у меня есть. Мы ждемъ васъ!

Старый, высокій еврей, встаетъ и поднимаетъ руку.

Вѣрую истинною вѣрою, что Мессія придетъ. И хотя онъ долго медлитъ, но я жду его день и ночь. Онъ придетъ!

5-го ноября 1907 года.
Казмержъ.

КОНЕЦЪ.

К. БАЛЬМОНТЪ

ЛИТВА

ВѢНОКЪ ИЗЪ СЕМИ СТЕБЛЕЙ

ЛИТВА.

ВѢНОКЪ ИЗЪ СЕМИ СТЕБЛЕЙ.

(Посвящается Юргису Балтрушайтису).

I. Литвинъ.

Литвинъ уѣзжалъ на войну,
Мать оставлялъ и жену.
Мать начинаетъ тужить.
«Кто тебѣ будетъ служить
Въ далекой Угорской землѣ?»
«— Что же, родная? Есть звѣзды въ мглѣ.
И не счесть.
Божія дочери есть.
Свѣтятъ глазами,
Бѣлыми свѣтятъ руками,
Будутъ какъ знамя, какъ буду рубиться съ врагами.
Ты вотъ, родная, какъ будешь одна?»
«— Буду молиться».—«А ты какъ, жена?»
«— Буду любить тебя. Буду молиться.»
«— А какъ ребеночекъ малый родится?»
«— Буду ребенка качать.
Пѣть буду пѣсни».—«А будутъ мятели?»
«— Лаума, вмѣсто меня, въ колыбели
Съ блѣднымъ лицомъ подойдетъ,
Будетъ ребенка качать.
Снѣга мнѣ въ сердце немного положитъ.
Это поможетъ.
Буду молчать.»

2. Вандинніи.

Подъ кленомъ течетъ ручеекъ,
Далеко, въ Литвѣ, гдѣ лужокъ,
Не всякій лужокъ, а съ алмазною
Танцующей сказкою связною
Тамъ Божьи сыны, рыбаки,
Что вѣрятъ въ свои огоньки,
Тамъ Божіи дѣвы, вандинніи,
Взглянутъ, такъ картины—картиннѣе.
Ихъ синія очи—какъ сонъ,
Красивая очередь, ленъ,
Который дошелъ до сребристости
Отъ лунной колдующей мглистости.
Вандинніи, выйдя изъ водъ,
Подъ кленомъ ведутъ хороводъ,
И къ нимъ рыбаки приближаются,
И въ лунный нарядъ наряжаются.
Чуть каждая дѣва изъ водъ
Волною волосъ шевельнетъ,—
И воздухъ наполнится лунными
Напѣвами сновъ многострунными.
Чуть рыбарь играющихъ водъ
Къ вандинніи въ пляскѣ прильнетъ,—
И пляска въ себѣ не обманется,
До самаго Неба протянется.

3. Мѣсяцъ и Солнце.

Солнце-Савлита—красивая дѣва,
Мѣсяцъ женился на ней.
Свѣты—направо, и свѣты—налѣво,
Солнце поетъ, и подъ звуки напѣва
Розы раскрылись на сѣткѣ вѣтвей.
Солнце взошло, и по Небу блуждало,
Мѣсяцъ сказалъ: «Цѣловались мы мало».
Мѣсяцъ блѣднѣетъ отъ трепета силъ.

Слышитъ въ вѣтвяхъ онъ поющую птицу,
Видитъ блестящую дѣву Денницу,
Вмигъ свѣтлолицую онъ полюбилъ.
Онъ ее нѣжитъ, цѣлуетъ, ласкаетъ,
Видитъ Перкунасъ измѣну его,
Поднялъ карающій мечъ, набѣгаетъ,
Мѣсяцъ разрубленъ, но живъ. Оттого
Солнце-Савлита, пылая отъ гнѣва,
Ходитъ по синему Небу вдовой,
Мѣсяцъ же часто въ ущербѣ, но дѣва,
Диво-Денница, въ сіяньи напѣва,
Слышитъ, какъ Мѣсяцъ ей шепчетъ: «Я твой».

4. Рута.

Расцвѣла въ саду рута.
Вышла дѣва—красота.
Вышла дѣва и поетъ.
Не меня ли манишь? Вотъ!

Нѣженъ садикъ рутяной.
Выйди въ садикъ, милый мой,
Дѣва, дѣва, оглянись.
Я съ тобой. Цвѣты зажглись.

Рутяной вѣнокъ сплела.
Въ воду бросила, свѣтла.
Нѣжно счастье. Милый—милъ.
Рутяной вѣнокъ уплылъ.

5. Девять.

Аушрина—разсвѣтная солнцева дочь,
Та звѣзда, что глядитъ—въ день и въ ночь.
Ее выдала замужъ, взглянувши открыто,
Ея мать, что есть Солнце, Савлита.

Вдругъ Перкунасъ пришелъ, съ смѣхомъ огненныхъ
губъ,
Разрубилъ зеленѣющій дубъ.
Аушрина въ крови, капли крови горятъ,
Окровавленъ дѣвичій нарядъ.
Страшенъ дочери Солнца—кровавости видъ,
«Что мнѣ дѣлать теперь?» говоритъ.
«Гдѣ я вымою платье, свой бѣлый покровъ?»
«—Тамъ, гдѣ сходится девять ручьевъ».
«Гдѣ жъ сушить его буду, сушить гдѣ смогу?»
И отвѣтъ былъ опять: «На лугу,
Гдѣ раскрылося девять сіяющихъ розъ».
«—А носить его?»—новый вопросъ.
«А носить его будешь въ поляхъ круговыхъ,
«Девять солнцъ будутъ пѣть тебѣ стихъ».
Такъ отвѣтъ былъ законченъ пресвѣтлой Савлитой,
Златолитый отвѣтъ къ Сребролитой.

6. Погоня.

Стучатъ. Стучатъ. Чей стукъ? Чей стукъ?
Ударъ повторный старыхъ рукъ.
«Сыны! Вставайте.
Коней сѣдлайте.
Скорѣй, доспѣхи надѣвайте».
Стучитъ, кричитъ старикъ сѣдой.
«Идемъ, но что, отецъ, съ тобой?»
«—Сынъ старшій, средній, помоги,
Сынъ младшій, милый, помоги,
Угнали дочерей враги».
«—Враги похитили сестеръ!
Скорѣй за ними! О, позоръ!
Нашъ зорокъ взоръ! Нашъ мечъ остеръ!»
«—Сыны, летимъ! Враговъ догонимъ.
Въ крови враговъ позоръ схоронимъ».
«—Узнаемъ милыхъ средь враговъ,
На нихъ сіяющій покровъ».
«—Свѣжа ихъ юная краса,

Златые пышны волоса».
«—На волосахъ златыхъ вѣнки,
Румяность розъ и васильки».
«—Мы у враговъ ихъ отобьемъ».

И пыль вскрутилась надъ путемъ.

Сіяютъ мстительныя очи.
Четыре быстрые коня.
Четыре сердца. Путь короче.
Сейчасъ догонятъ. Тѣни ночи
Плывутъ навстрѣчу краскамъ дня.
«Сынъ старшій, слышишь ли меня?
Сейчасъ мы милыхъ отобьемъ!
Сынъ средній, слышишь ли меня?
Враговъ нещадно мы убьемъ!
Сынъ младшій, слышишь ли меня?
Какъ кровь поетъ въ умѣ моемъ!»

Четыре сердца ищутъ милыхъ.
Нагнали воинство. Не счесть.
Но много силы въ легкокрылыхъ.
Глядятъ. Есть тѣни женщинъ? Есть!
Но не лучисты ихъ одежды,
Средь убѣгающихъ враговъ,
А дымно-сумрачный покровъ,
Какъ тѣнь отъ сказочныхъ дубовъ.
Закрыты дремлющія вѣжды.
Блѣдна ихъ лунная краса,
Сребристо-снѣжны волоса,
И чащи лилій, лунныхъ лилій
Снѣгами головы покрыли.

Четыре сердца бьютъ набатъ.
«Чужія!» тайно говорятъ.
Отъ брата къ брату горькій взглядъ.
И все жъ—впередъ. Нельзя—назадъ.

Искать, искать! Другимъ путемъ.
Искать, пока мы не найдемъ,
Черезъ вѣка летѣть, скакать,
Хоть въ Вѣчность, но искать, искать!

7. Царица Балтійскихъ водъ.

Въ глубинѣ блѣдноводной Балтійскаго моря
Возносился когда-то янтарный дворецъ
Синеокой царицы Юраты.
Стѣны были въ чертогахъ—чистѣйшій янтарь,
Золотые пороги, алмазныя окна,
Потолки же изъ рыбьихъ чешуй.
И звучали въ чертогахъ глубинныхъ напѣвы,
И въ русалочьихъ пляскахъ мерцали тамъ дѣвы,
Взглядъ у каждой—одинъ поцѣлуй.

Въ глубинѣ блѣдноводной Балтійскаго моря
Разослала однажды Юрата всѣхъ щукъ
Извѣстить всѣхъ богинь знаменитыхъ,
Что пожаловать къ пиру ихъ проситъ она,
И совѣтъ учинить о значительномъ дѣлѣ,
О великой неправдѣ одной.
И богини въ чертогахъ царицы Юраты
Пировали, наряды ихъ были богаты,
И держали совѣтъ подъ Луной.

«Вамъ извѣстно, подруги», сказала Юрата,
«Что властитель Земли и Небесъ и Морей,
Мой всесильный отецъ Праамжимасъ
Поручилъ мнѣ всѣ воды и жителей ихъ.
Всѣмъ вамъ знать, учинила ль кому я обиду.
Было счастіе въ кротости водъ.
Но явился Цаститисъ, рыбакъ вѣроломный,
Надъ рѣкою онъ Свентой сидитъ, и нескромный
Онъ для рыбъ моихъ сѣти плететъ.

«Вамъ извѣстно, что даже и я не ловлю ихъ,
Самой маленькой рыбки невинной не съѣмъ,
Ко столу подавать ихъ не смѣю,
И ужъ какъ я люблю камбалу, а и то
Съ одного только бока ее объѣдаю,
И гуляетъ она на другомъ.
Покараемъ его, поплывемъ, и заманимъ,
И въ объятьяхъ стѣснимъ, и задушимъ, обманемъ,
И засыплемъ мы очи пескомъ».

Такъ рекла, и поплыло сто лодокъ янтарныхъ,
Чтобъ свершить безпощадную грозную месть,
И плывутъ, и сіяетъ имъ Солнце.
Тишина—въ неоглядности призрачныхъ водъ,
И ужъ эхо разноситъ слова ихъ напѣва:
«Эй, рыбакъ! Эй, рыбакъ! Берегись!»
Вотъ ужъ устье рѣки, полноводной, и въ лѣтѣ,
На прибрежьѣ рыбакъ развивалъ свои сѣти,
Вдругъ предъ нимъ изумруды зажглись.

Изумленный, глядитъ онъ: сто лодокъ янтарныхъ,
Сто дѣвицъ въ нихъ пречудныхъ, и свѣтъ ото всѣхъ,
Изумрудныя очи у каждой
А у главной, Царицы, глаза какъ сапфиръ,
Какъ лазурь высоты и какъ синее море,
Жезлъ янтарный въ подъятой рукѣ.
И поютъ, и поютъ, ихъ напѣвы желанны,
И морскія къ нему приближаются панны,
На янтарномъ смѣясь челнокѣ.

Глянь, рыбакъ, красивый, юный,
Сѣти брось, иди въ ладью,
Съ нами вѣчно плясы, струны,
Сдѣлай счастьемъ жизнь свою.
Къ намъ иди, съ душой не споря,
Слышишь, нѣженъ тихій смѣхъ,
Будешь ты владыкой Моря,
И возлюбленнымъ насъ всѣхъ.

Опьянился рыбакъ чароваиьемъ обманнымъ.
И ужъ хочетъ онъ броситься въ синюю глубь,
Вдругъ свой жезлъ опустила Юрата.
«Стой, безумный! хоть ты и виновенъ весьма,
Но тебя я прощу, ибо мнѣ ты желаненъ,
Поклянись только въ вѣчной любви».
«— Я клянусь». — Такъ. Ты — мой. Каждый вечеръ
я буду
Приплывать на зарѣ».—«Не забудь»—«Не забуду.
Завтра—здѣсь».—«Поскорѣй приплыви».

Минулъ годъ. Каждый вечеръ царица Юрата
Приплывала на берегъ любить рыбака,
И любились они, и любились.
Но провѣдалъ объ этихъ свиданьяхъ Перкунъ,
И разгнѣвался онъ, что богиня посмѣла
Полюбить одного изъ земныхъ.
И однажды метнулъ молнеглазые громы,
И янтарные онъ опрокинулъ хоромы,
Разметалъ онъ обломками ихъ.

Рыбака же, который былъ громомъ повергнутъ,
Приковалъ Праамжимасъ, тамъ въ Морѣ, къ скалѣ,
Приковалъ передъ нимъ и Юрату.
И на милаго мертваго вѣчно она,
Въ глубинѣ блѣдноводной Балтійскаго моря,
Смотритъ, смотритъ, любовью горя.
Оттого-то въ часъ бури намъ слышатся крики,
И по взморью, за бурей, какіе-то лики
Намъ бросаютъ куски янтаря.

К. Бальмонтъ.

Soulac-Sur-Mer
Villa Ave Maria.
1907. Осень.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ

БЕРЕГОВОЕ

БЕРЕГОВОЕ.

Драматическій пейзажъ.

I.

Въ это утро горы молились такъ:
Тебѣ, Додневный, Который творилъ насъ, ликуя;
Тебѣ, Безкрайный, нами вспоившій даль;
Тебѣ, приковавшій насъ къ высотѣ навѣкъ,
Мы, безглагольныя, поемъ хвалу!

Онѣ были свѣжія, розовыя отъ выступавшаго солнца, розовыя и синія тамъ, гдѣ легли складки на ихъ покрывалахъ. Утро украло у нихъ тяжесть, и онѣ сгрудились, какъ зыбкія облака: вотъ-вотъ сдвинутся съ мѣстъ и поплывутъ по небу, по сквозному молочно-бѣлому розовыя съ синимъ.

Пахло отъ нихъ можжевельникомъ и сосной, мохомъ и днями творенья.

Горы ближе были какъ соколы,—острыя, застывшія, съ круглыми втянутыми головами, сизыя, и по нимъ прямыя темныя трещины, какъ перья. Сторожили всѣ выходы кругомъ, сидя на обрывахъ, глядѣли въ море. Вѣка неслышно залегли въ ихъ морщинахъ. Карабкались по откосамъ жесткіе кусты и мирно усаживались внизу, какъ бородавки. Бѣлая дорога тонко змѣилась по нимъ, какъ потерянная кѣмъ-то нитка. Въ самое море по-поясъ вошли лысыя, сѣрыя скалы, совсѣмъ голыя, распластанныя, точно приготовились плыть къ горизонту и собирали силы.

На небѣ съ моря, все пронизанное свѣтомъ, все тканное изъ тумановъ, повисло отлетавшее крыло ночи и задержалось, слушая пугливо, какъ молились горы.

Море не молилось въ это утро; море никогда не молилось, но оно было все, какъ одна невнятная оплотнѣвшая молитва. Это просто застыли звуки, рѣявшіе когда-то вверху, и упали внизъ, а внизу слились въ безпокойную музыку красокъ, въ ожиданіе, жалость, страхъ и смутную дрожь, отъ вѣчнаго холода на днѣ.

Оно было теперь тихое, голубое. Круглыя полосы брызнули по немъ, какъ струны... Что оно играло на нихъ ночью?... Чаша, полная до краевъ жизнью и смертью, и все это тамъ, внизу, въ полусвѣтѣ и тишинѣ. Милліоны рожденій безъ криковъ, милліоны смертей безъ могилъ, и все это тамъ, далеко отъ глазъ, внизу.

Оно было лѣнивое въ это утро, улыбалось, жмурясь отъ солнца... Можетъ быть будетъ плакать къ вечеру, бросать въ берега горы изъ бѣлыхъ слезъ, но теперь все оно въ просторномъ, мягкомъ, голубомъ съ лентами и кружевами.

Запахъ отъ него свѣжій, соленый, или это водоросли гніютъ, выброшенныя прибоемъ, и воздухъ отъ нихъ затхлый, сырой, полный міазмами, — нельзя понять.

Такъ много на немъ блестящихъ точекъ и струй, драгоцѣнныхъ камней и стекляруса въ длинныхъ ожерельяхъ,—больно глазамъ отъ блеска.

Ловитъ солнце и прячетъ, прячетъ жадно и нагло, и смѣется, какъ смѣются дѣти, и снова ловитъ бездной короткихъ рукъ, а на днѣ все также холодно и темно, и не слышно криковъ ни при рожденіи, ни передъ смертью.

Бѣлая дача стояла на обрывѣ, вверху надъ самымъ моремъ,—бѣлое, плотное пятно на голубомъ.

Никто не жилъ на дачѣ и кругомъ далеко до деревушки влѣво никто не жилъ. А справа на отвѣсной горѣ торчали растерянные остатки крѣпости, какіе-то обломки стѣнъ, куски зубчатыхъ башенъ,—груды камня на камнѣ. Кто здѣсь кого и зачѣмъ защищалъ, забыло само время.

Въ сухомъ воздухѣ горъ бѣлая дача купалась, какъ чайка, присѣвшая отдохнуть. Хорошо, когда тихо надъ моремъ, когда высоко, солнечно и не знойно. Вотъ она свернула голову подъ крыло и заснула. Проснется,—будетъ нырять подъ водою, а теперь спитъ.

Отъ дачи къ морю ступеньки въ камнѣ заросли плѣсенью и мохомъ. Когда строили дачу, проложили къ ней путаную горную дорогу; теперь трудно было бы найти ее въ камняхъ: камни не любятъ слѣдовъ. Но дача стояла упрямо и прочно, какъ стоятъ и ждутъ холодные, зная, что дождутся.

Въ это утро пріѣхалъ откуда-то хозяинъ дачи и съ нимъ женщина. Отворили двери и окна, съ мебели стерли пыль.

Сонныя комнаты проснулись, застучали, перекликаясь шагами, сверху до-низу наполнились круглыми звуками голосовъ. Стѣны точно сдѣлались мягче и раздвинулись, чтобы вмѣстить ихъ двоихъ, пріѣхавшихъ утромъ.

У него было лицо, какъ широкая захолустная улица днемъ, лѣтомъ. На такихъ улицахъ не бываетъ мостовыхъ,—пыльно, мягко ногѣ. Кривые столбики стоятъ вмѣсто тротуаровъ, около нихъ и дальше зеленѣетъ трава, бродятъ куры, роются поросята. По самой серединѣ, въ дымкѣ поднятой пыли идетъ ватага загулявшихъ рабочихъ съ шапками на затылкахъ. У одного—гармоника,—длинная, скрипучая, самодовольная,—другіе горланятъ пѣсню, и непремѣнно есть одинъ такой пронзительно визгливый голосъ, для котораго не существуетъ нотъ: онъ то отстанетъ, то забѣжитъ

впередъ, взвизгиваетъ такъ, что шарахаются, вздрогнувъ, поросята и потомъ, тревожно хрюкая, долго стоятъ и смотрятъ, поднявъ розовыя морды... Изъ калитокъ смѣются навстрѣчу загулявшимъ бабы съ ведрами, ругаютъ ихъ шутя, грызутъ сѣмячки, поблескивая глазами... Облаковъ нѣтъ; небо сѣровато-сѣрое; жарко.

У нея лицо было, какъ сѣть узкихъ тупиковъ и переулковъ, гдѣ-нибудь на окраинахъ большого города, гдѣ любятъ тѣсниться.—Вечеръ. Внизу уже стелятся сумерки, а вверху, по конькамъ черепичатыхъ крышъ, скользитъ солнце; скользитъ весело, точно усмѣхается вдругъ,—и ужъ нѣтъ его, сумерки, а оно гдѣ-то дальше, выше. Улыбнулось,—и опять дальше. Облако встаетъ на ночь; можетъ быть, дождь будетъ, а можетъ быть, ночь будетъ душная, такъ что въ низенькихъ домикахъ распахнутъ окна настежь: все равно, воры такъ воры,—ужъ очень душно. Кто-то остановился на перекресткѣ, — спрашиваетъ дорогу; кто-то другой объясняетъ ему: долго чертитъ въ воздухѣ рукой,—такъ, этакъ, опять такъ; очертилъ полукругъ, прямой уголъ, острый уголъ, показалъ влѣво, вправо. Тотъ, кто спрашивалъ, безнадежно пожимаетъ плечами. Вспоминаетъ объ извозчикахъ, которые должны знать, куда ѣхать, но здѣсь совсѣмъ нѣтъ извозчиковъ. Собаки лаютъ, очень много собакъ за высокими заборами,—маленькія, большія,—больше маленькихъ съ заливчатыми, тонкими голосами. Онъ идетъ назадъ, но и назадъ уже трудно выйти,—далеко зашелъ. Шелестятъ сумерки,—скоро будетъ совсѣмъ темно, и, кажется, дождь будетъ. Ближній уголъ смотритъ насмѣшливо, поджидающе, хмуро. Собаки лаютъ.

У него тѣло было, какъ туманъ весною, гдѣ-нибудь около лѣса или болотной рѣки. Это туманъ сытый и плотный, тяжелый и емкій. Земля подъ нимъ, какъ подъ душной периной. Ничего ясно не различить въ двухъ шагахъ: просвѣчиваетъ что-то чернѣя,—что, не

видно. Въ такомъ туманѣ трудно дышать, а онъ жаденъ къ землѣ: онъ обвиваетъ дома и долго глядитъ въ окна, онъ проходитъ сквозь густыя лѣсныя чащи, забивается въ овраги, въ норы подъ корни;—жаденъ и росистъ, земнолюбивъ и влаженъ, самъ рожденный влагой земной. Въ весеннихъ бѣлыхъ садахъ разводятъ костры ему навстрѣчу, чтобы не задушилъ молодыхъ цвѣтовъ, нѣжныхъ и тонкихъ. Въ поляхъ подъ нимъ жухнутъ всходы, и когда уйдетъ онъ туда, откуда пришелъ, небо кажется богаче, земля бѣднѣе.

У нея тѣло было, какъ туманъ лѣтомъ надъ лугами, гдѣ мягки и сини небольшія круглыя озера. И туманъ этотъ, ихъ дитя, мягокъ и синь, и цѣломудренъ, такой тонкій и далекій. Вблизи его нѣтъ; подойдешь къ нему, — онъ гдѣ-то дальше, только трава по немъ плачетъ грустными слезами. Онъ легкій, точно это надышали за ночь медуница и кашка, сквозь него видно, и то, что видно, сказочно и тянетъ. Можетъ быть, тамъ дворцы изъ солнечныхъ лучей, можетъ быть, зори изъ улыбокъ,—кто скажетъ. Подойдешь ближе,—плачетъ трава, на какихъ-то безымянныхъ цвѣтахъ дрожатъ слезинки, а его нѣтъ: стелется гдѣ-то дальше. Небо надъ нимъ ровное, глубокое и спокойна подъ нимъ земля.

Голосъ у него былъ, какъ у рѣки во время ледохода, у рѣки возлѣ мельничныхъ шлюзовъ и плотинъ, гдѣ для нея узко, стремнинно и высоко.

Голосъ у нея былъ, какъ у лѣсного ручья ночью, когда все сонно и тихо, а онъ торопливъ, серебряно-звонокъ, кому-то хочетъ что-то сказать, и никто не слышитъ... да и что сказать? Кто узнаетъ, что можетъ сказать лѣсной ручей?

Она лежала, отдыхая, точно вышитая вся изъ истомы и лѣни, а онъ ходилъ по комнатѣ, заглядывалъ въ окна; онъ былъ молодъ здѣсь, какъ молоды были горы утромъ.

— Какъ странно, — говорилъ онъ. — Вѣдь это я строилъ дачу, я, я самъ! Захотѣлъ, — и она вотъ стоитъ на скалѣ, какъ бѣлая часовня. Я уѣзжаю, пропадаю надолго, но всегда помню, что гдѣ-то одна, совсѣмъ одна и потому такая замѣтная, стоитъ между горами и моремъ бѣлая дачка.

На самомъ обрывѣ! Надъ самымъ моремъ!

Вѣдь ее Богъ знаетъ откуда видно, — ты знаешь? Это — гордость моя! Я — нищій, можетъ быть, но у меня бѣлая дача надъ моремъ: я богачъ!.. Море-то, море-то, — вѣдь здѣсь двѣсти верстъ до горизонта!.. А въ самомъ низу, посмотри, — вода совсѣмъ зеленая, какъ озимь! Вдругъ изъ нея сейчасъ жаворонки вылетятъ, — чудо что ли будетъ? — Нѣтъ! Нельзя здѣсь удивить чудомъ: здѣсь все чудо!.. Вонъ тамъ, — эхъ, если-бъ ты хоть посмотрѣла! — вонъ тамъ, гдѣ по горѣ камни идутъ въ рядъ, какъ на приступъ, тамъ я на охотѣ орла убилъ. Насилу сюда принесъ: — крылья по землѣ волочились... Вотъ какія крылья были! — Онъ раздвинулъ руки, посмотрѣлъ, засмѣялся. — Куда! Рукъ не хватитъ!

— Ты совсѣмъ малютка здѣсь, совсѣмъ ребенокъ, — улыбнулась она.

— Я? — Ребенокъ. А что-жъ?

— А я устала, — нахмурила она брови.

Лицо у нея стало, какъ вечеръ на лѣсной полянѣ, когда свѣжѣетъ, туманится прасинь стволовъ и вотъ-вотъ упадетъ роса на траву.

— Отдохни, конечно, я забылъ! — заспѣшилъ онъ. — Хочешь, — уйду, затворю окна?

— Нѣтъ... Только не говори; сядь здѣсь. — И засмѣялась вдругъ. — Какая смѣшная лошадь была, на которой мы ѣхали! Не коренникъ, а другая, пристяжка... Пестрая, какъ собака, и все голову набокъ, внизъ.

Онъ припомнилъ.

— Да, смѣшная... Ночью это было очень смѣшно. — И потянулся къ окнамъ.

Теплые на видъ, влажно янтарились глинистые

обрывы внизу подъ дачей. Море все надвигалось на нихъ, матово-зеленое, какъ луга въ росѣ, все шептало, все шелестѣло имъ что-то свое, водяное, и все облизывало, лукаво выкругляло валуны на берегу. А берегъ отъ этихъ валуновъ былъ весь цвѣтной, точно дорогой, долго-тканный въ какихъ-то древнихъ теремахъ конскій чепракъ, потерянный во время погони и полинявшій отъ тысячелѣтняго солнца.

Горы были въ солнечной пыли, струились, стали совсѣмъ сизыя и мягкія, точно отлитыя изъ резины.

Въ комнатахъ было слишкомъ ярко отъ дневного свѣта. Казалось, что свѣтъ этотъ звенѣлъ, врываясь, что звучали издалека эти острые камни-горы, и было слышно.

— Вонъ тамъ есть пещера, — указалъ онъ рукой. — Входъ узенькій, а внутри широко... Кости какія-то, неизвѣстно чьи, колонны сталактитовъ... Я туда часто ходилъ: жутко, а красиво. Страшно красивая штука — жизнь! Вдуматься только! Если бы прошелъ по землѣ кто-нибудь въ сотню человѣческихъ жизней длиной, — сколько бы впиталъ онъ солнца!... Такой бы не могъ уже умереть, — ты знаешь? — Почему-то такъ кажется, почему-то такъ ясно, что не могъ бы умереть.

— Я смотрю на потолокъ, на стѣны твоей дачи... — сказала она внезапно: — они старенькіе, эти — потолокъ и стѣны.

— Какъ же старые? — не понялъ онъ. — Вѣдь я ихъ строилъ.

— Но ты вѣдь старый!.. Я тебя такъ давно помню.

— Я тебя такъ недавно знаю, — усмѣхнулся онъ.

— Это бываетъ: знаешь недавно, а помнишь давно. Ты — старый.

— Я моложе тебя. Оставимъ это.

— Ты моложе? — она приподнялась на локтѣ.

— Ну, ты моложе!.. Я вѣдь не хочу спорить.

Онъ перебиралъ ея волосы, гладилъ руки. Теперь, когда она улыбалась такъ расплывчато и довольно, лицо ея струилось какъ крона серебристаго тополя, —

вся она была изъ пахучихъ листьевъ, изъ той мясистой зелени, въ которой много дремучей силы.

Горы глядѣли въ окна свысока, сухо и строго. Онѣ съ головой утонули въ зноѣ, какъ въ синихъ грезахъ о томъ, чего никогда не будетъ. Онѣ всѣ были въ просторѣ, рядомъ съ солнцемъ. Это ихъ цѣловало, проходя, солнце, а оно губитъ тѣхъ, кого цѣлуетъ. Высокія пики стояли голыя, какъ аскеты въ пустынѣ.

— Почему безжалостна красота? — спросилъ онъ ее, лаская.

Это было ясно для него: рядомъ съ нимъ она была темная, лукавая и безжалостная, эта усталая красота.

— Потому что красота — все, — отвѣтила она, смѣясь.—Потому что міръ идетъ къ красотѣ, и только.

— Міръ идетъ къ тому, чтобы осмыслить самого себя, — сказалъ онъ. — Чтобы быть беззагадочнымъ и прозрачнымъ.

— Ну, развѣ же красота не прозрачна? Развѣ не достаточно красоты для смысла? Одной красоты? Имѣетъ смыслъ то, что красиво, и все!.. Глупый, глупый! Если цвѣтокъ красивъ, зачѣмъ спрашивать, что такое цвѣтокъ?

Глаза у нея лучились бездумные и простые, какъ облака въ небѣ. Это сила что ли была въ нихъ, онъ не зналъ.

— Наскучитъ красота, — сказалъ онъ вдругъ. — Если бы все кругомъ красота, только красота — какъ бы встосковалась душа по безобразію!.. Вѣчно желать того, чего нѣтъ, и бросать, что есть, — вотъ что такое человѣкъ... Но вѣдь это не то. Цѣлую жизнь мы только и дѣлаемъ, что гадаемъ о человѣкѣ, и все не то... Гдѣ предѣлъ человѣку? Богъ что ли? Но вѣдь все знать и всегда знать, какъ Богъ,—тоска-то какая, подумать страшно.

Лицо у него стало, какъ колокольный звонъ, когда тихо, осень, а церковь далеко въ лѣсу, только кресты видно.

Крѣпость сбоку за окнами дыбилась яркая, желтая; тѣни отъ разломанныхъ причудливыхъ башенъ на сѣромъ камнѣ скалы расползлись, какъ голубыя змѣи.

Она была странная, эта крѣпость.

Скала подъ ней стояла оплывшая, какъ опрокинутое тѣсто, и на крѣпчайшихъ скатахъ прилипли кое-гдѣ эти короткіе обломки стѣнъ, изъѣденныя вышки, лопнувшія вдоль и готовыя упасть отъ бури, какіе-то круглые своды подземныхъ казематовъ съ черными пятнами проваловъ.

На самой верхушкѣ скалы стояла круглая башня, должно быть гордая когда-то. Прямо отъ нея внизъ падалъ стремглавъ въ море, какъ отрѣзанный, прямой обрывъ; когда-то давнымъ давно откололась половина горы и свалилась, чтобы круглая башня могла взмахнуть своими стѣнами на обрывѣ.

— Кто ее прилѣпилъ тамъ, къ голой скалѣ? — сказалъ онъ, безпокойно глядя на башню. — И подумать только, что здѣсь, когда была своя звонкая жизнь, выѣзжали изъ воротъ рыцари, закованные въ латы, грабили купцовъ на дорогахъ, въ казематахъ мучили плѣнныхъ, отбивались отъ кого-то, защищали, наконецъ, кого-то... кого защищали?

— Женщину! — сказала она и засмѣялась тихо.

Все лежащая, вся лѣнивая мягкой и зыбкой лѣнью, этой лѣнью широкая и сильная, она обволакивала его суженными глазами, какъ сѣтью.

Онъ вспомнилъ, что слышалъ:

— Сидѣла зачарованная царевна въ башнѣ, — по цѣлымъ днямъ глядѣла въ море... Надѣвала діадему изъ жемчуга, бѣлую мантію изъ бархата, садилась съ утра у окна, свадебно-бѣлая, — глядѣла въ море.

— А ее защищали рыцари въ латахъ, — сказала она.

— А ее защищали рыцари, — повторилъ онъ.

— Ну, развѣ я не знала, что женщину, — развѣ не знала? Всегда ее, и только ее, — а зачѣмъ?.. Зачѣмъ защищаютъ женщину?

Отъ ея смѣха пахло весенними днями, когда нѣжится и млѣетъ на солнцѣ родящая земля.

А море въ просвѣты оконъ подымалось съ горизонта синими полотнами, пронизанными мелкими иглами всплесковъ, и тихо падало снова за горизонтъ.

II.

Среди дня небо было проглочено дымнымъ зноемъ, и уже казалось, что это не горы были тамъ, вдали: такъ, нагородилъ кто-то шаля, какая-то безпокойная дѣтвора, на которую все кричитъ, охая, старая нянька.

Кругловзрытые скаты ихъ, кровавые утромъ, затянулись сизыми пленками, точно раны, начавшія заживать. Круглые дикіе кипарисы на нихъ посѣдѣли и казались разомлѣлыми, сонными, присѣвшими отдохнуть мирными и старыми. Говорили, можетъ быть, шопотомъ между собою, что жарко, напиться бы, и до вечера еще долго.

На голыхъ скалахъ легли четкія тѣни фіолетоваго цвѣта, гдѣ-то жили онѣ въ трещинахъ, — теперь выползли. Это ихъ часъ; полежатъ на камняхъ и проворно спрячутся, когда солнце подымется еще выше. А солнце и не знаетъ, что онѣ, фіолетовыя, украдкой выползаютъ и прячутся.

Горы стояли горячія, какъ выдержанные въ конюшняхъ жеребцы, только что выведенные на поводьяхъ конюхами, когда они подымаются на дыбы, забрасываютъ головы, озираются и пышутъ красными ноздрями. Ребра ихъ чуть замѣтно дымились. Гдѣ-то вдалекѣ, гдѣ, должно быть, былъ лѣсъ на горахъ, ударила вдругъ небрежно, какъ кисть взяла, голубая, яркая кривая полоса съ узкимъ перехватомъ и рваными краями. А прямо надъ скатами, верхушки, плотныя и отлогія, всползли тяжело и вросли крѣпко въ небо.

По синему и широкому въ морѣ прошли складки. Онѣ пришли откуда-то издалека изъ-за горизонта,

или поднялись съ глубины. Въ безвѣтренный и жаркій часъ глазамъ не хотѣлось вѣрить, что есть тамъ, на этомъ молодомъ, простомъ и синемъ морщины. Но онѣ разбрелись еле замѣтно то здѣсь, то тамъ, онѣ повсюду вдругъ дали извилистыя темныя, какъ на стали, полосы и пятна.

Докатилось до береговъ и слабо, точно ударило жирной мохнатой лапой, стукнуло въ камни; потомъ еще и еще такъ же слабо и глухо.

— Мертвая зыбь, — сказалъ онъ ей.

— Мертвая зыбь, — вяло отозвалась она. — Сидѣла царевна въ башнѣ, смотрѣла на мертвую зыбь... Ей не было весело! — усмѣхнулась она.

Теперь они стояли рядомъ, и отъ нея, обвившей его рукою, шелъ какой-то глухой, сѣрый смѣхъ, проходилъ гдѣ-то внутри по ея тѣлу извивами, лучился изъ тонкихъ пальцевъ. Все ея тѣло было какой-то шелестящій притаившійся смѣхъ, и лицо у нея стало, какъ заросшая кустами калитка въ вечернемъ саду, которую запирали сейчасъ изнутри, еще не заперли, еще звякалъ ключъ о замокъ, и вишнями пахло.

— Мы взберемся на крѣпость сейчасъ, — хочешь? — сказалъ онъ вдругъ. — Посмотримъ круглую башню.

— Никогда! — откачнулась она почти въ испугѣ.

— Почему никогда? — не понялъ онъ.

Ноги его заныли, соскучившись по подъемамъ.

— Я никогда не пойду туда, — никогда!.. Зачѣмъ я пойду?

— Зачѣмъ же говорить это съ такою злостью? — удивился онъ. — Не пойдемъ, если не хочешь.

— Мы можемъ пойти туда вечеромъ, — сказала она тихо.

— Но вѣдь ты уже рѣшила раньше, что никогда не пойдешь? — пожалъ онъ плечами.

— Ну и не пойду, если ты этого не хочешь! Не пойду совсѣмъ!

— Да я-то именно и хочу итти!

— Оставь же меня, оставь въ покоѣ! Ты привезъ меня сюда, чтобы мучить? — уже кричала она.

Начиналъ бить внизу неровный глухой прибой, слабый еще, какъ полетъ молодого баклана, когда онъ пробуетъ низко надъ водою свои крылья.

Горы распахнулись, стали всѣ видны и просты. Можно было сосчитать на нихъ всѣ обвалившіяся глыбы, всѣ кипарисы, торчащіе изъ трещинъ.

— Мы никуда не пойдемъ, никуда! — говорилъ онъ ей тревожно. — Это все безсонная ночь, когда мы ѣхали... Ты устала... И такая смѣшная была одна лошадь, пестрая пристяжка... А вороного коренника не было видно. Какъ-то всегда такъ, — когда ѣдешь, видишь только пристяжку, одну пристяжку...

— Можетъ быть, свѣту здѣсь слишкомъ много? — оглядѣлась она. — Ну, да, здѣсь нѣтъ тѣни надъ окнами... Занавѣсокъ нѣтъ... Кажется, что и стѣнъ нѣтъ. Это раздражаетъ... Кажется, у меня голова начинаетъ болѣть отъ солнца...

— Да, мы дождемся вечера, тогда пойдемъ... Вечеромъ здѣсь удивительно, — ты не знаешь! Вечеромъ тутъ кто-то все обливаетъ лиловымъ... Просто, это издыхаетъ солнце, исходитъ кровью, — а у солнца лиловая кровь. Вотъ, тогда посмотри, какой будетъ у всего испуганный видъ!.. И у моря... — глянулъ онъ на море. — Что это за страшная смѣна красокъ!.. Это вѣдь страшно, — такъ много красокъ! Зачѣмъ столько?.. Можно сойти съ ума отъ красокъ!

Лицо у него стало вдругъ страдальческое, тихое, какъ старый деревянный крестъ на одинокой могилѣ близъ дороги.

— Это только ночь! — увѣренно сказала она. — День — это тоже, вѣдь, ночь! Ночь одна; — плавится и остываетъ, плавится и остываетъ... Развѣ мѣняется въ ней хоть одна капля?.. А ночью сидѣла царевна въ башнѣ? — спросила она вдругъ, поднявъ голову, и отвѣтила тутъ же сама: — Конечно, сидѣла. Ночью такъ же, какъ днемъ... Для нея уже не было ни ночи,

ни дня, — просто время было... тянулось, тянулось... Это жениха она ждала? У нея женихъ утонулъ въ морѣ?

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ.

— Ждала жениха съ красными шелковыми парусами на кораблѣ, а онъ утонулъ въ морѣ...

— Старая легенда есть, что съ обрыва отъ самой башни внизъ бросали плѣнныхъ, — припомнилъ онъ, — а царевна смѣялась, глядя, какъ они летѣли въ море, и хлопала въ ладоши... въ такія, должно быть, маленькія бѣлыя ладоши.

— Этого не было! — сказала она.

— Почему не было? — спросилъ онъ. — Могло быть.

— Не было, потому что это не нужно... Или его потопили въ морѣ? Она мстила?... Тогда это было. Царевна смотрѣла и хлопала въ ладоши.

— Передъ тѣмъ, какъ бросить внизъ, ихъ мучили въ казематахъ... Передъ тѣмъ, какъ полетѣть внизъ, они вскрикивали всѣ такъ: «А-а!» а наверху уперли руки въ колѣна и слѣдятъ за ними... Я не знаю, что было страшнѣе: летѣть внизъ со скалы, или стоять на скалѣ, руки въ колѣна... Что страшнѣе?

— Я не хочу прошлаго! — вдругъ отмахнулась она рукой. — Ничего нѣтъ, ничего никогда не было!.. Только мы двое были всегда, да и мы недавно родились!

— Хорошо... Никого нѣтъ и не было... Мы только двое были и есть... и будемъ, — сказалъ онъ, чуть усмѣхнувшись.

— Ты не умѣешь смѣяться, заглянула она ему въ глаза. — Смѣйся! Ну, засмѣйся же такъ, чтобы было весело! Чтобы мнѣ было весело!

И глядя на него широко и тревожно, она видѣла, какъ пробовалъ онъ засмѣяться и не могъ, только улыбнулся длинно и неясно и пожалъ плечами.

Потянули орлы надъ ближней голой горой. Одинъ за другимъ шесть въ рядъ, медленные, важные, плыли и клектали гортанью. Клекотъ былъ сытый и тяжелый, точно весь изъ огромныхъ крыльевъ и когтей.

Расползлись въ небѣ облака, — бѣлыя мысли горъ, ненужныя тѣмъ, кто родитъ ихъ тысячи тысячъ.

Горы придвинулись, стали рѣзки и четки. Каждая пядь ихъ была временемъ густо уписанная скрижаль. Чуялось, — оно рѣетъ надъ ними здѣсь все цѣликомъ, это время, и оттого небо кажется такимъ глубокимъ, чтобы было гдѣ помѣститься милліонамъ лѣтъ.

А можетъ быть, что-нибудь ползло отъ нихъ и подъ землею неглубоко и мягко, такъ что чуть шевелились глыбы?

— Душно мнѣ, — сказала она тоскливо: — закрой окна!

— Окна? — переспросилъ онъ.

— Закрой, закрой!.. Чтобы день... чтобы меньше дня... Двигается. Растетъ... Но вѣдь это обманъ,— вѣдь все и всегда на томъ же мѣстѣ... А правда,— вечеромъ будетъ казаться, что все уходитъ?..

Онъ подумалъ. Онъ закрывалъ окна, и уже начиналъ выдвигаться изъ угловъ запахъ дома, долго стоявшаго запертымъ и глухимъ. Изъ какихъ-то невидныхъ щелей въ каменныхъ стѣнахъ, изъ подполья, изъ вѣчной и узенькой темноты такой вороватой и гадкой уже выходило что-то привычное и начинало заползать въ свои мѣста.

— Я пойду одинъ, — сказалъ онъ упрямо.

— Одинъ? Куда? — У нея были смѣющіеся глаза, какіе должны быть у хищныхъ птицъ, когда онѣ ловятъ на лету добычу. — Ты никуда не уйдешь одинъ!

Она положила руки ему на плечи. Руки эти показались ему тяжелыми и пряными, какъ запахъ бѣлыхъ акацій.

— Я закрою ставни... будетъ темно, прохладно, и ты уснешь, — говорилъ онъ несмѣло. — У тебя будутъ цвѣты съ горъ, когда ты проснешься.

— Ты думаешь, что ты уйдешь! — изумилась она.— Думаешь, что можешь уйти! — Она смѣялась покатыми плечами, руномъ волосъ, всѣмъ тѣломъ. — Горы вѣдь не цвѣтутъ такъ, чтобы сорвать съ нихъ цвѣты... Или

ты можешь? Сдѣлай черными горы! Ну, сдѣлай!.. Или бѣлыми... Хорошо, когда горы бѣлыя, какъ на свадьбѣ!.. — Она закрыла глаза. — Тогда будетъ казаться, что онѣ танцуютъ... танцуютъ... просто танцуютъ какой-то старенькій танецъ... И пусть танцуютъ!

— Теперь лѣто, — сказалъ онъ устало, — но цвѣты еще есть, — только тамъ, выше... Можетъ быть, тамъ еще фіалки есть...

— Завянутъ, пока ты ихъ принесешь, а главное, главное, что они мнѣ не нужны, и ты вѣдь не пойдешь за ними, — улыбнулась она, и добавила вдругъ: — Зимою здѣсь вѣтеръ дуетъ сквозь стѣны.

— Здѣсь? Черезъ эти толстыя стѣны? Что ты!

— Да, да... Зимою здѣсь страшно дуетъ съ горъ, вѣдь правда?

— Это пріятно, когда дуетъ вѣтеръ... Только стѣны все таки толсты.

— Сквозь окна.

— Въ той стѣнѣ нѣтъ оконъ, откуда дуетъ.

— Когда-нибудь домъ сползетъ внизъ въ море, весь, со всѣми окнами и стѣнами.

— Это если скала упадетъ въ море,—вся скала,— только она прочная, не сползетъ... А черезъ двѣсти, черезъ триста лѣтъ кому это будетъ нужно, сползетъ или не сползетъ вмѣстѣ со скалой дача?..—Пусть сползетъ.

— Подъ поломъ тутъ, навѣрно, крысы...

— Полъ тутъ прямо на камнѣ, вплотную.

— Надъ потолкомъ крысы...

— Крысамъ здѣсь нечего дѣлать... И откуда онѣ зайдутъ сюда?—Пусто кругомъ.

— Здѣсь онѣ издохли бы отъ скуки, — правда, правда... Здѣсь онѣ выходили бы на балконъ, садились бы на перила, смотрѣли бы на твои горы и на море, какъ царевна въ башнѣ, потомъ издыхали бы ночью, по одной въ ночь... А когда осталось бы ихъ только двѣ, то одна съѣла бы другую, непремѣнно бы съѣла, и потомъ бы ужъ издохла сама.

— Зачѣмъ бы съѣла? — Онъ уже смотрѣлъ на нее, чуть улыбаясь, недовѣрчивый къ тому, что зналъ о ней.

— Развѣ люди не ѣдятъ людей отъ скуки? Развѣ не скука все? Все? Все?

Показалось ему, что тамъ, гдѣ она стояла,—кладбище,—на одно мгновеніе только показалось, что это длинное пустое кладбище, и на немъ ни дерева, ни красивой рѣзной ограды,—ничего: простые, бѣлые кресты и могилы.

Горы стали синѣть сквозной синевою, точно были всѣ изъ ломкаго весенняго льда, прибитаго огромнымъ ледоходомъ, или въ какомъ-то одномъ сплошномъ, льющемся внизъ темномъ сіяньи. Не всѣ, — дальнія. Ближнія были въ жмурыхъ мягкихъ рѣсницахъ, обнявшихъ ихъ отъ вершинъ до подошвъ. Подъ такими рѣсницами не видно, какого цвѣта глаза: сѣрые, каріе, голубые, — видно только, что они устали смотрѣть.

Скаты стали нѣжно-лиловые, точно пухъ выросъ на нихъ за эти часы. Полынь пучками разсѣялась всюду, и отъ нея скаты были похожи на лапы съ присосками, тихо ползущія внизъ.

Море кто-то вспахалъ кривыми бороздами; стало оно сѣрое, дымное. Въ борозды кто-то посѣялъ ненасытную тягу къ берегу,—тягу бездумную, тоскливую, злобную. Жутко было смотрѣть, какъ перекатывались волны съ самаго горизонта, какъ онѣ медленно, но упорно, тяжело качаясь, шли къ берегу, какъ богомолки съ котомками за плечами, шли за сотни верстъ только за тѣмъ, чтобы глухо удариться о жесткіе камни, разбиться въ бѣлыя брызги и пѣну и отпрянуть. Но вѣдь глубина подъ ними все такъ же была тиха, какъ была тысячи лѣтъ назадъ, все такъ же самодовольна и темна и безучастна къ тому, что творится подъ солнцемъ.

— Вотъ ты и не пошелъ никуда,—ты видишь? Ты сидишь здѣсь со мною... Почему? — спросила она, скользя по немъ глазами.

Онъ смотрѣлъ на нее, снова другую, не хотѣлъ говорить, но сказалъ, потому что она ждала отвѣта: она была теперь, какъ верхушки тополей передъ утромъ.

— Ты говорила со мной о томъ, что я сдѣлалъ,—объ этой дачѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь я говорила это такъ,—засмѣялась она.—Бѣлая дача... развѣ она лучше горъ? Развѣ ты не потерялъ горы, когда сказалъ въ первый разъ: вотъ *моя* дача?... Отъ вѣтра у тебя глухая, толстая стѣна,—вѣдь такъ, вѣдь такъ!... Развѣ изъ-за этой стѣны видны горы?

— Это не то,—пожалъ онъ плечами.—Ты говоришь о себѣ,—причемъ тутъ я? Я строилъ дачу затѣмъ, чтобы ты могла отдохнуть здѣсь въ прохладѣ, когда жарко, въ темнотѣ, когда день, въ тишинѣ, когда вѣтеръ... Это для тебя строилъ я дачу.

— Ты говоришь такъ просто и здраво,—такъ сказалъ бы всякій... Это страшно. Ты не чувствуешь, что это страшно?

Она глядѣла на него съ испугомъ. Испуга этого гдѣ-то въ ней внутри было неисчислимо много, а къ глазамъ онъ приплывалъ круглыми волнами, и отъ него они ширились, тускнѣли, становились какъ два лѣсныя озера ночью, когда луна, бездорожье, и лѣсъ молчитъ.

— Я не знаю, что нужно сказать тебѣ,—отозвалась она. — У тебя цвѣтная душа.

— А царица изъ башни ходила въ горы?—спросила она.

— Царевна?—Не знаю.

— Ты долженъ былъ придумать, если не знаешь. Долженъ былъ придумать сейчасъ-же, здѣсь... Развѣ можно знать? Что-нибудь знать?... Царевна не ходила въ горы!

— Почему?

— Она смотрѣла на нихъ изъ башни... Вотъ онѣ, горы! Развѣ можно ихъ назвать какъ-нибудь? Вѣдь нѣтъ для этого словъ! Скажи, что онѣ въ восторгѣ,—не то! Скажи, что онѣ важны, какъ цари на тронахъ,—не то; что онѣ—застывшая радуга, такая замороженная, плотная,—не то... Нѣтъ словъ. А взойди на нихъ,—голый камень и холодъ... Вѣдь тамъ холодно наверху?

— Холодно,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ зачѣмъ бы пошла туда царевна,—съ холодомъ, со своимъ холодомъ?...

Горы вздохнули.

Навстрѣчу прибою легкій и упругій потянулъ вѣтеръ. Видно было, какъ онъ, невидимкою, встряхивалъ разомлѣлые отъ зноя кусты, и они мѣшкотно и неловко кланялись морю, такіе маленькіе такому большому. Видно было, какъ сразу обдало волны серебристой пылью, какъ онѣ растрепались, эти старыя богомолки, стали совсѣмъ простоволосыя, сѣденькія, но упорно все таки шли къ берегу, одна за другою. Вѣтеръ легонько задерживалъ ихъ всѣхъ, можетъ быть, кричалъ имъ ретиво: «Эй! Осади назадъ!» но онѣ все шли, нагнувъ головы и упираясь, и подходили, и съ разгону шумно бросались на камни, чтобы забыться... и сползали опять на дно, а на ихъ мѣсто шли новыя, новыя.

Вся ушедшая глазами въ горы, она стояла у окна, полнозвучная и нѣмая. Горы были передъ нею прямо, и справа и слѣва. Стояли, какъ огромные рыцари въ высокихъ шлемахъ, стерегущіе всѣ проходы. Были гдѣ-то извилистыя горныя тропинки,—тонкія тропинки надъ пропастями,—ихъ стерегли; были гдѣ-то странныя, сумеречныя сказки тамъ за горами,—ихъ стерегли; былъ гдѣ-то простой и мирный кругъ, гдѣ къ землѣ приникало всею грудью небо,—его спрятали куда-то въ пещеры и стерегли.

Вотъ она откачнулась, какъ вѣтка, стряхнувшая съ себя ночную росу.

— Я не могу здѣсь,—сказала она тихо.

— Что съ тобою?—встревожился онъ.

— Я не могу здѣсь!...—Что онѣ придвинулись отовсюду?... Раздавить меня?... Гдѣ выходъ? Ну?... Есть выходъ?... Гдѣ земля? Совсѣмъ, совсѣмъ ровная земля?... Кругомъ этотъ проклятый камень... Живой вѣдь онъ,—ты не слышишь? Движется!

— Это море шумитъ... Прибой.

— Камень движется, а не море!... Горы!... Тюрьма растетъ!...

За окнами былъ тотъ странный часъ, когда нѣтъ уже дня и не пришелъ еще вечеръ, и вся полная имъ, этимъ часомъ, она дрожала, какъ струна, которую дернули грубо, пробуя звукъ.

III.

Послѣ заката солнца, когда ярко загорѣлось и быстро сгорѣло небо справа, облака стали сырыя, вязкія, похожія на грязно-розовые дешевые цвѣты въ некрасивыхъ, линюче-синихъ вазахъ.

Горы стали сплошныя, всѣ завѣшенныя дымчато-лиловымъ, и четко проступили на небѣ ихъ очертанія, невидныя днемъ, точно что-то въ нихъ было заворожено днемъ, и ночь, подходя, снимала чары.

Большая плоская гора налѣво стала похожа на дикаго кабана, по брюхо вошедшаго въ воду; горы направо слились въ одно длинное чудовище съ шишками на спинѣ и съ плоской, тяжело-думающей головою, точно откуда-то подползло, наглоталось соленой воды и отдыхало, еще не разобравъ, что вода соленая; отрыгнетъ ее и опять будетъ глотать, и заснетъ тутъ до утра, лѣнивое искать гдѣ-нибудь еще другую воду.

Одна гора была, какъ терпѣливый сфинксъ: легъ надъ самой водою и смотрѣлъ, не покажется ли гдѣ-нибудь въ морѣ что-нибудь такое, чего онъ никогда не видалъ.

Море было, какъ расплавленный и уже остывающій свинецъ, такое же тяжелое и мутное на видъ, и еще ниже стало, точно упало въ новую глубину, но и оттуда все также и еще сильнѣе било въ камни, какъ тараномъ въ крѣпостныя ворота.

А крѣпость совсѣмъ прижалась къ скалѣ башнями: вросла въ нее на ночь.

Въ бѣлой дачѣ стемнѣло, и зажгли вверху подъ потолкомъ свѣчу въ цвѣтномъ фонарикѣ.

Небольшой узорчатый фонарикъ отсѣкъ отъ оконъ наступавшую ночь, и все кругомъ, — и горы, и море, и небо, — обратилъ въ одну эту комнату съ тихими стѣнами, неясной мыслью и ожиданіемъ по угламъ. Точно съ потолка внизъ глядѣлъ кто-то, свой, давно знакомый, глядѣлъ ласково и увѣренно и гладилъ по щекамъ глазами.

Они двое сидѣли рядомъ, слушали прибой внизу и свои мысли.

— Такъ прошелъ день, — сказалъ онъ, — и мы никуда не вышли изъ дому... Я начинаю ненавидѣть свою дачу.

Въ узкой комнатѣ, обрѣзанной ночникомъ, слова стали казаться шире и гуще; каждое слово долго круглилось и медленно вбиралось въ мозгъ.

— Здѣсь теперь такъ пусто кругомъ, мертво кругомъ... — сказала она. — Ночью и орлы спятъ.

— Здѣсь теперь только мы двое! — ударилъ онъ по словамъ, какъ по лѣнивой клячѣ. — На цѣлыя версты кругомъ только мы двое.

— Мы всегда были двое... Ты забылъ это? Смѣйся, чтобы было весело! — запросила она. — Ну, смѣйся же, — я буду слушать!

Она стала вся напряженная, смутная, какъ ночной шорохъ за дверью, когда неизвѣстно, зачѣмъ идутъ, — взять или отдаться.

— Я не умѣю смѣяться, — отозвался онъ. — Вѣдь ты это сама знаешь уже, что я не умѣю смѣяться.

— Я тебя ненавижу за это! — сказала она тихо. — Что-то стережетъ кругомъ, что-то сдвинулось, — ты

вѣдь слышишь?... Что-то подошло къ окнамъ, — какое огромное, какое огромное, — ты не видишь? Смѣяться нужно, чтобы забыть, а мы даже забыли, какъ смѣются... Развѣ мы уже не давно живемъ, мы, двое нищихъ?

— Мы молоды! — отмахнулся рукою онъ.

— Двое обворованныхъ жизнью старыхъ нищихъ!

— И богаты!

— Уйди отъ меня! Я тебя ненавижу! — крикнула она.

— Меня?... Да вѣдь никого нѣтъ кругомъ, только я съ тобою, — несмѣло придвинулся онъ.

— Все равно... Я буду одна.

— Почему?

— Я тебя ненавижу!

— Да вѣдь мы одни! — сказалъ онъ съ испугомъ въ глазахъ. — Въ цѣломъ мірѣ одни: ты и я, — двое... Куда же я пойду отъ тебя? Къ кому?

Это былъ только испугъ, когда онъ схватилъ ея руку и сжалъ, — это была только дрожь.

Море стучало внизу, бросаясь въ берегъ.

Въ темнотѣ оно казалось еще болѣе яростнымъ и шумнымъ, чѣмъ днемъ. Оно было одно — живое; можетъ быть, оно вздувалось, росло, — можетъ быть, отъ него дрожали стѣны.

— Пусти, я тебя ненавижу! — задыхалась она.

— Громче кричи! — просилъ ее онъ. — Кричи громче, потому что никого нѣтъ кругомъ.

И давилъ ея руку. Потомъ онъ захватилъ ее всю, и они кружились по комнатѣ, какъ двое бѣсноватыхъ слѣпыхъ, натыкались на мебель, задыхались. Желтый фонарикъ сверху косился на нихъ, прищурясь, какъ желтый кошачій глазъ, который уже все видѣлъ, все знаетъ, которому все равно.

— Я тебя ненавижу! — глухо кричала она.

— Но вѣдь мы только двое... Я и ты! Только двое! — испуганно говорилъ онъ. — Можетъ быть, ничего нѣтъ, цѣлаго міра, можетъ быть, нѣтъ, — только мы!

— Третье есть! — крикнула она.

— Насиліе!... Отвѣть, почему, гдѣ двое, тамъ насиліе?

Какіе странные глаза у нея стали, какъ буреломъ, въ которомъ ютятся сѣрыя змѣи съ тупыми круглыми головами, ужи съ ошейниками изъ янтарей, еще что-то тонкое, ползучее.

Онъ ея никогда не зналъ, — новая. Стоитъ около запертая, вся въ желтомъ невѣрномъ свѣтѣ, смотритъ прямо въ лицо и жалитъ глазами.

Это у нея вышло просто и страшно, когда она нагнулась къ нему близко-близко, обвила тяжелыми руками шею и спросила:

— Ты кто?

Тихо спросила, какъ тихо растетъ трава по ночамъ, и ждала. Ждала мгновеніе, но показалось, что тѣсно, что страшно долго росла тѣснота, гдѣ-то въ провалахъ, и вышла отовсюду сразу плотно и близко, какъ гробъ.

Вотъ ея лицо; онъ никогда не видѣлъ его такимъ горящимъ: все, что накопилось, — горѣло. Костеръ изъ дѣтства и мудрой старости, изъ ширины и опавшихъ листьевъ, — все столпилось въ кругу лица и горитъ.

Прибоя внизу не было, гудѣлъ набатъ. Будилъ пережитое, и вотъ оно уже вставало въ немъ горою, видное до конца. И показалось такъ ясно вдругъ, что она — тоже растетъ и чувствуетъ, что растетъ онъ, видитъ, что его лицо тоже горитъ, слышитъ, что прибой — набатъ.

— Ты — чужой, чужой, чужой! — быстро шептала она, задыхаясь. — Скажи, что я — слабая, — это ты о себѣ скажешь, что ты силенъ; скажи, что я узкая, — это ты о себѣ скажешь, что ты широкъ... О себѣ, только о себѣ!.. Ты... Я... Отчего у тебя желтые вихри въ глазахъ?.. Зачѣмъ насъ двое?

И оттолкнувъ его, стала передъ нимъ, яркая, тонкая, какъ свистъ въ темнотѣ:

— Какъ я тебя ненавижу!

Не было того, что было кругомъ. Двое стояли близко, какъ двѣ стѣны, прямыхъ и высокихъ, на которыхъ чернѣли старыя надписи, потерявшія смыслъ,

слинявшія отъ дождей и солнца. Двое переплелись глазами, острыми и тугими, какъ бичи, и казалось обоимъ, что за каждымъ уголъ въ огромное, а они въ вершинахъ.

И чего-то маленькаго теплаго стало нестерпимо жаль ему, точно какую-то мелкую козявку спокойно и сыто мучили на его глазахъ: обрывали крылышки, выдергивали ножки, кололи насквозь въ разныхъ мѣстахъ чѣмъ-то тупымъ, плохо лѣзущимъ въ тѣло; потомъ бросали и давили ногой, такъ что ничего уже не осталось отъ того, что летало, ползало, пило росу на листьяхъ.

— Я когда-то вѣрилъ, — заговорилъ онъ, — когда это? — что есть солнце... Вѣдь нѣтъ солнца! Я теперь это чувствую, что нѣтъ... Было еще небо какое-то, — и неба нѣтъ... Но они были! Вѣдь ты не скажешь, что ихъ не было, — были!

— Это я не хотѣла, чтобы были солнце и небо... зачѣмъ они?.. Это я не хотѣла! — вдругъ медленно сказала она.

— Тебѣ не нужны ни солнце, ни небо... ты страшная, — знаешь ты это?.. Ты сѣрая и страшная, — вглядѣлся въ нее онъ. — Я теперь только вижу, что это правда: для тебя нѣтъ солнца!

— И дня нѣтъ! — добавила она, встряхнувъ головою. — Ни солнца, ни неба, ни дня.

— Ночь? — спросилъ онъ несмѣло.

— Ночь, — отвѣтила она.

Она стояла въ ночи ночь, открыто чужая, полная тѣмъ, что въ сторонѣ, внизу, за какою-то гранью. Нельзя было различить, — кто, но ясно было, — въ сторонѣ внизу, за гранью.

— Но вѣдь ты — живая, теплая! — Точно боясь уже и не вѣря тому, что зналъ о ней, онъ взялъ ее поперекъ тѣла, поднялъ и долго смотрѣлъ на нее тамъ, надъ собой, и долго вбиралъ ея теплоту и мягкую дрожь, точно держалъ въ рукахъ какой-то сгустокъ ночи, но ночи іюльской, надолго разогрѣтой днемъ.

— Если я задушу тебя сейчасъ, что будетъ?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Меня? — спросила она, смѣясь. — Нѣтъ, не задушишь!

— Никого нѣтъ кругомъ... Тѣло твое я брошу потомъ въ море.

— Нѣтъ! не бросишь!

— Не брошу, правда... Его прибьетъ опять къ берегу... Не брошу... Я его отнесу и зарою въ землю, гдѣ-нибудь дальше отъ дачи... Зарою, сравняю землю и забуду.

— Нѣтъ, — говорила она спокойно.

— Никого нѣтъ кругомъ, — шепталъ онъ, точно свѣтилъ далекій маякъ въ темнотѣ. — Никого ни прежде, ни послѣ... Мы вѣдь только двое, правда — вѣдь только двое?.. Я боюсь тебя живую,—ты знаешь? И умерщвлять тебя я буду долго-долго, чтобы видѣть это и узнать, что тебя уже нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ...

Теплая и тонкая въ его рукахъ, она смѣялась, точно сыпала пригоршнями надоѣвшее богатство, тяжелое, когда оно не нужно.

— Ты смѣшной!.. Вѣдь этого не будетъ... Ты самъ знаешь, что этого не будетъ.

Все кругомъ было полно прибоемъ, какъ голова зубною болью. Откуда-то снизу, точно черезъ скалу и полъ, входилъ густой хохочущій шумъ и кувыркался и плясалъ въ комнатахъ. Казалось временами, что нѣтъ уже ничего кругомъ, — ни горъ, ни моря, — только этотъ шумъ, раскидистый и махровый, отбѣгающій и снова близкій. Ихъ двое и шумъ кругомъ.

— Я хочу, чтобы ты была нагая!—сказалъ онъ вдругъ.

— Никогда! — вскрикнула она.

Онъ еще держалъ ее надъ собою, дышалъ ею, но уже видѣлъ, какъ передъ нимъ встаетъ что-то ослѣпительно-пѣнное.

— Я хочу, чтобы ты была нагая, — чтобы ничего между тобой и мной!.. Что-то есть, — прошлое? будущее?.. Отчего я тебя не знаю?

Слова вырывались сухія, какъ луга въ сѣнокосъ.

— Ты ушла отъ меня во что-то, и я тебя не вижу,— не вижу тебя, и это страшно, — въ испугѣ говорилъ онъ. — Пойми! Насъ только двое, — мы рядомъ, и я не вижу!.. Если бы ты была въ каменномъ столбѣ, и я слышалъ бы изъ него только твой голосъ, я разбилъ бы камень, — но вѣдь ты вотъ гдѣ, рядомъ...

Она смотрѣла ему прямо въ глаза, наклонившись, и крѣпко-крѣпко, почти нерасторжимо крѣпко сжала потокомъ глазъ. Душили цвѣтныя полосы насмѣшки и жалости, любви и злобы, ласки вечернихъ левкоевъ въ саду и въ лѣтнюю засуху черныя извилины земныхъ трещинъ, какъ сѣть подъ ногами.

Въ тѣснотѣ между разбросанной мебелью, въ желтыхъ лучахъ фонарика, въ хрипломъ рычаніи, какъ двое изступленныхъ, они боролись, и онъ рвалъ съ нея платье и надъ ея крикомъ смѣялся, душный какъ подземелье:

— Кричи громче!.. Ну, кричи же громче; никого нѣтъ кругомъ!

У него лицо теперь было острое и сжатое, какъ лезвіе. У ядовитыхъ змѣй, когда онѣ готовы кинуться на добычу, которая уже никуда не уйдетъ отъ нихъ, должны быть такія же любопытныя лица.

У нея лицо стало, какъ хриплый крикъ, и когда они встрѣчались близко, оба лица, вспыхивала злоба, какъ искра отъ удара подковы о камень.

Росъ прибой внизу. Подымалась что-то безумное и проклятое, глубина, навсегда скованная дномъ, искала новаго дна вверху. Пѣнными руками цѣплялась за скалы, ревѣла, падая на дно, и опять вставала, и выла, и волокла съ собою круглые камни, чтобы тутъ же звонко швырнуть ихъ полными горстями въ берегъ.

И казалось, что отъ прибоя дрожитъ не эта скала внизу, а тѣ, далекія, горы, какъ упитанные монахи, и

горы, какъ аскеты въ пустынѣ, — самыя дальнія, высокія и голыя.

Она стояла передъ нимъ тяжело дышащая, нагая. Не видно было, свѣтитъ ли фонарикъ: глаза ея были нестерпимо ярки, и фонарикъ потонулъ въ нихъ, въ этомъ вызовѣ, презрѣніи и злобѣ, въ наготѣ злобы.

Можетъ быть, торжествующая стояла она и гордая, оттого что нагая?

Ему казалось, что трещатъ и рушатся башни, что звѣзды падаютъ въ черноту, что гдѣ-то надъ длинными полями подымается бѣлый, теплый, весенній, утренній паръ отъ земли родящей.

— Вотъ я... нагая! — звонко говорила она. — Но дотронуться до меня ты не смѣешь, — не смѣешь тронуть!

— Почему не смѣю? — спросилъ онъ, просто откликнулся на смутный шумъ ея словъ, безъ мысли спросить.

— Я убью тебя, если ты меня тронешь!

— Какъ убьешь?

Какъ она можетъ убить, — она, вся какъ въ сіяніи нагая? Оплотнѣетъ ли небо, чтобы засверкалъ въ немъ полетъ безъ крыльевъ?

— Я тебя убью, если дотронешься!..

Внизу подъ скалою глухой плачъ или ревъ безъ смысла, хохотъ и слезы, сверканіе волнъ и хлопья бѣшеной пѣны, холодъ и бѣлизна, — огромное, какое огромное и безъ смысла! Раскачалось и бьется въ берегъ... А дно его?.. Какъ заглянуть на дно?

И въ дрожавшихъ рукахъ его билась она, нагая, въ крѣпкихъ, какъ изъ камня, рукахъ тонула она вся, какъ онъ тонулъ въ ея холодномъ — горячемъ тѣлѣ.

Откуда-то всплывала кровавая, какъ рана въ небѣ, луна, гдѣ-то звѣзды мрѣли, гдѣ-то рождались новые міры, гдѣ-то гасли...

Къ окнамъ бѣлой дачи со всѣхъ сторонъ прихлынула безконечность и смотрѣла.

IV.

Посеребрѣла ночь. Крѣпостныя башни стали четки. Отвѣсы стѣнъ съ ямами пробоинъ и ворота, какъ уродливо сработанныя висѣлицы, ожили вдругъ. Крѣпость точно впилась въ небо изъѣденными зубами и смѣялась, — казалось, что смѣялась беззвучнымъ стариковскимъ смѣхомъ о томъ, что на ней застыло время, что никогда никто не проснется изъ тѣхъ, что въ ней, внутри, что далеко видно кругомъ, и было и будетъ видно.

Крѣпость была увѣренная въ себѣ, какъ могила, и потому страшная. Поднялось изъ нея прошлое, шумное, мрачное и пестрое, какъ пьяная шутиха на старинной свадьбѣ.

Ночь просторнѣе дня, — она вмѣщала призраки. Она выталкивала ихъ изъ какихъ-то ей одной знакомыхъ трещинъ, нашептывала имъ давно забытое, обрывала съ нихъ паутину времени, наряжала ихъ, какъ заботливая мать дѣтей на праздникъ. И они входили въ бѣлую дачу, гдѣ свѣтъ отъ фонарика былъ рѣдкій, весь пронизанный иголками темноты, шептались, толкали другъ друга, безплотные и невидные, но слышные, слышнѣе прибоя внизу и вѣтра съ горъ.

— Это все чужое кругомъ, — говорилъ онъ ей съ тревогой. — Вдумайся только въ это: до послѣдней звѣзды, отъ былинки до послѣдней звѣзды — все другое, чужое.

— Я говорила, что убью тебя, — шепнула она злорадно.

— Не ты!.. Почему такъ малъ человѣкъ, который больше всего? Почему такая страшная тяжесть быть человѣкомъ?.. Скажи, если можешь... Но вѣдь ты не скажешь!.. Кто ты?.. Скажи хоть одно это: кто ты?

— Я говорила, что убью тебя! — смѣялась она радостно и подносила къ его глазамъ свои глаза, такіе

новые теперь, какъ сиреневый кустъ, на которомъ выросли сѣрыя ящерицы вмѣсто цвѣтовъ и листьевъ.

Какая старая-старая ночь столпилась за окнами, какъ всѣ ночи, которыя были, какъ всѣ, которыя будутъ! Море внизу стало — одинъ сплошной гулъ, въ которомъ уже нельзя было различить ударовъ: одна пѣна и брызги и длинные круглые валы одинъ за другимъ, одинъ за другимъ, безъ смѣны.

Горы расплылись въ небѣ, растворились въ немъ, ощупью ища новыхъ высотъ и падая, какъ огромныя сѣрыя слѣпыя птицы, неувѣренныя въ полетѣ. Горы совсѣмъ потеряли тяжесть; онѣ уже слышны были за спиною въ двухъ шагахъ, точно густою ратью издалека, самыя дальнія, собрались смутныя и робкія къ морю.

Въ бѣлой дачѣ въ узорчатомъ фонарикѣ догорала свѣча. Свѣтъ сталъ боязливый, влажный, точно темноты слишкомъ много надвинулось со всѣхъ сторонъ, и ему уже больно было бороться съ нею и онъ прятался какъ дворовая собаченка въ подворотню отъ уличныхъ камней и палокъ.

Они двое чутко слушали одинъ другого, новые, какъ новая была ночь.

— Мы — двое маленькихъ-маленькихъ, — тихо говорилъ онъ ей. — Чьи-то челюсти все жуютъ... Мы не живемъ, должно быть... Мы просто сухое сѣно для этихъ челюстей, а живетъ... что-то другое живетъ.

— Если бы знать, что! — подсказала она ему, чуть смѣясь.

— Да, если бы знать! — не понялъ онъ. — Если бы знать, — чьи это челюсти тебя жуютъ? Для какой другой жизни ты сѣно?

— Я вѣдь сказала, что убью тебя! — шептала она, торжествуя. — Я убила, убила! — наклонялась она къ нему и хлопала въ ладоши.

— Не ты!.. Земля... земля создана такъ, что на ней нельзя строить! — Онъ готовъ былъ кричать, весь разбуженный до послѣдняго волоса на кожѣ, весь раздавленный, какъ попавшій подъ обваломъ можжевельникъ. — Я вѣдь ненавижу свою бѣлую дачу, давно ненавижу, и эту старую, подлую нищую крѣпость, — всѣ эти звѣриные шаги по землѣ, — я ихъ давно ненавижу!.. Развѣ есть на землѣ выше и ниже?.. Жуютъ жвачку челюсти, — а поднялъ ли новое солнце надъ землей, или гвоздикъ вбилъ въ заброшенную деревяшку, — все только сѣно для этой жвачки!

— Ты повѣрилъ, повѣрилъ! — хохоча кричала она и изступленно хлопала въ ладоши.

Погасъ фонарикъ. Теперь уже не было бѣлой дачи. Была сквозная темная ночь, и впереди, внизу, утихая кипѣло море, а сзади чуялись горы. Теперь уже ясно было, что они рядомъ, и что это къ горамъ стучится море, къ морю просятся горы, — вѣчно рядомъ и вѣчно одни.

Тѣло ея чуть свѣтилось.

Онъ обвивалъ его руками бережно, какъ обвиваетъ хмѣль ограду.

— Въ цѣломъ мірѣ мы только двое, — испуганно говорилъ онъ. — Если ты не поймешь, кто же пойметъ?

— Но я не пойму, — насмѣшливо говорила она.

— Поймешь, — увѣрялъ онъ. — Если не поймешь даже, скажи, что поняла, — легче будетъ... Но ты поймешь, потому что какъ не понять?.. Это было самое великое, что было на землѣ: строили Вавилонъ...

— Этого не было, — перебила она.

— Должно было быть, иначе не за что уважать человѣка!.. Строили Вавилонъ, — башню, высотою до неба...

— Этого не было, — снова перебила она.

— Клали послѣдніе камни... Ночь была... Смоляные факелы горѣли на улицахъ... Все, что было живого

въ домахъ, вышло тогда на улицы и ждало. Принесли больныхъ и умирающихъ, едва рожденныхъ и еще только готовыхъ родиться... всѣ ждали, когда кончатъ строить. Многіе, можетъ быть, цѣлую жизнь ждали, многіе только и жили ради этого, зубами, ногтями цѣплялись за жизнь, только бы дожить, — и вотъ кончаютъ: — въ эту ночь кончатъ... Башни не видно, темно... Тамъ, гдѣ строятъ, должны горѣть огни и горятъ, но вѣдь это на такой высотѣ, что нельзя различить, гдѣ огни, гдѣ звѣзды...

— Я не могу понять, не могу! — упорно кричала она, отмахиваясь руками.

— Нужно вглядѣться въ темноту, — шепталъ онъ, — нужно забыться, — и... Вавилонъ строятъ. Люди, — какъ одно тысячеголовое... Давка, рычатъ, какъ звѣри... Отъ нетерпѣнія кого-то убиваютъ по закоулкамъ... Кто-то страшно кричитъ передъ смертью... Везутъ еще какой-то ненужный уже камень... Хлопаютъ бичи, скрипятъ колеса... Цѣпи лязгаютъ... Всѣ смотрятъ вверхъ, — что тамъ? Вверху таинственно, а внизу страшно. Внизу дрожь напряженія, когда зубы сами тянутся къ чужому горлу... Можетъ быть, ждать-то великаго тяжелѣе еще, чѣмъ его творить, — кто знаетъ?

— Этого не было!... Этого ничего вѣдь не было! Ты смѣшной!—смѣялась она.

— Это есть, — поспѣшно говорилъ онъ. — Опять камни везутъ, еще тесаные камни... бичи хлопаютъ, факелы колыхаютъ наискось языками... Крики. Сплошной крикъ, точно огромный нарывъ нарываетъ, и можетъ быть, нельзя уже больше ждать, можетъ быть, если дальше ждать, то совершится что-то, для чего уже нѣтъ человѣческаго суда, потому что больше и не можетъ уже вмѣстить человѣкъ... И вдругъ сигналъ, что окончена башня, что достроили, свели вѣнецъ... Какія-то ожерелья изъ звѣздъ бросили внизъ, — уже небо грабятъ! И внизу взрывъ,—такой, какъ будто улицы поднялись и бросились кверху,—все бросилось: люди, камни, факелы... И все это только одинъ моментъ, а потомъ вся земля гуломъ гудитъ въ пропасть!.. Трескъ, вой,—и тихо... Только одно небо и ночь. Широчайшая ночь. Звѣзды... И кто-то вверху, видный только до пояса, говоритъ внятно: «Развѣ можетъ выдержать земля Вавилонъ достроенный?...»

И ему еще чудились и факелы на улицахъ, и запахъ смолы, и толпа, которой нѣтъ счета, а она вся холодная въ его рукахъ говорила спокойно:

— Эта башня не нужна была царевнѣ...

И прибавила вдругъ:

— Посмотри на море! Скорѣе посмотри на море!

— Зачѣмъ?

— Посмотри, что тамъ?... Можетъ быть, тамъ корабль съ огненными парусами?... Женихъ ѣдетъ?

Смѣялась безучастно и беззвучно, точно стадо сѣрыхъ летучихъ мышей летѣло откуда-то изъ темноты къ свѣту, а зачѣмъ летѣло,—не знали ни темнота, ни свѣтъ, ни онѣ сами.

— Вѣдь правда же, правда же, что это было самое глупое на землѣ, если только было,—говорила она сквозь смѣхъ.

Огромное просочилось сквозь стѣны бѣлой дачи, незамѣтно растворило ихъ и унесло. Жутко было съ глазу на глазъ съ темнотою, когда темнота встала, какъ стѣны, какъ одинъ глазъ, охватившій сверху и снизу и съ боковъ, вобравшій въ себя и слова, и мысли, и зерна мыслей.

Горы двигались. Теперь уже простымъ и возможнымъ казалось, что горы плыли въ морѣ, какъ большія ночныя суда, и море билось въ ихъ борта мягкимъ тѣломъ, можетъ быть, радостно уже, радостно и довольно, что онѣ, тяжелыя, высокія, вотъ порвали свои якоря и плывутъ въ немъ... Куда? Море знало, что некуда плыть.

— Міръ—это жестокость,—сказалъ онъ.

— Жестокость,—согласилась она.

— Это просто бросилъ ее въ пустоту Тотъ, Предвѣчный, и она округлилась и понеслась въ ритмическомъ

танцѣ... Гдѣ-то есть онъ и тоскуетъ... Ты слышишь?... Тоска Его!.. Эта ночь...

— Но дня вѣдь нѣтъ, нѣтъ!...

— И день, и звѣзды... все... и мы двое, и мы— только тоска Его!

— Жестокость?—спросила она.

— Жестокость!—отвѣтилъ онъ.

И засмѣялись оба.

И когда смѣялись, сплетясь тѣлами, то казалось обоимъ, что плывутъ въ пустоту горы на парусахъ, огненныхъ, какъ смѣхъ, что хохочетъ море внизу, что у звѣздъ въ небѣ растутъ толстые, пухлые животы, и медленно начинаютъ колыхаться.

V.

Утро протиснулось въ ночь тихо и неловко, чуть краснѣя, какъ сквозь густую толпу черныхъ мужиковъ въ сельской церкви протискиваются ближе къ алтарю, одѣтыя въ бѣлое, барышни, дочери помѣщика. Отъ мужиковъ рабій запахъ овчинъ, хлѣвовъ, земли и несмытаго пота; плотно стоятъ они плечомъ къ плечу, и плечи все широкія, спины крутыя, сутулыя, лубкомъ. Много глазъ въ темныхъ впадинахъ, и барышни знаютъ, что косятся они на нихъ, бѣлыхъ, за то, что пришли онѣ среди службы, и вотъ мѣшаютъ, толкаютъ, идутъ впередъ къ алтарю на свое мѣсто... «И у Бога-то мѣсто купили!» Знаютъ барышни, что именно такъ думаютъ о нихъ эти черные, и оттого имъ неловко, и оттого онѣ краснѣютъ, спѣшатъ, глядятъ только внизъ, въ ноги, обѣими руками подбирая платье. Но отъ нихъ сразу становится свѣтлѣе въ церкви, отъ нихъ у діакона, нетрезваго и стараго, мягче и точнѣе звучитъ холеный когда-то басъ, отъ нихъ веселѣе служба, и подъ куполомъ церкви, тамъ, гдѣ золотыя, старенькія звѣзды на синемъ полѣ, какъ-то просторнѣе и выше, и теплѣе ка-

жется кругомъ оттого, что пришли и стали у алтаря онѣ, молодыя, бѣлыя, хрупкія.

Утро прорвало узкую длинную щель между моремъ и небомъ и, ворвавшись съ разгону, разбѣжалось по морю, какъ на тонкихъ конькахъ, разлетѣлось, какъ пухъ, толкая небо дальше и выше. Небо отшатнулось, растерявъ облака, скопленныя за ночь, такія изсиня-черныя, неуклюжія, смѣшныя, похожія на толстыя стѣны, полуразрушенныя ночной канонадой. Горы тоже проступили едва, точно и ихъ потеряло небо,—густыя, мутныя, какъ облака, сырыя, всѣ сверху до-низу напоенныя ночными влажными снами, еще рвущіяся куда-то, еще мягкія, не обведенныя кованной чертой, за которую нельзя.

Горы были страшны теперь на разсвѣтѣ. Глубина земли, тяжелая нѣмотою, поднялась теперь и проступила сквозь ихъ ребра такая испуганная, прижатая, широко глядѣла кругомъ, не видя, слушала, не слыша. Этотъ часъ, когда небо уходитъ отъ земли, взлетая, и начинается новый день,—часъ, когда запертое, трущобное тянется къ свѣту, чтобы опрокинуться при первыхъ же лучахъ и провалиться въ глубину такимъ же глухимъ и темнымъ,—почему радостенъ этотъ часъ?

Терпкій, какъ вино, и такой же густой и пьяный часъ, когда открываются вѣки, ждутъ: мигъ— и разсыплются искрами своды изъ радугъ. Но сводовъ нѣтъ.

Это было вчера и будетъ завтра: тамъ, гдѣ облака, какъ разломанныя стѣны, стелются лукавыя полосы, красныя, желтыя, всѣ еще жмурыя, сырыя, какъ только что вымытыя длинныя платья, повѣшенныя для просушки. Надъ ними пыльная, мягкая муть, точно остановился и повисъ ураганъ изъ сѣрыхъ мотыльковъ,—муть, въ которой утонуло небо и море внизу и горы.

Гдѣ-то тамъ, за крутымъ отгибомъ шли лучи. Кто посмѣлъ бы сказать, что они совсѣмъ не придутъ или придутъ не скоро?

Море лежало внизу, докипая. Оно было задернуто неразсказаннымъ, увядшее и темное, какъ губы распятаго, которыя все тянулись, все искали чьихъ-то губъ въ толпѣ, и не нашли.

Отъ него еще густо пахло травами со дна. Гдѣ-то расли длинныя, ползучія, всѣ спутанныя, переслоенныя слизью,—теперь выбросило ихъ на берегъ, какъ ночную боль.

Стало сонно, что было безумно ночью, мрѣло устало, заволоклось, — не видно было въ густомъ поту,—идутъ или нѣтъ къ берегамъ волны. Подымалась откуда-то бездна короткихъ рукъ, хватала ихъ, комкала, топила, какъ женщина рветъ съ себя и швыряетъ нарядъ, надъ которымъ смѣялись. Но уходили изъ-подъ рукъ какія-то упрямыя и все еще стучали о камни. Вдоль берега пѣнилась извилистая, чуть живая кайма: умретъ, когда встанетъ день.

Крѣпость выплыла изъ своей скалы, стала маленькой, нѣжной, очень робкой, застѣнчивой, точно непомѣрно трудно было ей вылѣзть изъ камня, и трудно подобрать зубецъ къ зубцу, и поставить башни въ отвѣсъ. Ставила, чеканя узоръ пробоинъ, тихо подтягивала стѣны, сползшія внизъ, равняла обломки, охорашивалась, глядя по сторонамъ,—пустая могила, зарастающая полынью.

Обрѣзъ круглой башни наверху уже очертилъ себя и отъ скалы и отъ неба и снова, какъ вчера и какъ тысячи дней назадъ, уперся въ море. Казалось, что это для него одного изъ мутной синевы выявляются и твердѣютъ разбросанные обломки; если бы не онъ, давно бы лежали мирными грудами щебня.

Лучи пробивались медленно, слоями, шутя сдергивали, что набросила ночь, обнажили море вплоть до горизонта, чуть голубое, насмѣшливо-голубое, и сонно-брезгливое, затаенно-дышащее мертвой жутью, но готовое во всю ширину улыбнуться сейчасъ, шевельнуть беззвучнымъ цвѣтнымъ стеклярусомъ, кружевами, дешевымъ наборомъ лентъ. Прояснили бе-

регъ; выдвинулся онъ, бородавчатый отъ каменныхъ глыбъ, еще не очнувшійся, холодный, влажный, какъ вихристый корабельный юнга, котораго, проходя мимо, пинкомъ разбудилъ боцманъ; зарыться бы куда-нибудь въ пустые мѣшки, и спать бы,—нельзя; холодно, ротъ раздираетъ отъ зѣвоты; сейчасъ онъ расправитъ члены, кое-какъ умоется у крана и замелькаетъ по палубѣ.

Горы ближнія и дальнія безжалостно привинтили къ проваламъ. Вотъ онѣ раскинулись, какъ развалины дворцовъ, всѣ изъ красокъ и взмаха, и окостенѣли,—уродливыя или прекрасныя, какъ сказать?

Въ это новое утро горы молились такъ:

Тебѣ, для бездонной мудрости Котораго нѣтъ слова;

Тебѣ, для безумной радости Котораго нѣтъ смѣха;

Тебѣ, для великой печали Котораго нѣтъ слезъ, поемъ хвалу мы, безглагольныя!

Въ бѣлой дачѣ было снова пусто, ставни были забиты, и двери заперты, и на своемъ обрывѣ между горами и моремъ дача опять стала плотнымъ бѣлымъ пятномъ, а они двое ѣхали обратно, и спокойнаго вороного коренника не было видно, а пестрая пристяжка съ задорной отброшенной вбокъ головою не выходила изъ глазъ, — фыркала, трясла бубенцами.

— Какъ странно, — говорилъ онъ.— Кажется, кто-то идетъ за нами слѣдомъ, а никого нѣтъ.

— Это крѣпость, — сказала она.

— Крѣпости давно уже не видно за поворотомъ,— какая крѣпость!

Все равно, она идетъ слѣдомъ... Это пустыня духа гонится за нами...

— Дорога тутъ все время по скатамъ: — срѣзали, мостили... Давно это было... Погляди, — кажется, что не можетъ быть конца ей, бѣлой, а конецъ есть.

— Ты постарѣлъ за эту ночь, — сказала она, вглядѣвшись.

— Ты хочешь сказать, что ты стала моложе? — нагнулся къ ней онъ. — Нѣтъ.

Близко, совсѣмъ близко были ихъ лица. У него,— какъ лѣсная опушка, на которой уже просторно, когда выходить изъ лѣсу, уже небо, много неба, и поле въ десяти шагахъ, и солнце, и можно итти зажмурясь, ноги сами будутъ отрѣзать шагъ за шагомъ. Куда?— уже все равно, куда, только бы не цѣплялись отовсюду сучья. У нея, — какъ лѣсная тропинка, съ которой только что свернули, а она упрямо пошла куда-то еще дальше, въ темноту, въ чащу, узенькая и острая, запутанная, гибкая, то оборвется, то начнется опять; можетъ быть, дойдетъ до озера, — обогнетъ его берегомъ и пойдетъ дальше.

— Ты знаешь, — сказалъ онъ вдругъ, — я какъ-то видѣлъ, — по грязному-грязному проселку прогнали стадо: коровы, овцы, собаки овчарки и... люди. Я не видѣлъ самаго стада, — только слѣды въ грязи видѣлъ,—шелъ и смотрѣлъ подъ ноги. Всѣ рядомъ! Слѣды путались. Люди и звѣри рядомъ!.. Моложе я былъ тогда, — плакать хотѣлось отъ злости: какъ могутъ итти по землѣ звѣриные слѣды рядомъ съ человѣчьимъ! Я ихъ долго затаптывалъ тогда ногами: стыдно было.

— Ты — смѣшной, — сказала она. — Это такъ и будетъ всегда.

— Что будетъ?

— Что ты будешь смѣшной.

— Нуженъ новый потопъ, чтобы смыть,—встревоженно говорилъ онъ. — Чтобы хлынуло сразу и смыло.

— Не нужно потопа, — улыбнулась она.

Звенѣлъ воздухъ серебряно-синимъ, такимъ тонкимъ, что его слышало только тѣло, темное, вѣчно спрятанное, болѣе мудрое, чѣмъ мудрость.

Солнце сѣяло зерна тѣхъ травъ, которыя взойдутъ еще черезъ сотни лѣтъ на какой-то новой землѣ... Кто будетъ пахать эту землю?

Въ небѣ надъ моремъ распустилъ кто-то огневыя кудри, да такъ и оставилъ, забылъ расчесать: пусть вьются! Или это птица, странная, только на зарѣ и то не всегда видная, но вѣчно парящая надъ землей, птица взмахнула широчайшимъ мягкимъ крыломъ, чтобы отлетѣть и скрыться въ солнцѣ.

Около ближнихъ горъ стало холодно-прозрачно, и отъ чего-то липкаго, ночного совсѣмъ оторвались онѣ, выпрямились, окаменѣли, прочно стали на своихъ извѣчныхъ мѣстахъ выпукло-грудыя и спокойныя, наравнѣ съ солнцемъ.

Весенняя оттепель прошла по морю, мокрая, веселая, съ загорѣвшимися сощуренными глазами, глотающими мигъ за мигомъ кусочки лучей. Расплылось оно внизу до горизонта, какъ чаша, полная до краевъ чѣмъ-то голубымъ. Нѣтъ въ немъ ни смертей, ни рожденій,— нѣтъ дна: просто вспыхнуло и горитъ внизу огромное голубое.

Рука ея была мягкая и теплая въ его рукѣ.

— А если бы дождалась жениха царевна, она подымалась бы потомъ на башню? — спросилъ ее онъ.

— О, да! — отвѣтила она поспѣшно.

— Вдвоемъ съ нимъ?

— Одна.

— Опять одна?

— Опять одна.

— Зачѣмъ?

— Она ждала бы новаго жениха съ огненными парусами на кораблѣ.

— А тотъ, прежній?

— Его сбросили бы внизъ и смотрѣли бы, какъ онъ летитъ въ море.

— За что?

— За то, что онъ тотъ же... Пойми, — тотъ же, все тотъ же старый женихъ!.. Развѣ есть еще слово, страшнѣе слова «тотъ же»?..

— Мы пойдемъ по землѣ рядомъ, двое разныхъ... Надолго? — спросилъ онъ.

— Не знаю, — разсмѣялась она.

Пестрая пристяжка звенѣла бубенцами.

Распахнулось море навстрѣчу горамъ, и горы навстрѣчу морю, — росли онѣ, что ли? Каждый мигъ что-то мѣнялось въ нихъ, говорило потоками красокъ, смѣялось, пѣло.

Перебросились всюду мосты изъ встрѣчныхъ улыбокъ, изъ задуманныхъ и несказанныхъ мыслей, изъ видѣнныхъ и забытыхъ сновъ. Твердѣло и тутъ же распадалось что-то, и вновь твердѣло. Подымалось что-то и, только показавшись, падало вновь, чтобы вновь подняться.

И отъ горъ, и отъ моря, и отъ неба надъ ними пахло Богомъ творящимъ.

Августъ — 1907 г.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

РАЗСКАЗЪ О СЕМИ ПОВѢШЕННЫХЪ

ПЕРЕВОДЪ РАЗРѢШАЕТСЯ.

1. Въ часъ дня, ваше превосходительство.

Такъ какъ министръ былъ человѣкъ очень тучный, склонный къ апоплексіи, то со всякими предосторожностями, избѣгая вызвать опасное волненіе, его предупредили, что на него готовится очень серьезное покушеніе. Видя, что министръ встрѣтилъ извѣстіе спокойно и даже съ улыбкой, сообщили и подробности: покушеніе должно состояться на слѣдующій день, утромъ, когда онъ выѣдетъ съ докладомъ; нѣсколько человѣкъ террористовъ, уже выданныхъ провокаторомъ и теперь находящихся подъ неусыпнымъ наблюденіемъ сыщиковъ, должны съ бомбами и револьверами собраться въ часъ дня у подъѣзда и ждать его выхода. Здѣсь ихъ и схватятъ.

— Постойте,—удивился министръ:—откуда же они знаютъ, что я поѣду въ часъ дня, съ докладомъ, когда я самъ узналъ объ этомъ только третьяго дня?

Начальникъ охраны неопредѣленно развелъ руками:

— Именно въ часъ дня, ваше превосходительство.

Не то удивляясь, не то одобряя дѣйствія полиціи, которая устроила все такъ хорошо, министръ покачалъ головою и хмуро улыбнулся толстыми, темными губами; и съ тою же улыбкой, покорно, не желая и въ дальнѣйшемъ мѣшать полиціи, быстро собрался и уѣхалъ ночевать въ чей-то чужой гостепріимный дворецъ. Также увезены были изъ опаснаго дома, около котораго соберутся завтра бомбометатели, его жена и двое дѣтей.

Пока горѣли огни въ чужомъ дворцѣ и привѣтливыя, знакомыя лица кланялись, улыбались и негодо-

вали, сановникъ испытывалъ чувство пріятной возбужденности — какъ будто ему уже дали, или сейчасъ дадутъ большую и неожиданную награду. Но люди разъѣхались, огни погасили, и сквозь зеркальныя стекла на потолокъ и стѣны легъ кружевной и призрачный свѣтъ электрическихъ фонарей; посторонній дому, съ его картинами, статуями и тишиной, входившій съ улицы, самъ тихій и неопредѣленный, онъ будилъ тревожную мысль о тщетѣ запоровъ, охраны и стѣнъ. И тогда ночью, въ тишинѣ и одиночествѣ чужой спальни, сановнику стало невыносимо страшно.

У него было что-то съ почками, и при каждомъ сильномъ волненіи наливались водою и опухали его лицо, ноги и руки, и отъ этого онъ становился какъ будто еще крупнѣе, еще толще и массивнѣе. И теперь, горою вздутаго мяса возвышаясь надъ придавленными пружинами кровати, онъ съ тоскою больного человѣка чувствовалъ свое опухшее, словно чужое лицо, и неотвязно думалъ о той жестокой судьбѣ, какую готовили ему люди. Онъ вспомнилъ одинъ за другимъ, всѣ недавніе ужасные случаи, когда въ людей его сановнаго, и даже еще болѣе высокаго положенія, бросали бомбы, и бомбы рвали на клочки тѣло, разбрызгивали мозгъ по грязнымъ кирпичнымъ стѣнамъ, вышибали зубы изъ гнѣздъ. И отъ этихъ воспоминаній собственное тучное больное тѣло, раскинувшееся на кровати, казалось уже чужимъ, уже испытывающимъ огненную силу взрыва; и чудилось, будто руки въ плечѣ отдѣляются отъ туловища, зубы выпадаютъ, мозгъ раздѣляется на частицы, ноги нѣмѣютъ и лежатъ покорно, пальцами вверхъ, какъ у покойника. Онъ усиленно шевелился, дышалъ громко, кашлялъ, чтобы ничѣмъ не походить на покойника, окружалъ себя живымъ шумомъ звенящихъ пружинъ, шелестящаго одѣяла; и чтобы показать, что онъ совершенно живъ, ни капельки не умеръ и далекъ отъ смерти, какъ всякій другой человѣкъ — громко и отрывисто басилъ въ тишинѣ и одиночествѣ спальни:

— Молодцы! Молодцы! Молодцы!

Это онъ хвалилъ сыщиковъ, полицію и солдатъ, всѣхъ тѣхъ, кто охраняетъ его жизнь и такъ своевременно, такъ ловко предупредили убійство. Но шевелясь, но хваля, но усмѣхаясь насильственной кривой улыбкой, чтобы выразить свою насмѣшку надъ глупыми террористами неудачниками, — онъ все еще не вѣрилъ въ свое спасеніе, въ то, что жизнь вдругъ, сразу, не уйдетъ отъ него. Смерть, которую замыслили для него люди и которая была только въ ихъ мысляхъ, въ ихъ намѣреніяхъ, какъ будто уже стояла тутъ, и будетъ стоять, и не уйдетъ, пока тѣхъ не схватятъ, не отнимутъ у нихъ бомбъ и не посадятъ ихъ въ крѣпкую тюрьму. Вонъ въ томъ углу она стоитъ, и не уходитъ—не можетъ уйти, какъ послушный солдатъ, чьей то волею и приказомъ поставленный на караулъ.

— Въ часъ дня, ваше превосходительство! — звучала сказанная фраза, переливалась на всѣ голоса: то весело насмѣшливая, то сердитая, то упрямая и тупая. Словно поставили въ спальню сотню заведенныхъ граммофоновъ и всѣ они, одинъ за другимъ, съ идіотской старательностью машины выкрикивали приказанныя имъ слова:

— Въ часъ дня, ваше превосходительство.

И этотъ завтрашній «часъ дня», который еще такъ недавно ничѣмъ не отличался отъ другихъ, былъ только спокойнымъ движеніемъ стрѣлки по циферблату золотыхъ часовъ, вдругъ пріобрѣлъ зловѣщую убѣдительность, выскочилъ изъ циферблата, сталъ жить отдѣльно, вытянулся, какъ огромный черный столбъ, всю жизнь разрѣзающій на двое. Какъ будто ни до него, ни послѣ него не существовало никакихъ другихъ часовъ, а онъ только одинъ, наглый и самомнительный, имѣлъ право на какое-то особенное существованіе.

— Ну? Чего тебѣ надо? — сквозь зубы, сердито спросилъ министръ.

Орали граммофоны:

— Въ часъ дня, ваше превосходительство!— и черный столбъ ухмылялся и кланялся. Скрипнувъ зубами, министръ приподнялся на постели и сѣлъ, опершись лицомъ на ладони — положительно онъ не могъ заснуть въ эту отвратительную ночь.

И съ ужасающей яркостью, зажимая лицо пухлыми, надушенными ладонями, онъ представилъ себѣ, какъ завтра утромъ онъ вставалъ бы, ничего не зная, потомъ пилъ бы кофе, ничего не зная, потомъ одѣвался бы въ прихожей. И ни онъ, ни швейцаръ, подававшій шубу, ни лакей, приносившій кофе, не знали бы, что совершенно безсмысленно пить кофе, одѣвать шубу, когда черезъ нѣсколько мгновеній все это: и шуба, и его тѣло, и кофе, которое въ немъ, будетъ уничтожено взрывомъ, взято смертью. Вотъ швейцаръ открываетъ стеклянную дверь... И это онъ, милый, добрый, ласковый швейцаръ, у котораго голубые, солдатскіе глаза и ордена во всю грудь, самъ своими руками открываетъ страшную дверь — открываетъ, потому что не знаетъ ничего. Всѣ улыбаются, потому что ничего не знаютъ.

— Ого! — вдругъ громко сказалъ онъ и медленно отвелъ отъ лица ладони. И глядя въ темноту, далеко передъ собою, остановившимся, напряженнымъ взглядомъ, также медленно протянулъ руку, нащупалъ рожокъ и зажегъ свѣтъ. Потомъ всталъ и, не надѣвая туфель, босыми ногами по ковру, обошелъ чужую незнакомую спальню, нашелъ еще рожокъ отъ стѣнной лампы и зажегъ. Стало свѣтло и пріятно, и только взбудораженная постель со свалившимся на полъ одѣяломъ говорила о какомъ-то не совсѣмъ еще прошедшемъ ужасѣ.

Въ ночномъ бѣльѣ, съ взлохматившейся отъ безпокойныхъ движеній бородою, съ сердитыми глазами, сановникъ былъ похожъ на всякаго другого сердитаго старика, у котораго безсонница и тяжелая одышка. Точно оголила его смерть, которую готовили для него люди, оторвала отъ пышности и внушительнаго вели-

колѣпія, которыя его окружали — и трудно было повѣрить, что это у него такъ много власти, что это его тѣло, такое обыкновенное, простое человѣческое тѣло, должно было погибнуть страшно въ огнѣ и грохотѣ чудовищнаго взрыва. Не одѣваясь и не чувствуя холода, онъ сѣлъ въ первое попавшееся кресло, подперъ рукою взлохмаченную бороду и сосредоточенно, въ глубокой и спокойной задумчивости, уставился глазами въ лѣпной незнакомый потолокъ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Такъ вотъ почему онъ такъ струсилъ и такъ взволновался! Такъ вотъ почему она стоитъ въ углу и не уходитъ, и не можетъ уйти!

— Дураки! — сказалъ онъ презрительно и вѣско.

— Дураки! — повторилъ онъ громче и слегка повернулъ голову къ двери, чтобы слышали тѣ, къ кому это относится. А относилось это къ тѣмъ, кого недавно онъ называлъ молодцами и кто въ излишкѣ усердія подробно разсказалъ ему о готовящемся покушеніи.

— Ну, конечно, — думалъ онъ глубоко, внезапно окрѣпшею и плавною мыслью,—вѣдь это теперь, когда мнѣ разсказали, я знаю и мнѣ страшно, а вѣдь тогда бы я ничего не зналъ, и спокойно пилъ бы кофе. Ну а потомъ, конечно, эта смерть — но развѣ я такъ боюсь смерти? Вотъ у меня болятъ почки, и умру же я когда-нибудь, а мнѣ не страшно, потому что ничего не знаю. А эти дураки сказали: въ часъ дня, ваше превосходительство. И думали, дураки, что я буду радоваться, а вмѣсто того она стала въ углу и не уходитъ. Не уходитъ, потому что это моя мысль. И не смерть страшна, а знаніе ея; и было бы совсѣмъ невозможно жить, если бы человѣкъ могъ вполнѣ точно и опредѣленно знать день и часъ, когда умретъ. А эти дураки предупреждаютъ: въ часъ дня, ваше превосходительство!

Стало такъ легко и пріятно, словно кто-то сказалъ ему, что онъ совсѣмъ безсмертенъ и не умретъ никогда. И снова чувствуя себя сильнымъ и умнымъ среди этого стада дураковъ, что такъ безсмысленно и

нагло врываются въ тайну грядущаго, онъ задумался о блаженствѣ невѣдѣнія тяжелыми мыслями стараго, больного, много испытавшаго человѣка. Ничему живому, ни человѣку, ни звѣрю, не дано знать дня и часа своей смерти. Вотъ онъ былъ боленъ недавно, и врачи сказали ему, что умретъ, что нужно сдѣлать послѣднія распоряженія,—а онъ не повѣрилъ имъ и дѣйствительно остался живъ. А въ молодости было такъ: запутался онъ въ жизни и рѣшилъ покончить съ собой; и револьверъ приготовилъ, и письма написалъ, и даже часъ для самоубійства назначилъ,—а передъ самымъ концомъ вдругъ передумалъ. И всегда, въ самое послѣднее мгновеніе можетъ что-нибудь измѣниться, можетъ явиться неожиданная случайность, и оттого никто не можетъ сказать, когда онъ умретъ.

«Въ часъ дня, ваше превосходительство»—сказали ему эти любезные ослы и хотя сказали только потому, что смерть предотвращена, одно уже знаніе ея возможнаго часа наполнило его ужасомъ. Вполнѣ допустимо, что когда-нибудь его и убьютъ, но завтра этого не будетъ — завтра этого не будетъ — и онъ можетъ спать спокойно, какъ безсмертный. Дураки, они не знали, какой великій законъ они свернули съ мѣста, какую дыру открыли, когда сказали съ этой своею идіотской любезностью: «въ часъ дня, ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не въ часъ дня, ваше превосходительство, а неизвѣстно когда. Неизвѣстно, когда. Что?

— Ничего — отвѣтила тишина. — Ничего.

— Нѣтъ, ты говоришь что-то.

— Ничего, пустяки. Я говорю: завтра, въ часъ дня.

И съ внезапной, острой тоскою въ сердцѣ онъ понялъ, что не будетъ ему ни сна, ни покоя, ни радости, пока не пройдетъ этотъ проклятый, черный, выхваченный изъ циферблата часъ. Только тѣнь знанія о томъ, о чемъ не должно знать ни одно живое существо, стояла тамъ въ углу, и ея было достаточно,

чтобы затмить свѣтъ и нагнать на человѣка непроглядную тьму ужаса. Потревоженный однажды страхъ смерти расплывался по тѣлу, внѣдрялся въ кости, тянулъ блѣдную голову изъ каждой поры тѣла.

Уже не завтрашнихъ убійцъ боялся онъ — они исчезли, забылись, смѣшались съ толпою враждебныхъ лицъ и явленій, окружающихъ его человѣческую жизнь, а чего-то внезапнаго и неизбѣжнаго: апоплексическаго удара, разрыва сердца, какой-то тоненькой глупой аорты, которая вдругъ не выдержитъ напора крови и лопнетъ, какъ туго натянутая перчатка на пухлыхъ пальцахъ.

И страшною казалась короткая, толстая шея и невыносимо было смотрѣть на заплывшіе короткіе пальцы, чувствовать, какъ они коротки, какъ они полны смертельною влагой. И если раньше, въ темнотѣ, онъ долженъ былъ шевелиться, чтобы не походить на мертвеца, то теперь, въ этомъ яркомъ, холодно враждебномъ, страшномъ свѣтѣ, казалось ужаснымъ, невозможнымъ пошевелиться, чтобы достать папиросу—позвонить кого-нибудь. Нервы напрягались. И каждый нервъ казался похожимъ на вздыбившуюся выгнутую проволоку, на вершинѣ которой маленькая головка съ безумно вытаращенными отъ ужаса глазами, судорожно разинутымъ, задохнувшимся, безмолвнымъ ртомъ. Нечѣмъ дышать.

И вдругъ въ темнотѣ, среди пыли и паутины, гдѣ-то подъ потолкомъ ожилъ электрическій звонокъ. Маленькій, металлическій язычекъ судорожно, въ ужасѣ, бился о край звенящей чашки, замолкалъ—и снова трепеталъ въ непрерывномъ ужасѣ и звонѣ. Это звонилъ изъ своей комнаты его превосходительство.

Забѣгали люди. Тамъ и здѣсь, въ люстрахъ и по стѣнѣ, вспыхнули отдѣльныя лампочки, — ихъ мало было для свѣта, но достаточно для того, чтобы появились тѣни. Всюду появились онѣ: встали въ углахъ, протянулись по потолку; трепетно цѣпляясь за каждое возвышеніе, прилегли къ стѣнамъ; и трудно

было понять, гдѣ находились раньше всѣ эти безчисленныя, уродливыя, молчаливыя тѣни, безгласныя души безгласныхъ вещей.

Что-то громко говорилъ густой дрожащій голосъ. Потомъ требовали доктора по телефону: сановнику было дурно. Вызвали и жену его превосходительства.

2. Къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Вышло такъ, какъ загадала полиція. Четверыхъ террористовъ, трехъ мужчинъ и одну женщину, вооруженныхъ бомбами, адскими машинами и револьверами, схватили у самаго подъѣзда, пятую—нашли и арестовали на конспиративной квартирѣ, хозяйкою которой она состояла. Захватили при этомъ много динамиту, полуснаряженныхъ бомбъ и оружія. Всѣ арестованные были очень молоды: старшему изъ мужчинъ было двадцать восемь лѣтъ, младшей изъ женщинъ всего девятнадцать. Судили ихъ въ той же крѣпости, куда заключили послѣ ареста, судили быстро и глухо, какъ дѣлалось въ то безпощадное время.

На судѣ всѣ пятеро были спокойны, но очень серьезны и очень задумчивы: такъ велико было ихъ презрѣніе къ судьямъ, что никому не хотѣлось лишней улыбкой или притворнымъ выраженіемъ веселья подчеркнуть свою смѣлость. Ровно настолько были они спокойны, сколько нужно для того, чтобы оградить свою душу и великій предсмертный мракъ ея отъ чужого, злого и враждебнаго взгляда. Иногда отказывались отвѣчать на вопросы, иногда отвѣчали—коротко, просто и точно, словно не судьямъ, а статистикамъ, отвѣчали они для заполненія какихъ-то особенныхъ таблицъ. Трое, одна женщина и двое мужчинъ, назвали свои настоящія имена, двое отказались назвать

ихъ, и такъ и остались для судей неизвѣстными. И ко всему, происходившему на судѣ, обнаруживали они то смягченное, сквозь дымку, любопытство, которое свойственно людямъ или очень тяжело больнымъ, или же захваченнымъ одною огромною, всепоглощающей мыслью. Быстро взглядывали, ловили на лету какое-нибудь слово, болѣе интересное, чѣмъ другія—и снова продолжали думать, съ того же мѣста, на какомъ остановилась мысль.

Первымъ отъ судей помѣщался одинъ изъ назвавшихъ себя—Сергѣй Головинъ, сынъ отставного полковника, самъ бывшій офицеръ. Это былъ совсѣмъ еще молодой, бѣлокурый, широкоплечій юноша, такой здоровый, что ни тюрьма, ни ожиданіе неминуемой смерти не могли стереть краски съ его щекъ и выраженія молодой, счастливой наивности съ его голубыхъ глазъ. Все время онъ энергично пощипывалъ лохматую, свѣтлую бородку, къ которой еще не привыкъ, и неотступно, щурясь и мигая, глядѣлъ въ окно.

Это происходило въ концѣ зимы, когда среди снѣжныхъ бурь и тусклыхъ морозныхъ дней недалекая весна посылала, какъ предтечу, ясный, теплый солнечный день, или даже одинъ только часъ, но такой весенній, такой жадно молодой и сверкающій, что воробьи на улицѣ сходили съ ума отъ радости, и точно пьянѣли люди. И теперь, въ верхнее, запыленное, съ прошлаго лѣта не протиравшееся окно было видно очень странное и красивое небо: на первый взглядъ оно казалось молочно-сѣрымъ, дымчатымъ, а когда смотрѣть дольше—въ немъ начинала проступать синева, оно начинало голубѣть все глубже—все ярче, все безпредѣльнѣе. И то, что оно не открывалось все сразу, а цѣломудренно таилось въ дымкѣ прозрачныхъ облаковъ, дѣлало его милымъ, какъ дѣвушку, которую любишь; и Сергѣй Головинъ глядѣлъ въ небо, пощипывалъ бородку, щурилъ то одинъ, то другой глазъ съ длинными пушистыми рѣсницами и что-то усиленно соображалъ. Одинъ разъ онъ даже быстро зашевелилъ пальцами и наивно смор-

щился отъ какой-то радости, — но взглянулъ кругомъ и погасъ, какъ искра, на которую наступили ногою. И почти мгновенно сквозь краску щекъ, почти безъ перехода въ блѣдность, проступила землистая, мертвенная синева; и пушистый волосъ, съ болью выдираясь изъ гнѣзда, сжался какъ въ тискахъ въ побѣлѣвшихъ на кончикѣ пальцахъ. Но радость жизни и весны была сильнѣе—и черезъ нѣсколько минутъ прежнее молодое, наивное лицо тянулось къ весеннему небу.

Туда же, въ небо, смотрѣла молодая, блѣдная дѣвушка, неизвѣстная, по прозвищу Муся. Она была моложе Головина, но казалась старше въ своей строгости, въ чернотѣ своихъ прямыхъ и гордыхъ глазъ. Только очень тонкая, нѣжная шея, да такія же тонкія дѣвичьи руки говорили о ея возрастѣ; да еще то неуловимое, что есть сама молодость и что звучало такъ ясно въ ея голосѣ, чистомъ, гармоничномъ, настроенномъ безупречно, какъ дорогой инструментъ, въ каждомъ простомъ словѣ, восклицаніи, открывающемъ его музыкальное содержаніе. Была она очень блѣдна, но не мертвенной блѣдностью, а той особенной горячей бѣлизной, когда внутри человѣка какъ бы зажженъ огромный, сильный огонь, и тѣло пррозрачно свѣтится, какъ тонкій севрскій фарфоръ. Сидѣла она, почти не шевелясь, и только изрѣдка, незамѣтнымъ движеніемъ пальцевъ ощупывала углубленную полоску на среднемъ пальцѣ правой руки, слѣдъ какого-то, недавно снятаго, кольца. И на небо она смотрѣла безъ ласки и радостныхъ воспоминаній, только потому, что во всемъ грязномъ казенномъ залѣ этотъ голубой кусочекъ неба былъ самымъ красивымъ, самымъ чистымъ и правдивымъ—и ничего не выпытывалъ у ея глазъ.

Сергѣя Головина судьи жалѣли, ее же ненавидѣли.

Также не шевелясь, въ нѣсколько чопорной позѣ, сложивъ руки между колѣнъ, сидѣлъ сосѣдъ ея, неизвѣстный, по прозвищу Вернеръ. Если лицо можно замкнуть, какъ глухую дверь, то свое лицо неизвѣстный замкнулъ, какъ дверь желѣзную, и замокъ на ней по-

вѣсилъ желѣзный. Смотрѣлъ онъ неподвижно внизъ на дощатый, грязный полъ, и нельзя было понять: спокоенъ онъ или волнуется безконечно, думаетъ о чемъ-нибудь или слушаетъ, что показываютъ передъ судомъ сыщики. Роста онъ былъ невысокаго; черты лица имѣлъ тонкія и благородныя. Нѣжный и красивый настолько, что напоминалъ лунную ночь гдѣ-нибудь на югѣ, на берегу моря, гдѣ кипарисы и черныя тѣни отъ нихъ, онъ въ то же время будилъ чувство огромной спокойной силы, непреоборимой твердости, холоднаго и дерзкаго мужества. Самая вѣжливость, съ какою давалъ онъ короткіе и точные отвѣты, казалась опасною въ его устахъ, въ его полупоклонѣ; и если на всѣхъ другихъ арестантскій халатъ казался нелѣпымъ шутовствомъ, то на немъ его не было видно совсѣмъ—такъ чуждо было платье человѣку. И хотя у другихъ террористовъ были найдены бомбы и адскія машины, а у Вернера только черный револьверъ, судьи считали почему-то главнымъ его, и обращались къ нему съ нѣкоторой почтительностью, также кратко и дѣловито.

Слѣдующій за нимъ, Василій Каширинъ, весь состоялъ изъ одного сплошного, невыносимаго ужаса смерти и такого же отчаяннаго желанія сдержать этотъ ужасъ и не показать его судьямъ. Съ самаго утра, какъ только повели ихъ на судъ, онъ началъ задыхаться отъ учащеннаго біенія сердца; на лбу все время капельками выступалъ потъ, также потны и холодны были руки и липла къ тѣлу, связывая его движенія, холодная, потная рубаха. Сверхъестественнымъ усиліемъ воли онъ заставлялъ пальцы свои не дрожать, голосъ быть твердымъ и отчетливымъ, глаза спокойными. Вокругъ себя онъ ничего не видѣлъ, голоса приносились къ нему, какъ изъ тумана, и въ этотъ же туманъ посылалъ онъ свои отчаянныя усилія—отвѣчать твердо, отвѣчать громко. Но отвѣтивъ, онъ тотчасъ забывалъ какъ и вопросъ, такъ и отвѣтъ свой, и снова молчаливо и страшно боролся. И такъ явственно

выступала въ немъ смерть, что судьи избѣгали смотрѣть на него, и трудно было опредѣлить его возрастъ, какъ у трупа, который уже началъ разлагаться. По паспорту же ему было всего 23 года. Разъ или два Вернеръ тихо прикасался рукою къ его колѣну и каждый разъ онъ отвѣчалъ однимъ словомъ:

— Ничего.

Самое страшное было для него, когда являлось вдругъ нестерпимое желаніе кричать—безъ словъ, животнымъ отчаяннымъ крикомъ. Тогда онъ тихо прикасался къ Вернеру и тотъ, не поднимая глазъ, отвѣчалъ ему тихо:

— Ничего, Вася. Скоро кончится.

И, всѣхъ обнимая материнскимъ, заботливымъ окомъ, изнывала въ тревогѣ пятая террористка, Таня Ковальчукъ. У нея никогда не было дѣтей, она была еще очень молода и краснощека, какъ Сергѣй Головинъ, но казалась матерью всѣмъ этимъ людямъ: такъ заботливы, такъ безконечно любовны были ея взгляды, улыбка, страхи. На судъ она не обращала никакого вниманія, какъ на нѣчто совсѣмъ постороннее, и только слушала, какъ отвѣчаютъ другіе: не дрожитъ ли голосъ, не боится ли, не дать ли воды.

На Васю она не могла смотрѣть отъ тоски и только тихонько ломала свои пухлые пальцы; на Мусю и Вернера смотрѣла съ гордостью и почтеніемъ, и лицо дѣлала серьезное и сосредоточенное, а Сергѣю Головину все старалась передать свою улыбку.

— Милый, на небо смотритъ. Посмотри, посмотри, голубчикъ,—думала она про Головина.

— А Вася? Что же это, Боже мой, Боже мой... Что же мнѣ съ нимъ дѣлать? Сказать что-нибудь—еще хуже сдѣлаешь: вдругъ заплачетъ?

И какъ тихій прудъ на зарѣ, отражающій каждое бѣгущее облако, отражала она на пухломъ, миломъ, добромъ лицѣ своемъ всякое быстрое чувство, всякую мысль тѣхъ, четверыхъ. О томъ, что ее также судятъ и также повѣсятъ, она не думала совсѣмъ—была

глубоко равнодушна. Это у нея на квартирѣ открыли складъ бомбъ и динамита; и какъ ни странно—это она встрѣтила полицію выстрѣлами и ранила одного сыщика въ голову.

Судъ кончился часовъ въ восемь, когда уже стемнѣло. Постепенно гасло передъ глазами Муси и Сергѣя Головина синѣющее небо, но не порозовѣло оно, не улыбнулось тихо, какъ въ лѣтніе вечера, а замутилось, посѣрѣло, вдругъ стало холоднымъ и зимнимъ. Головинъ вздохнулъ, потянулся, еще раза два взглянулъ въ окно, но тамъ стояла уже холодная ночная тьма; и продолжая пощипывать бородку, онъ началъ съ дѣтскимъ любопытствомъ разглядывать судей, солдатъ съ ружьями, улыбнулся Танѣ Ковальчукъ. Муся же, когда небо погасло, спокойно, не опуская глазъ на землю, перевела ихъ въ уголъ, гдѣ тихо колыхалась паутинка подъ незамѣтнымъ напоромъ духового отопленія; и такъ оставалась до объявленія приговора.

Послѣ приговора, простившись съ защитниками во фракахъ, и избѣгая ихъ безпомощно растерянныхъ, жалобныхъ и виноватыхъ глазъ, обвиненные столкнулись на минуту въ дверяхъ и обмѣнялись короткими фразами.

— Ничего, Вася. Кончится скоро все,—сказалъ Вернеръ.

— Да я, братъ, ничего,—громко, спокойно и даже какъ будто весело отвѣтилъ Каширинъ. И дѣйствительно, лицо его слегка порозовѣло и уже не казалось лицомъ разлагающагося трупа.

— Чтобы чортъ ихъ побралъ, вѣдь повѣсили таки,—наивно обругался Головинъ.

— Такъ и нужно было ожидать,—отвѣтилъ Вернеръ спокойно.

— Завтра будетъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ и насъ посадятъ вмѣстѣ,—сказала Ковальчукъ, утѣшая.—До самой казни вмѣстѣ будемъ сидѣть.

Муся молчала. Потомъ рѣшительно двинулась впередъ.

3. Меня не надо вѣшать.

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, какъ судили террористовъ, тотъ же военно-окружный судъ, но только въ другомъ составѣ, судилъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Ивана Янсона, крестьянина.

Этотъ Иванъ Янсонъ былъ батракомъ у зажиточнаго фермера, и ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ другихъ такихъ же работниковъ-бобылей. Родомъ онъ былъ эстонецъ, изъ Везенберга, и постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, переходя изъ одной фермы въ другую, придвинулся къ самой столицѣ. По-русски онъ говорилъ очень плохо, а такъ какъ хозяинъ его былъ русскій, по фамиліи Лазаревъ, и эстонцевъ поблизости не было, то почти всѣ два года Янсонъ молчалъ. Повидимому, и вообще онъ не былъ склоненъ къ разговорчивости, и молчалъ не только съ людьми, но и съ животными: молча поилъ лошадь, молча запрягалъ ее, медленно и лѣниво двигаясь вкругъ нея маленькими неувѣренными шажками, а когда лошадь, недовольная молчаніемъ, начинала капризничать и заигрывать, молча билъ ее кнутовищемъ. Билъ онъ ее жестоко, съ холодной и злой настойчивостью, и если это случалось въ то время, когда онъ находился въ тяжеломъ состояніи похмелья, то доходилъ до неистовства. Тогда до самаго дома доносился хлестъ кнута и испуганный, дробный, полный боли, стукъ копытъ по дощатому полу сарая. За то, что Янсонъ бьетъ лошадь, хозяинъ билъ его самого, но исправить не могъ, и такъ и бросилъ.

Разъ или два въ мѣсяцъ Янсонъ напивался, и происходило это обычно въ тѣ дни, когда онъ отвозилъ хозяина на большую желѣзнодорожную станцію, гдѣ былъ буфетъ. Ссадивъ хозяина, онъ отъѣзжалъ на

полверсты отъ станціи и тамъ, завязивъ въ снѣгу въ сторонѣ отъ дороги сани и лошадь, пережидалъ отхода поѣзда. Сани стояли бокомъ, почти лежали, лошадь по пузо уходила въ сугробъ раскаряченными ногами и изрѣдка тянула морду внизъ, чтобы лизнуть мягкаго пушистаго снѣга, а Янсонъ полулежалъ въ неудобной позѣ на саняхъ и какъ будто дремалъ. Развязанные наушники его облѣзлой мѣховой шапки безсильно свисали внизъ, какъ уши у лягавой собаки, и было влажно подъ маленькимъ красноватымъ носикомъ.

Потомъ Янсонъ возвращался на станцію и быстро напивался.

Назадъ на ферму, всѣ десять верстъ, онъ несся вскачь. Избитая, доведенная до ужаса лошаденка скакала всѣми четырьмя ногами, какъ угорѣлая, сани раскатывались, наклонялись, бились о столбы, а Янсонъ, опустивъ вожжи и каждую минуту почти вылетая изъ саней, не то пѣлъ, не то выкрикивалъ что-то по эстонски отрывистыми, слѣпыми фразами. А чаще даже и не пѣлъ, а молча, крѣпко стиснувъ зубы отъ наплыва невѣдомой ярости, страданій и восторга, несся впередъ и былъ, какъ слѣпой: не видѣлъ встрѣчныхъ, не окрикалъ, не замедлялъ бѣшенаго хода ни на заворотахъ, ни на спускахъ. Какъ онъ не задавилъ кого-нибидь, какъ самъ не разбился на смерть въ одну изъ такихъ дикихъ поѣздокъ, оставалось непонятнымъ.

Его уже давно слѣдовало прогнать, какъ прогоняли его и съ другихъ мѣстъ, но онъ былъ дешевъ, и другіе работники бывали не лучше, и такъ оставался онъ два года. Событій въ жизни Янсона не было никакихъ. Однажды онъ получилъ письмо по-эстонски, но такъ какъ самъ былъ неграмотенъ, а другіе поэстонски не знали, то такъ письмо и осталось непрочитаннымъ; и съ какимъ-то дикимъ, изувѣрскимъ равнодушіемъ, точно не понимая, что письмо несетъ вѣсти съ родины, Янсонъ бросилъ его въ навозъ.

Попробовалъ еще Янсонъ поухаживать за стряпухой, томясь, видимо, по женщинѣ, но успѣха не имѣлъ и былъ грубо отвергнутъ и осмѣянъ: былъ онъ маленькаго роста, щуплый, лицо имѣлъ веснущатое, дробное, и сонные глазки бутылочнаго, грязнаго цвѣта. И неудачу свою Янсонъ встрѣтилъ равнодушно и больше къ стряпухѣ не приставалъ.

Но, мало говоря, Янсонъ все время къ чему-то прислушивался. Слушалъ онъ и унылое снѣжное поле, съ бугорками застывшаго навоза, похожаго на рядъ маленькихъ занесенныхъ снѣгомъ могилъ, и синія нѣжныя дали, и телеграфные гудящіе столбы—и разговоры людей. Что говорило ему поле и телеграфные столбы, зналъ только онъ одинъ, а разговоры людей были тревожны, полны слухами объ убійствахъ, о грабежахъ, о поджогахъ. И было слышно однажды ночью, какъ въ сосѣднемъ поселкѣ жидко и безпомощно тренькалъ на киркѣ маленькій колоколъ, похожій на колокольчикъ, и трещало пламя пожара: то какіе-то пріѣзжіе ограбили богатую ферму, хозяина и жену его убили, а домъ подожгли.

И на ихней фермѣ жили тревожно: не только ночью, но и днемъ спускали собакъ, и хозяинъ ночью клалъ возлѣ себя ружье. Такое же ружье, но только одноствольное и старое онъ хотѣлъ дать Янсону, но тотъ повертѣлъ ружье въ рукахъ, покачалъ головою и почему-то отказался. Хозяинъ не понялъ причины отказа и обругалъ Янсона, а причина была въ томъ, что Янсонъ больше вѣрилъ въ силу своего финскаго ножа, чѣмъ этой старой ржавой штукѣ.

— Она меня самого убьетъ,—сказалъ Янсонъ, сонно смотря на хозяина стеклянными глазками. И хозяинъ въ отчаяніи махнулъ рукою:

— Ну и дуракъ же ты, Иванъ. Вотъ тутъ и поживи съ такими работниками!

И вотъ этотъ самый Иванъ Янсонъ, не довѣрявшій ружью, въ одинъ зимній вечеръ, когда другого работника услали на станцію, совершилъ весьма сложное

покушеніе: на вооруженный грабежъ, на убійство и на изнасилованіе женщины. Сдѣлалъ онъ это какъ-то удивительно просто: заперъ стряпуху въ кухнѣ, лѣниво, съ видомъ человѣка, которому смертельно хочется спать, подошелъ сзади къ хозяину и быстро, разъ за разомъ, ударилъ его въ спину ножомъ. Хозяинъ въ безпамятствѣ свалился, хозяйка заметалась и завопила, а Янсонъ, оскаливъ зубы, размахивая ножемъ, началъ разворачивать сундуки, коммоды. Досталъ деньги, а потомъ точно впервые увидѣлъ хозяйку и, неожиданно для себя самого, кинулся къ ней, чтобы изнасиловать. Но такъ какъ ножъ при этомъ онъ упустилъ, то хозяйка оказалась сильнѣе и не только не дала себя изнасиловать, а чуть не удушила его. А тутъ заворочался на полу хозяинъ, загремѣла ухватомъ кухарка, вышибая кухонную дверь, и Янсонъ убѣжалъ въ поле. Схватили его черезъ часъ, когда онъ, сидя на корточкахъ за угломъ сарая и зажигая одну за другою тухнущія спички, совершалъ покушеніе на поджогъ.

Черезъ нѣсколько дней хозяинъ умеръ отъ зараженія крови, а Янсона, когда наступилъ его чередъ въ ряду другихъ грабителей и убійцъ, судили и приговорили къ смертной казни. На судѣ онъ былъ такой же, какъ всегда: маленькій, щуплый, веснущатый, съ стеклянными сонными глазками. Онъ, какъ будто, не совсѣмъ понималъ значеніе происходящаго и по виду былъ совершенно равнодушенъ: моргалъ бѣлыми рѣсницами, тупо, безъ любопытства, оглядывалъ незнакомый важный залъ и ковырялъ въ носу жесткимъ, заскорузлымъ негнущимся пальцемъ. Только тѣ, кто видалъ его по воскресеньямъ въ киркѣ, могли бы догадаться, что онъ нѣсколько принарядился; надѣлъ на шею вязаный, грязно-красный шарфъ и кое-гдѣ примочилъ волосы на головѣ; и тамъ, гдѣ волосы были примочены, они темнѣли и лежали гладко, а на другой сторонѣ торчали свѣтлыми и рѣдкими вихрами—какъ соломенки на тощей, градомъ побитой нивѣ.

Когда былъ объявленъ приговоръ: къ смертной казни черезъ повѣшеніе, Янсонъ вдругъ заволновался. Онъ густо покраснѣлъ и началъ завязывать и развязывать шарфъ, точно онъ душилъ его. Потомъ безтолково замахалъ руками и сказалъ, обращаясь къ тому судьѣ, который не читалъ приговора и, показывая пальцемъ на того, который читалъ:

— Она сказала, что меня надо вѣшать.

— Какая такая она? — густо, басомъ, спросилъ предсѣдатель, читавшій приговоръ. Всѣ улыбнулись, пряча улыбки подъ усами и въ бумагахъ, а Янсонъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ на предсѣдателя и сердито, исподлобья, отвѣтилъ:

— Ты!

— Ну?

Янсонъ опять обратилъ глаза къ молчащему, сдержанно улыбавшемуся судьѣ, въ которомъ чувствовалъ друга и человѣка, къ приговору совершенно непричастнаго, и повторилъ:

— Она сказала, что меня надо вѣшать. Меня не надо вѣшать.

— Уведите обвиняемаго.

Но Янсонъ успѣлъ еще разъ убѣдительно и вѣско повторить:

— Меня не надо вѣшать.

Онъ такъ былъ нелѣпъ съ своимъ маленькимъ, сердитымъ лицомъ, которому напрасно пытался придать важность, съ своимъ протянутымъ пальцемъ, что даже конвойный солдатъ, нарушая правила, сказалъ ему вполголоса, уводя изъ зала:

— Ну и дуракъ же ты, парень.

— Меня не надо вѣшать, — упрямо повторилъ Янсонъ.

— Вздернутъ за мое почтеніе, дрыгнуть не успѣешь.

— Ну-ну, помалкивай!—сердито окрикнулъ другой конвойный. Но не утерпѣлъ самъ и добавилъ:

— Тоже грабитель! За что, дуракъ, душу человѣческую загубилъ? Вотъ теперь и повиси.

— Можетъ, помилуютъ?—сказалъ первый солдатъ, которому жалко стало Янсона.

— Какъ же! Такихъ миловать... Ну, буде, поговорили.

Но Янсонъ уже замолчалъ. И опять его посадили въ ту камеру, въ которой онъ уже сидѣлъ мѣсяцъ и къ которой успѣлъ привыкнуть, какъ привыкалъ ко всему: къ побоямъ, къ водкѣ, къ унылому снѣжному полю, усѣянному круглыми бугорками, какъ кладбище. И теперь ему даже весело стало, когда онъ увидѣлъ свою кровать, свое окно съ рѣшеткой, и ему дали поѣсть—съ утра онъ ничего не ѣлъ. Непріятно было только то, что произошло на судѣ, но думать объ этомъ онъ не могъ, не умѣлъ. И смерти черезъ повѣшеніе не представлялъ совсѣмъ.

Хотя Янсонъ и приговоренъ былъ къ смертной казни, но такихъ, какъ онъ, было много, и важнымъ преступникомъ его въ тюрьмѣ не считали. Поэтому съ нимъ разговаривали, безъ опаски, и безъ уваженія, какъ со всякимъ другимъ, кому не предстоитъ смерть. Точно не считали его смерти за смерть. Надзиратель, узнавъ о приговорѣ, сказалъ ему наставительно:

— Что, братъ? Вотъ и повѣсили!

— А когда меня будутъ вѣшать?—недовѣрчиво спросилъ Янсонъ. Надзиратель задумался.

— Ну это, братъ, прійдется тебѣ погодить. Пока партію не собьютъ. А то для одного, да еще для такого, и стараться не стоитъ. Тутъ нуженъ подъемъ.

— Ну, а когда?—настойчиво спрашивалъ Янсонъ. Ему нисколько не было обидно, что одного его даже вѣшать не стоитъ, и онъ этому не повѣрилъ, счелъ за предлогъ, чтобы отсрочить казнь, а потомъ и совсѣмъ отмѣнить ее. И радостно стало: смутный и страшный моментъ, о которомъ нельзя думать, отодвигался куда-то вдаль, становился сказочнымъ и невѣроятнымъ, какъ всякая смерть.

— Когда, когда!—разсердился надзиратель, старикъ тупой и угрюмый.—Это тебѣ не собаку вѣшать, отвелъ за сарай, разъ, и готово. А ты такъ бы и хотѣлъ, дуракъ!

— А я не хочу!—вдругъ весело сморщился Янсонъ.—Это она сказала, что меня надо вѣшать, а я не хочу!

И, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни онъ засмѣялся: скрипучимъ, нелѣпымъ, но страшно веселымъ и радостнымъ смѣхомъ. Какъ будто гусь закричалъ: га-га-га! Надзиратель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, потомъ нахмурился строго: эта нелѣпая веселость человѣка, котораго должны казнить, оскорбляла тюрьму и самую казнь и дѣлала ихъ чѣмъ-то очень страннымъ. И вдругъ на одно мгновеніе, на самое коротенькое мгновеніе, старому надзирателю, всю жизнь проведшему въ тюрьмѣ, ея правила признавшему какъ бы за законы природы—показалась и она и вся жизнь чѣмъ-то въ родѣ сумасшедшаго дома, причемъ онъ, надзиратель, и есть самый главный сумасшедшій.

— Тьфу, чтобъ тебя!—отплюнулся онъ.—Чего зубы скалишь, тутъ тебѣ не кабакъ!

— А я не хочу—га-га-га!—смѣялся Янсонъ.

— Сатана!—сказалъ надзиратель, чувствуя потребность перекреститься.

Менѣе всего былъ похожъ на сатану этотъ человѣчекъ съ маленькимъ дряблымъ личикомъ, но было въ его гусиномъ гоготаньѣ что-то такое, что уничтожало святость и крѣпость тюрьмы. Посмѣйся онъ еще немного—и вотъ развалятся гнилостно стѣны, и упадутъ размокшія рѣшетки, и надзиратель самъ выведетъ арестантовъ за ворота: пожалуйте, господа, гуляйте себѣ по городу—а, можетъ, кто и въ деревню хочетъ? Сатана!

Но Янсонъ уже пересталъ смѣяться и только щурился лукаво.

— Ну то-то!—сказалъ надзиратель съ неопредѣленной угрозой и ушелъ, оглядываясь.

Весь этотъ вечеръ Янсонъ былъ спокоенъ и даже веселъ. Онъ повторялъ про себя сказанную фразу: меня не надо вѣшать, и она была такою убѣдитель-

ною, мудрою, неопровержимой, что ни о чемъ не стоило безпокоиться. О своемъ преступленіи онъ давно забылъ и только иногда жалѣлъ, что не удалось изнасиловать хозяйку. А скоро забылъ и объ этомъ.

Каждое утро Янсонъ спрашивалъ, когда его будутъ вѣшать, и каждое утро надзиратель сердито отвѣчалъ:

— Успѣешь еще, сатана. Посиди! — и уходилъ поскорѣе, пока не успѣлъ Янсонъ разсмѣяться.

И отъ этихъ однообразно повторяющихся словъ, и отъ того, что каждый день начинался, проходилъ и кончался, какъ самый обыкновенный день, Янсонъ безповоротно убѣдился, что никакой казни не будетъ. Очень быстро сталъ забывать онъ о судѣ, и цѣлыми днями валялся на койкѣ, смутно и радостно грезя объ унылыхъ, снѣжныхъ поляхъ съ ихъ бугорками, о станціонномъ буфетѣ, о чемъ-то еще болѣе далекомъ и свѣтломъ. Въ тюрьмѣ его хорошо кормили и какъ-то очень быстро, за нѣсколько дней, онъ пополнѣлъ и сталъ немного важничать.

«Теперь она меня и такъ бы полюбила» — подумалъ онъ какъ-то про хозяйку. — «Теперь я толстый, не хуже хозяина»

И только выпить водки очень хотѣлось — выпить и быстро, быстро прокатиться на лошадкѣ.

Когда террористовъ арестовали, вѣсть объ этомъ дошла до тюрьмы; и, на обычный вопросъ Янсона, надзиратель вдругъ неожиданно и дико отвѣтилъ:

— Теперь скоро.

Глядѣлъ на него спокойно и важно и говорилъ.

— Теперь скоро. Думаю, такъ что черезъ недѣльку:

Янсонъ поблѣднѣлъ и, точно совсѣмъ засыпая, такъ мутенъ былъ взглядъ его стеклянныхъ глазъ, спросилъ:

— Ты шутишь?

— То дождаться не могъ, а то шутишь. У насъ шутокъ не полагается. Это вы шутить любите, а у насъ шутокъ не полагается,—сказалъ надзиратель съ достоинствомъ и ушелъ.

Уже къ вечеру этого дня Янсонъ похудѣлъ. Его растянувшаяся, на время разгладившаяся кожа вдругъ собралась въ множество маленькихъ морщинокъ, кое гдѣ даже обвисла, какъ будто. Глаза сдѣлались совсѣмъ сонными, и всѣ движенія стали такъ медленны и вялы, словно каждый поворотъ головы, движеніе пальцевъ, шагъ ногою былъ такимъ сложнымъ и громоздкимъ предпріятіемъ, которое раньше нужно очень долго обдумывать. Ночью онъ легъ на койку, но глазъ не закрылъ и такъ, сонные, до утра они оставались открыты.

— Ага! — сказалъ надзиратель съ удовольствіемъ, увидѣвъ его на слѣдующій день. — Тутъ тебѣ, голубчикъ, не кабакъ.

Съ чувствомъ пріятнаго удовлетворенія, какъ ученый, опытъ котораго еще разъ удался, онъ съ ногъ до головы, внимательно и подробно оглядѣлъ осужденнаго: теперь все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Сатана посрамленъ, возстановлена святость тюрьмы и казни— и снисходительно, даже жалѣя искренно, старикъ освѣдомился:

— Видѣться съ кѣмъ будешь или нѣтъ?

— Зачѣмъ видѣться?

— Ну, проститься. Мать, напримѣръ, или братъ.

— Меня не надо вѣшать,—тихо сказалъ Янсонъ и искоса поглядѣлъ на надзирателя.—Я не хочу.

Надзиратель посмотрѣлъ—и молча махнулъ рукой.

Къ вечеру Янсонъ нѣсколько успокоился. День былъ такой обыкновенный, такъ обыкновенно свѣтило облачное, зимнее небо, такъ обыкновенно звучали въ корридорѣ шаги и чей-то дѣловой разговоръ, такъ обыкновенно и естественно и обычно пахли щи изъ кислой капусты, что онъ опять пересталъ вѣрить въ казнь. Но къ ночи стало страшно. Прежде Янсонъ ощущалъ ночь просто, какъ темноту, какъ особенное темное время, когда нужно спать, но теперь онъ почувствовалъ ея таинственную и грозную сущность... Чтобы не вѣрить въ смерть, нужно видѣть и слышать вокругъ себя обыкновенное: шаги, голоса, свѣтъ, щи

изъ кислой капусты, а теперь все было необыкновенное, и эта тишина и этотъ мракъ и сами по себѣ были уже какъ будто смертью.

И чѣмъ дальше тянулась ночь, тѣмъ все страшнѣе становилось. Съ наивностью дикаря или ребенка, считающихъ возможнымъ все, Янсону хотѣлось крикнуть солнцу; свѣти! И онъ просилъ, онъ умолялъ, чтобы солнце свѣтило, но ночь неуклонно влекла надъ землею свои черные часы и не было силы, которая могла бы остановить ея теченіе. И эта невозможность, впервые такъ ясно представшая слабому мозгу Янсона, наполнила его ужасомъ: еще не смѣя почувствовать это ясно, онъ уже созналъ неизбѣжность близкой смерти и мертвѣющей ногою вступилъ на первую ступень эшафота.

День опять успокоилъ его, и ночь опять напугала и такъ было до той ночи, когда онъ и созналъ и почувствовалъ, что смерть неизбѣжна и наступитъ черезъ три дня, на разсвѣтѣ, когда будетъ вставать солнце.

Онъ никогда не думалъ о томъ, что такое смерть, и образа для него смерть не имѣла,—но теперь онъ почувствовалъ ясно, увидѣлъ, ощутилъ, что она вошла въ камеру и ищетъ его, шаря руками. И, спасаясь, онъ началъ бѣгать по камерѣ.

Но камера была такая маленькая, что, казалось, не острые, а тупые углы въ ней, и всѣ толкаютъ его на середину. И не за что спрятаться. И дверь заперта. И свѣтло. Нѣсколько разъ, молча, ударился туловищемъ о стѣны, разъ стукнулся о дверь—глухо и пусто. Наткнулся на что-то и упалъ лицомъ внизъ, и тутъ почувствовалъ, что она его хватаетъ. И лежа на животѣ, прилипая къ полу, прячась лицомъ въ его темный, грязный асфальтъ, Янсонъ завопилъ отъ ужаса. Лежалъ и кричалъ во весь голосъ, пока не пришли. И когда его уже подняли съ пола и посадили на койку, и вылили на голову холодной воды, Янсонъ все еще не рѣшался открыть крѣпко зажмуренныхъ глазъ

Пріоткроетъ одинъ, увидитъ свѣтлый пустой уголъ или чей-то сапогъ въ пустотѣ, и опять начнетъ кричать.

Но холодная вода начала дѣйствовать. Помогло и то, что дежурный надзиратель, все тотъ же старикъ, нѣсколько разъ лѣкарственно ударилъ Янсона по головѣ. И это ощущеніе жизни дѣйствительно прогнало смерть, и Янсонъ открылъ глаза, и остальную часть ночи, съ помутившимися мозгами, крѣпко проспалъ. Лежалъ на спинѣ, съ открытымъ ртомъ, и громко, заливисто храпѣлъ; и между неплотно закрытыхъ вѣкъ бѣлѣлъ плоскій и мертвый глазъ безъ зрачка.

А дальше все въ мірѣ, и день, и ночь, и шаги, и голоса, и щи изъ кислой капусты стали для него сплошнымъ ужасомъ, повергли его въ состояніе дикаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго, изумленія. Его слабая мысль не могла связать этихъ двухъ представленій, такъ чудовищно противорѣчащихъ одно другому: обычно свѣтлаго дня, запаха и вкуса капусты—и того, что черезъ два дня, черезъ день онъ долженъ умереть. Онъ ничего не думалъ, онъ даже не считалъ часовъ, а просто стоялъ въ нѣмомъ ужасѣ передъ этимъ противорѣчіемъ, разорвавшимъ его мозгъ на двѣ части; и сталъ онъ ровно блѣдный, ни бѣлѣе, ни краснѣе, и по виду казался спокойнымъ. Только ничего не ѣлъ и совсѣмъ пересталъ спать: или всю ночь, поджавъ пугливо подъ себя ноги, сидѣлъ на табуретѣ, или тихонько, крадучись и сонно озираясь, прогуливался по камерѣ. Ротъ у него все время былъ полураскрытъ, какъ бы отъ непрестаннаго величайшаго удивленія; и прежде чѣмъ взять въ руки какой-нибудь самый обыкновенный предметъ, онъ долго и тупо разсматривалъ его, и бралъ недовѣрчиво.

И когда онъ сталъ такимъ, и надзиратели, и солдатъ, наблюдавшій за нимъ въ окошечко, перестали обращать на него вниманіе. Это было обычное для осужденныхъ состояніе, сходное, по мнѣнію надзирателя, никогда его не испытавшаго, съ тѣмъ, какое бываетъ у убиваемой скотины, когда ее оглушатъ ударомъ обуха по лбу.

— Теперь онъ оглохъ, теперь онъ до самой смерти ничего не почувствуетъ,—говорилъ надзиратель вглядываясь въ него опытными глазами. — Иванъ, слышишь? А, Иванъ?

— Меня не надо вѣшать—тускло отозвался Янсонъ, и снова нижняя челюсть его отвисла.

— А ты бы не убивалъ, тебя бы и не повѣсили,— наставительно сказалъ старшій надзиратель, еще молодой, но очень важный мужчина, въ орденахъ.—А то убить убилъ, а вѣшаться не хочешь.

— Захотѣлъ человѣка на дармовщинку убить. Глупъ, глупъ, а хитеръ.

— Я не хочу,—сказалъ Янсонъ.

— Что жъ, милый, не хоти, дѣло твое,—равнодушно сказалъ старшій.—Лучше бы, чѣмъ глупости говорить, имуществомъ распорядился — все что-нибудь да есть.

— Ничего у него нѣту. Одна рубаха да порты. Да вотъ еще шапка мѣховая—франтъ!

— Такъ прошло время до четверга. А въ четвергъ въ 12 часовъ ночи, въ камеру къ Янсону вошло много народу, и какой-то господинъ съ погонами сказалъ:

— Ну-съ, собирайтесь. Надо ѣхать.

Янсонъ, двигаясь все также медленно и вяло, надѣлъ на себя все, что у него было, и повязалъ грязно-красный шарфъ. Глядя, какъ онъ одѣвается, господинъ въ погонахъ, курившій папиросу, сказалъ кому-то:

— А какой сегодня теплый день. Совсѣмъ весна.

Глазки у Янсона слипались, онъ совсѣмъ засыпалъ и ворочался такъ медленно и туго, что надзиратель прикрикнулъ:

— Ну, ну, живѣе. Заснулъ!

Вдругъ Янсонъ остановился.

— Я не хочу,—сказалъ онъ вяло.

Его взяли подъ руки и повели, и онъ покорно зашагалъ, поднимая плечи. На дворѣ его сразу обвѣяло весеннимъ влажнымъ воздухомъ и подъ носикомъ стало мокро; несмотря на ночь, оттепель стала еще сильнѣе и откуда-то звонко падали на камень частыя,

веселыя капли. И въ ожиданіи, пока въ черную безъ фонарей карету влѣзали, стуча шашками и сгибаясь, жандармы, Янсонъ лѣниво водилъ пальцемъ подъ мокрымъ носомъ и поправлялъ плохо завязанный шарфъ.

4. Мы, орловскіе.

Тѣмъ же присутствіемъ военно-окружного суда, которое судило Янсона, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе крестьянинъ орловской губерніи, елецкаго уѣзда, Михаилъ Голубецъ, по кличкѣ Мишка Цыганокъ, онъ же Татаринъ. Послѣднимъ преступленіемъ его, установленнымъ точно, было убійство трехъ человѣкъ и вооруженное ограбленіе; а дальше уходило въ загадочную глубину его темное прошлое. Были смутные намеки на участіе его въ цѣломъ рядѣ другихъ грабежей и убійствъ, чувствовались позади его кровь и огонь, и темный пьяный разгулъ. Съ полной откровенностью, совершенно искренно, онъ называлъ себя разбойникомъ, и съ ироніей относился къ тѣмъ, которые по модному величали себя «экспропріаторами». О послѣднемъ преступленіи, гдѣ запирательство не вело ни къ чему, онъ разсказывалъ подробно и охотно, на вопросы же о прошломъ только скалилъ зубы и посвистывалъ:

— Ищи вѣтра въ полѣ!

Когда же очень приставали съ разспросами, Цыганокъ принималъ серьезный и достойный видъ.

— Мы всѣ, орловскіе, проломленныя головы,—говорилъ онъ степенно и разсудительно. — Орелъ да Кромы — первые воры. Карачевъ да Ливны — всѣмъ ворамъ дивны. А Елецъ — такъ тотъ всѣмъ ворамъ отецъ. Что-жъ тутъ толковать!

Цыганкомъ его прозвали за внѣшность и воровскія

ухватки. Былъ онъ до странности черноволосъ, худощавъ, съ пятнами желтаго пригара на острыхъ татарскихъ скулахъ; какъ-то по лошадиному выворачивалъ бѣлки глазъ и вѣчно куда-то торопился. Взглядъ у него былъ короткій, быстрый, но до жуткости прямой и полный любопытства, и вещь, на которую онъ коротко взглянулъ, точно теряла что-то, отдавала ему часть себя и становилась другою. Папиросу, на которую онъ взглянулъ, такъ же непріятно и трудно было взять, какъ будто она уже побывала въ чужомъ рту. Какой-то вѣчный неугомонъ сидѣлъ въ немъ, и то скручивалъ его, какъ жгутъ, то разбрасывалъ его широкимъ снопомъ извивающихся искръ. И воду онъ пилъ чуть ли не ведрами, какъ лошадь.

На всѣ вопросы на судѣ онъ, вскакивая быстро, отвѣчалъ коротко, твердо и даже какъ будто съ удовольствіемъ:

— Вѣрно!

Иногда подчеркивалъ:

— Вѣр-р-но!

И совершенно неожиданно, когда рѣчь шла о другомъ, вскочилъ и попросилъ предсѣдателя:

— Дозвольте засвистать!

— Это зачѣмъ?—удивился тотъ.

— А какъ они показываютъ, что я давалъ знакъ товарищамъ, то вотъ. Очень интересно.

Слегка недоумѣвая, предсѣдатель согласился. Цыганокъ быстро вложилъ въ ротъ четыре пальца, по два отъ каждой руки, свирѣпо выкатилъ глаза—и мертвый воздухъ судебнаго зала прорѣзалъ настоящій, дикій, разбойничій посвистъ, отъ котораго прядаютъ и садятся на заднія ноги оглушенныя лошади и блѣднѣетъ невольно человѣческое лицо. И смертельная тоска того, кого убиваютъ, и дикая радость убійцы, и грозное предостереженіе, и зовъ, и тьма осенней ненастной ночи, и одиночество — все было въ этомъ пронзительномъ, и не человѣческомъ, и не звѣриномъ, воплѣ.

Предсѣдатель что-то закричалъ, потомъ замахалъ на Цыганка рукою, и тотъ послушно смолкъ. И какъ артистъ, побѣдоносно исполнившій трудную, но всегда успѣшную арію, сѣлъ, вытеръ о халатъ мокрые пальцы, и самодовольно оглядѣлъ присутствующихъ.

— Вотъ разбойникъ!—сказалъ одинъ изъ судей, потирая ухо. Но другой, съ широкой русской бородою и татарскими, какъ у Цыганка, глазами, мечтательно поглядѣлъ куда-то поверхъ Цыганка, улыбнулся и возразилъ:

— А, вѣдь, дѣйствительно интересно.

И съ спокойнымъ сердцемъ, безъ жалости и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, судьи вынесли Цыганку смертный приговоръ.

— Вѣрно!—сказалъ Цыганокъ, когда приговоръ былъ прочитанъ.—Во чистомъ полѣ да перекладинка. Вѣрно!

И, обратясь къ конвойному, молодецки бросилъ:

— Ну, идемъ что ли, кислая шерсть. Да ружье крѣпче держи—отыму!

Солдатъ сурово, съ опаскою, взглянулъ на него, переглянулся съ товарищемъ и пощупалъ замокъ у ружья. Другой сдѣлалъ такъ же. И всю дорогу до тюрьмы солдаты точно не шли, а летѣли по воздуху—такъ, поглощенные преступникомъ, не чувствовали они ни земли подъ ногами, ни времени, ни самихъ себя.

До казни Мишкѣ Цыганку, какъ и Янсону, пришлось провести въ тюрьмѣ семнадцать дней. И всѣ семнадцать дней пролетѣли для него такъ быстро, какъ одинъ—какъ одна неугасающая мысль о побѣгѣ, о волѣ и о жизни. Неугомонъ, владѣвшій Цыганкомъ и теперь сдавленный стѣнами и рѣшетками, и мертвымъ окномъ, въ которое ничего не видно, обратилъ всю свою ярость внутрь и жегъ мысль Цыганка, какъ разбросанный по доскамъ уголь. Точно въ пьяномъ угарѣ, роились, сшибались и путались яркіе, но незаконченные образы, неслись мимо въ неудержимомъ ослѣпительномъ вихрѣ, и всѣ устремлялись къ одному—

къ побѣгу, къ волѣ, къ жизни. То, раздувая ноздри, какъ лошадь, Цыганокъ по цѣлымъ часамъ нюхалъ воздухъ—ему чудилось, что пахнетъ коноплями, и пожарнымъ дымкомъ, безцвѣтной и ѣдкою гарью; то волчкомъ крутился по камерѣ, быстро ощупывая стѣны, постукивая пальцемъ, примѣряясь, точа взглядомъ потолокъ, перепиливая рѣшетки. Своею неугомонностью онъ измучилъ солдата, наблюдавшаго за нимъ въ глазокъ, и уже нѣсколько разъ, въ отчаяніи, солдатъ грозилъ стрѣлять; Цыганокъ грубо и насмѣшливо возражалъ и только потому дѣло кончалось мирно, что препирательство скоро переходило въ простую, мужицкую, неоскорбительную брань, при которой стрѣльба казалась нелѣпой и невозможной.

Ночи свои Цыганокъ спалъ крѣпко, почти не шевелясь, въ неизмѣнной, но живой неподвижности, какъ бездѣйствующая временно пружина. Но вскочивъ — тотчасъ принимался вертѣться, соображать, ощупывать. Руки у него постоянно были сухія и горячія, но сердце иногда вдругъ холодѣло: точно въ грудь клали кусокъ нетающаго льду, отъ котораго по всему тѣлу разбѣгалась мелкая сухая дрожь. И безъ того темный, въ эти минуты Цыганокъ чернѣлъ, принималъ оттѣнокъ синеватаго чугуна. И странная привычка у него появилась: точно объѣвшись чего-то чрезмѣрно и невыносимо сладкаго, онъ постоянно облизывалъ губы, чмокалъ и съ шипѣніемъ, сквозь зубы, сплевывалъ на полъ набѣгающую слюну. И не договаривалъ словъ: такъ быстро бѣжали мысли, что языкъ не успѣвалъ догнать ихъ.

Однажды днемъ, въ сопровожденіи конвойнаго, къ нему вошелъ старшій надзиратель. Покосился на заплеванный полъ и угрюмо сказалъ:

— Ишь, запакостилъ!

Цыганокъ быстро возразилъ:

— Ты вотъ, жирная морда, всю землю запакостилъ, а я тебѣ ничего. Зачѣмъ прилѣзъ?

Все также угрюмо надзиратель предложилъ ему

стать палачемъ. Цыганокъ оскалилъ зубы и захохоталъ.

— Ай не находится? Ловко! Вотъ и повѣсь поди, ха-ха! И шея есть, и веревка есть, а вѣшать-то некому. Ей-Богу, ловко!

Живъ останешься за то.

— Ну еще бы: не мертвый же я тебѣ вѣшать буду. Сказалъ, дуракъ!

— Такъ какъ же? Тебѣ-то все равно: такъ или этакъ.

— А какъ у васъ вѣшаютъ? Небойсь, втихомолку душатъ!

— Нѣтъ, съ музыкой,—огрызнулся надзиратель.

— Ну и дуракъ. Конечно, надо съ музыкой. Вотъ такъ—и онъ запѣлъ что-то залихватское.

— Совсѣмъ ты, милый, порѣшился,—сказалъ надзиратель.—Ну такъ какъ же, говори толкомъ.

Цыганокъ оскалился:

— Какой скорый! Еще разокъ прійди, тогда скажу.

И въ хаосъ яркихъ, но незаконченныхъ образовъ, угнетавшихъ Цыганка своею стремительностью, ворвался новый: какъ хорошо быть палачемъ въ красной рубахѣ. Онъ живо представлялъ себѣ площадь, залитую народомъ, высокій помостъ, и какъ онъ, Цыганокъ, въ красной рубахѣ разгуливаетъ по немъ съ топорикомъ. Солнце освѣщаетъ головы, весело поблескиваетъ на топорикѣ, и такъ все весело и богато, что даже тотъ, кому сейчасъ рубить голову, тоже улыбается. А за народомъ видны телѣги и морды лошадей—то мужики наѣхали изъ деревни; а дальше видно поле.

— Ц-ахъ!—чмокалъ Цыганокъ, облизываясь, и сплевывалъ набѣгавшую слюну. И вдругъ точно мѣховую шапку нахлобучили ему до самаго рта: становилось темно и душно, и кускомъ нетающаго льда дѣлалось сердце, посылая мелкую сухую дрожь.

Еще раза два заходилъ надзиратель, и, оскаливъ зубы, Цыганокъ говорилъ:

— Какой скорый. Еще разокъ зайди.

И наконецъ, мелькомъ, въ форточку, надзиратель крикнулъ:

— Проворонилъ свое счастье, ворона. Другого нашли.

— Ну и чортъ съ тобой, вѣшай самъ!—огрызнулся Цыганокъ. И пересталъ мечтать о палачествѣ.

Но подъ конецъ, чѣмъ ближе къ казни, стремительность разорванныхъ образовъ становилась невыносимою. Цыганку уже хотѣлось остановиться, раскарячить ноги и остановиться—но крутящійся потокъ уносилъ его и ухватиться не за что было: все плыло кругомъ. И уже сталъ безпокойнымъ сонъ: появились новыя, выпуклыя, тяжелыя, какъ деревянныя раскрашенныя чурки, сновидѣнія, еще болѣе стремительныя, чѣмъ мысли. Уже не потокъ это былъ, а безконечное паденіе съ безконечной горы, кружащійся полетъ черезъ весь видимо-красочный міръ. На волѣ Цыганокъ носилъ одни довольно франтовскіе усы, а въ тюрьмѣ у него отросла короткая, черная, колючая борода, и это дѣлало его страшнымъ и сумасшедшимъ по виду. Временами Цыганокъ дѣйствительно забывался и совершенно безсмысленно кружился по камерѣ, но все еще ощупывалъ шершавыя, штукатуренныя стѣны. И воду пилъ, какъ лошадь.

Какъ-то къ вечеру, когда зажгли огонь, Цыганокъ всталъ на четвереньки посреди камеры и завылъ дрожащимъ волчьимъ воемъ. Былъ онъ какъ-то особенно серьезенъ при этомъ и вылъ такъ, будто дѣлалъ важное и необходимое дѣло. Набиралъ полную грудь воздуху и медленно выпускалъ его въ продолжительномъ, дрожащемъ вое; и внимательно, зажмуривъ глаза, прислушивался, какъ выходитъ. И самая дрожь въ голосѣ казалась нѣсколько умышленною; и не кричалъ онъ безтолково, а выводилъ тщательно каждую ноту въ этомъ звѣриномъ воплѣ, полномъ несказаннаго ужаса и скорби.

Потомъ сразу оборвалъ вой и нѣсколько минутъ, не поднимаясь съ четверенекъ, молчалъ. Вдругъ тихонько, въ землю, забормоталъ:

— Голубчики, миленькіе... Голубчики, миленькіе, пожалѣйте... Голубчики!.. Миленькіе!..

И тоже какъ будто прислушивался, какъ выходитъ. Скажетъ слово и прислушается.

Потомъ вскочилъ — и цѣлый часъ, не переводя духу, ругался по матерщинѣ.

— У такіе, сякіе, туда-то-та-та!—оралъ онъ, выворачивая налившіеся кровью глаза.—Вѣшать, такъ вѣшать, а не то... У такіе, сякіе...

И бѣлый, какъ мѣлъ, солдатъ, плача отъ тоски, отъ ужаса, тыкалъ въ дверь дуломъ ружья и безпомощно кричалъ:

— Застрѣлю! Ей-Богу, застрѣлю! Слышишь!

Но стрѣлять не смѣлъ: въ приговоренныхъ къ казни, если не было настоящаго бунта, никогда не стрѣляли. А Цыганокъ скрипѣлъ зубами, бранился и плевалъ—его человѣческій мозгъ, поставленный на чудовищно острую грань между жизнью и смертью, распадался на части, какъ комокъ сухой и вывѣтрившейся глины.

Когда явились ночью въ камеру, чтобы везти Цыганка на казнь, онъ засуетился и какъ будто ожилъ. Во рту стало еще слаще, и слюна набиралась неудержимо, но щеки немного порозовѣли и въ глазахъ заискрилось прежнее, немного дикое лукавство. Одѣваясь, онъ спросилъ чиновника:

— Кто будетъ вѣшать-то? Новый? Поди, еще руку не набилъ.

— Объ этомъ вамъ нечего безпокоиться — сухо отвѣтилъ чиновникъ.

— Какъ же не безпокоиться, ваше благородіе, вѣшать-то будутъ меня, а не васъ. Вы хоть мыла-то казеннаго на удавочку не пожалѣйте.

— Хорошо, хорошо, прошу васъ замолчать.

— А то онъ у васъ тутъ все мыло поѣлъ,—указалъ Цыганокъ на надзирателя,—ишь, какъ рожа-то лоснится.

— Молчать!

— Ужъ не пожалѣйте!

Цыганокъ захохоталъ, но во рту становилось все слаще и вдругъ какъ-то странно начали нѣмѣть ноги. Все же, выйдя на дворъ, онъ сумѣлъ крикнуть:

— Карету графа Бенгальскаго!

5. Поцѣлуй и молчи.

Приговоръ относительно пяти террористовъ былъ объявленъ въ окончательной формѣ и въ тотъ же день конфирмованъ. Осужденнымъ не сказали, когда будетъ казнь, но по тому, какъ это дѣлалось обычно они знали, что ихъ повѣсятъ въ эту же ночь или, самое позднее, въ слѣдующую. И когда имъ предложили видѣться на слѣдующій день, т.-е. въ четвергъ, съ родными, они поняли, что казнь будетъ въ пятницу на разсвѣтѣ.

У Тани Ковальчукъ близкихъ родныхъ не было, а тѣ, что и были, находились гдѣ-то въ глуши, въ Малороссіи и едва ли даже знали о судѣ и предстоящей казни; у Муси и Вернера, какъ неизвѣстныхъ, родныхъ совсѣмъ не предполагалось, и только двоимъ, Сергѣю Головину и Василію Каширину, предстояло свиданіе съ родителями. И оба они съ ужасомъ и тоскою думали объ этомъ свиданіи, но не рѣшились отказать старикамъ въ послѣднемъ разговорѣ, въ послѣднемъ поцѣлуѣ.

Особенно мучился предстоящимъ свиданіемъ Сергѣй Головинъ. Онъ очень любилъ отца своего и мать, еще совсѣмъ недавно видѣлся съ ними и теперь былъ въ ужасѣ,—что это будетъ такое. Самая казнь, во всей ея чудовищной необычности, въ поражающемъ мозгъ безуміи ея—представлялась воображенію легче и казалась не такою страшною, какъ эти нѣсколько минутъ, короткихъ и непонятныхъ, стоящихъ какъ

бы внѣ времени, какъ бы внѣ самой жизни. Какъ смотрѣть — что думать — что говорить — отказывался понять его человѣческій мозгъ. Самое простое и обычное: взять за руку, поцѣловать, сказать: «здравствуй, отецъ»,—казалось непостижимо ужаснымъ въ своей чудовищной, нечеловѣческой, безумной лживости.

Послѣ приговора осужденныхъ не посадили вмѣстѣ, какъ предполагала Ковальчукъ, а оставили каждаго въ своей одиночкѣ; и все утро, до одиннадцати часовъ, когда пришли родители, Сергѣй Головинъ шагалъ бѣшено по камерѣ, щипалъ бородку, морщился жалко и что-то ворчалъ. Иногда на всемъ ходу останавливался, набиралъ полную грудь воздуху и отдувался, какъ человѣкъ, который слишкомъ долго пробылъ подъ водою. Но такъ онъ былъ здоровъ, такъ крѣпко сидѣла въ немъ молодая жизнь, что даже въ эти минуты жесточайшихъ страданій кровь играла подъ кожей и окрашивала щеки, и свѣтло и наивно голубѣли глаза.

Произошло все, однако, гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ Сергѣй.

Первымъ вошелъ въ комнату, гдѣ происходило свиданіе, отецъ Сергѣя, полковникъ въ отставкѣ, Николай Сергѣевичъ Головинъ. Былъ онъ весь ровно бѣлый, лицо, борода, волосы и руки, какъ будто снѣжную статую обрядили въ человѣческое платье; и все тотъ же былъ сюртучекъ, старенькій, но хорошо вычищенный, пахнущій бензиномъ, съ новенькими поперечными погонами; и вошелъ онъ твердо, парадно, крѣпкими, отчетливыми шагами. Протянулъ бѣлую сухую руку и громко сказалъ:

— Здравствуй, Сергѣй!

За нимъ мелко шагала мать и странно улыбалась. Но тоже пожала руку и громко повторила:

— Здравствуй, Сереженька!

Поцѣловала въ губы — и молча сѣла. Не бросилась, не заплакала, не закричала, не сдѣлала чего то ужаснаго, чего ожидалъ Сергѣй,—а поцѣловала и, молча,

сѣла. И даже расправила дрожащими руками черное шелковое платье.

Сергѣй не зналъ, что всю предыдущую ночь, затворившись въ своемъ кабинетикѣ, полковникъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ обдумывалъ этотъ ритуалъ. Не отягчить, а облегчить должны мы послѣднюю минуту нашему сыну, — твердо рѣшилъ полковникъ и тщательно взвѣшивалъ каждую возможную фразу завтрашняго разговора, каждое движеніе. Но иногда запутывался, терялъ и то, что успѣлъ приготовить, и горько плакалъ въ углу клеенчатаго дивана. А утромъ объяснилъ женѣ, какъ нужно держать себя на свиданіи.

— Главное, поцѣлуй — и молчи! — училъ онъ. — Потомъ можешь и говорить, нѣсколько спустя, а когда поцѣлуешь, то молчи. Не говори сразу послѣ поцѣлуя, понимаешь? а то скажешь не то, что слѣдуетъ.

— Понимаю, Николай Сергѣевичъ,—отвѣчала мать плача.

— И не плачь. Избавь тебя Господи плакать! Да ты его убьешь, если плакать будешь, старуха!

— А зачѣмъ же ты самъ плачешь?

— Съ вами заплачешь! Не должна плакать, слышишь?

— Хорошо, Николай Сергѣевичъ.

На извозчикѣ онъ хотѣлъ еще разъ повторить наставленіе, но позабылъ. И такъ и ѣхали они молча, согнувшись, оба сѣдые и старые, и думали, а городъ весело шумѣлъ: была масляная недѣля, и на улицахъ было шумно и людно.

Сѣли. Полковникъ сталъ въ приготовленной позѣ, заложивъ правую руку за бортъ сюртука. Сергѣй посидѣлъ одно мгновеніе, встрѣтилъ близко морщинистое лицо матери и вскочилъ.

— Посиди, Сереженька,—попросила мать.

— Сядь, Сергѣй,—подтвердилъ отецъ.

Помолчали. Мать странно улыбалась.

— Какъ мы хлопотали за тебя, Сереженька. Отецъ...

— Напрасно это, мамочка...

Полковникъ твердо сказалъ:

— Мы должны были сдѣлать это, Сергѣй, чтобы ты не думалъ что родители оставили тебя.

Опять помолчали. Было страшно произнести слово, какъ будто каждое слово въ языкѣ потеряло свое значеніе и значило только одно: смерть. Сергѣй посмотрѣлъ на чистенькій, пахучій бензиномъ, сюртучекъ отца и подумалъ: теперь денщика нѣтъ, значитъ, онъ самъ его чистилъ. Какъ же это я раньше не замѣчалъ, когда онъ чиститъ сюртукъ? Утромъ, должно быть. И вдругъ спросилъ:

— А какъ сестра? Здорова?

— Ниночка ничего не знаетъ,—поспѣшно отвѣтила мать.

Но полковникъ строго остановилъ ее:

— Зачѣмъ лгать? Дѣвочка прочла въ газетахъ. Пусть Сергѣй знаетъ, что всѣ... близкіе его... въ это время... думали и...

Дальше онъ не сумѣлъ продолжать и остановился. Вдругъ лицо матери, какъ-то сразу, смялось, расплылось, заколыхалось, стало мокрымъ и дикимъ. Выцвѣтшіе глаза безумно таращились, дыханіе дѣлалось все чаще и короче и громче.

— Се... Сер... Се... Се... —повторяла она, не сдвигая губъ. Се...

— Мамочка!

Полковникъ шагнулъ впередъ и весь трясясь, каждой складкой своего сюртука, каждою морщинкою лица, не понимая, какъ самъ онъ ужасенъ въ своей мертвенной бѣлизнѣ, въ своей вымученной отчаянной твердости, заговорилъ женѣ:

— Молчи! Не мучь его! Не мучь! Не мучь! Ему умирать! Не мучь!

Испуганная, она уже молчала, а онъ все еще сдержанно трясъ передъ грудью сжатыми кулаками и твердилъ:

— Не мучь!

Потомъ отошелъ назадъ, заложилъ за бортъ сюртука дрожащую руку и громко, съ выраженіемъ усиленнаго спокойствія, спросилъ бѣлыми губами:

— Когда?

— Завтра, утромъ—такими же бѣлыми губами отвѣтилъ Сергѣй.

Мать смотрѣла внизъ, жевала губами и какъ будто ничего не слышала. И, продолжая жевать, точно выронила простыя и странныя слова:

— Ниночка велѣла поцѣловать тебя, Сереженька.

— Поцѣлуй ее отъ меня,—сказалъ Сергѣй.

— Хорошо. Еще Хвостовы тебѣ кланяются.

— Какіе Хвостовы? Ахъ, да!

Полковникъ перебилъ:

Ну, надо итти. Поднимайся, мать, надо.

Вдвоемъ они подняли ослабѣвшую мать.

— Простись!—приказалъ полковникъ.—Перекрести.

Она сдѣлала все, что ей говорили. Но крестя и цѣлуя сына коротким поцѣлуемъ, она качала головою и твердила безсмысленно:

— Нѣтъ, это не такъ. Нѣтъ, не такъ. Нѣтъ, нѣтъ. Какъ же я потомъ? Какъ же я скажу? Нѣтъ, не такъ.

— Прощай, Сергѣй!—сказалъ отецъ. Они пожали руки и крѣпко, но коротко поцѣловались.

— Ты...—началъ Сергѣй.

— Ну?—отрывисто спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, не такъ. Нѣтъ, нѣтъ. Какъ же я скажу?—твердила мать, покачивая головою. Она уже опять успѣла сѣсть и вся покачивалась.

— Ты...—опять началъ Сергѣй. Вдругъ лицо его жалко, по ребячьи сморщилось и глаза сразу залило слезами. Сквозь ихъ искрящуюся грань онъ близко увидѣлъ бѣлое лицо отца съ такими же глазами.

— Ты, отецъ, благородный человѣкъ.

— Что ты! Что ты! — испугался полковникъ. И вдругъ, точно сломавшись, упалъ головою на плечо къ сыну. Былъ онъ когда-то выше Сергѣя, а теперь

сталъ низенькимъ, и пушистая, сухая голова бѣленькимъ комочкомъ лежала на плечѣ сына. И оба молча жадно цѣловали: Сергѣй пушистые бѣлые волосы, а онъ арестантскій халатъ.

— А я?—вдругъ сказалъ громкій голосъ.

Оглянулись: мать стояла и, закинувъ голову, смотрѣла съ гнѣвомъ, почти съ ненавистью.

— Что ты, мать?—крикнулъ полковникъ.

— А я?—говорила она, качая головою, съ безумной выразительностью.—Вы цѣлуетесь, а я? Мужчины, да? А я? А я?

— Мамочка!—бросился къ ней Сергѣй.

Тутъ было то, о чемъ нельзя и не надо разсказывать.

Послѣдними словами полковника были:

— Благословляю тебя на смерть, Сережа. Умри храбро, какъ офицеръ.

И они ушли. Какъ-то ушли. Были, стояли, говорили—и вдругъ ушли. Вотъ здѣсь сидѣла мать, вотъ здѣсь стоялъ отецъ—и вдругъ, какъ-то, ушли. Вернувшись въ камеру, Сергѣй легъ на койку, лицомъ къ стѣнѣ, чтобы укрыться отъ солдатъ, и долго плакалъ. Потомъ усталъ отъ слезъ и крѣпко уснулъ.

Къ Василію Каширину пришла только мать—отецъ, богатый торговецъ, не пожелалъ прійти. Василій встрѣтилъ старуху, шагая по комнатѣ и дрожа отъ холода, хотя было тепло и даже жарко. И разговоръ былъ короткій, тяжелый.

— Не стоило вамъ, мамаша, приходить. Только себя и меня измучаете.

— Зачѣмъ ты это, Вася! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ! Господи!—Старуха заплакала, утираясь кончиками чернаго шерстяного платка. И съ привычкою, которая была у него и его братьевъ, кричать на мать, которая ничего не понимаетъ, онъ остановился и, дрожа отъ холода, сердито заговорилъ:

— Ну вотъ! Такъ я и зналъ! Вѣдь вы же ничего не понимаете, мамаша! Ничего!

— Ну, ну, хорошо. Что тебѣ—холодно?

— Холодно...—отрѣзалъ Василій и опять зашагалъ, искоса, сердито глядя на мать.

— Можетъ, простудился?

— Ахъ, мамаша, какая тутъ простуда, когда...

И безнадежно махнулъ рукою. Старуха хотѣла сказать: «а нашъ-то, съ понедѣльника велѣлъ блины ставить», но испугалась и заголосила:

— Говорила я ему: вѣдь сынъ вѣдь, пойди, дай отпущеніе. Нѣтъ, уперся, старый козелъ...

— Ну его къ чорту. Какой онъ мнѣ отецъ! Какъ былъ всю жизнь мерзавцемъ, такъ и остался.

— Васенька, это про отца-то!—старуха вся укоризненно вытянулась.

— Про отца.

— Про родного отца!

— Какой онъ мнѣ родной отецъ.

Было дико и нелѣпо. Впереди стояла смерть, а тутъ выростало что-то маленькое, пустое, ненужное и слова трещали, какъ пустая скорлупа орѣховъ подъ ногою. И почти плача—отъ тоски, отъ того вѣчнаго непониманія, которое стѣною всю жизнь стояло между нимъ и близкими, и теперь, въ послѣдній предсмертный часъ, дико таращило свои маленькіе глупые глаза—Василій закричалъ:

— Да поймите же вы, что меня вѣшать будутъ! Вѣшать! Понимаете или нѣтъ? Вѣшать!

— А ты бы не трогалъ людей, тебя бы...—кричала старуха.

— Господи! Да что же это! Вѣдь этого даже у звѣрей не бываетъ. Сынъ я вамъ или нѣтъ?

Онъ заплакалъ и сѣлъ въ уголъ. Заплакала и старуха въ своемъ углу. Безсильные хоть на мгновеніе слиться въ чувствѣ любви и противопоставить его ужасу грядущей смерти, плакали они холодными не согрѣвающими сердца слезами одиночества. Мать сказала:

— Ты вотъ говоришь, мать я тебѣ или нѣтъ, упрекаешь. А я за эти дни совсѣмъ посѣдѣла, старухой стала. А ты говоришь, упрекаешь.

— Ну хорошо, хорошо, мамаша. Простите. Итти вамъ надо. Братьевъ тамъ поцѣлуйте.

— Развѣ я не мать? Развѣ мнѣ не жалко?

Наконецъ ушла. Плакала горько, утираясь кончиками платка, не видѣла дороги. И чѣмъ дальше отходила отъ тюрьмы, тѣмъ горючѣе лились слезы. Пошла назадъ къ тюрьмѣ, потомъ заблудилась дико въ городѣ, гдѣ родилась, выросла, состарилась. Забрела въ какой-то пустынный садикъ съ нѣсколькими старыми, обломанными деревьями, и сѣла на мокрой оттаявшей лавочкѣ, И вдругъ поняла: его завтра будутъ вѣшать.

Старуха вскочила, хотѣла бѣжать, но вдругъ крѣпко закружилась голова, и она упала. Ледяная дорожка обмокла, была скользкая, и старуха никакъ не могла подняться: вертѣлась, приподнималась на локтяхъ и колѣнахъ, и снова валилась на бокъ. Черный платокъ сползъ съ головы, открывъ на затылкѣ лысину среди грязно-сѣдыхъ волосъ; и почему-то чудилось ей, что она пируетъ на свадьбѣ: женятъ сына и она выпила вина и захмелѣла сильно.

— Не могу. Ей же Богу, не могу!—отказывалась она, мотая головою, и ползала по ледяному мокрому насту, а ей все лили вино, все лили.

И уже больно становилось сердцу отъ пьянаго смѣха, отъ угощеній, отъ дикаго пляса,—а ей все лили вино. Все лили.

6. Часы бѣгутъ.

Въ крѣпости, гдѣ сидѣли осужденные террористы, находилась колокольня съ старинными часами. Каждый часъ, каждые полчаса, каждую четверть часы вызва-

нивали что-то тягучее, что-то печальное, медленно тающее въ высотѣ, какъ отдаленный и жалобный кликъ перелетныхъ птицъ. Днемъ эта странная и печальная музыка терялась въ шумѣ города, большой и людной улицы, проходившей возлѣ крѣпости. Гудѣли трамваи, чокали копыта лошадей, далеко впередъ кричали покачивающіеся автомобили; на масленицу изъ окрестностей города понаѣхали особенные масленичные извозчики-крестьяне, и бубенцы на шеѣ ихъ малорослыхъ лошаденокъ наполняли воздухъ жужжаніемъ. И говоръ стоялъ: немного пьяный, веселый, масленичный говоръ; и такъ шла къ разноголосицѣ молодая весенняя оттепель, мутныя лужи на панели, вдругъ почернѣвшія деревья сквера. Съ моря, широкими, влажными порывами дулъ теплый вѣтеръ: казалось, глазами можно было видѣть, какъ въ дружномъ полетѣ уносятся въ безбрежную свободную даль крохотныя, свѣжія частички воздуха и смѣются, летя.

Ночью улица затихала въ одинокомъ свѣтѣ большихъ электрическихъ солнцъ. И тогда огромная крѣпость, въ плоскихъ стѣнахъ которой не было ни одного огонька, уходила въ мракъ и тишину, чертою молчанія, неподвижности и тьмы отдѣляла себя отъ вѣчно живого, движущагося города. И тогда слышенъ становился бой часовъ; чуждая землѣ, медленно и печально рождалась и гасла въ высотѣ странная мелодія. Снова рождалась, обманывая ухо, звенѣла жалобно и тихо—обрывалась — снова звенѣла. Какъ большія, прозрачныя, стеклянныя капли, съ невѣдомой высоты, падали въ металлическую, тихо звенящую чашу часы и минуты. Или перелетныя птицы летѣли.

Въ камеры, гдѣ сидѣли по одному осужденные, и днемъ, и ночью приносился только одинъ этотъ звонъ. Сквозь крышу, сквозь толщу каменныхъ стѣнъ проникалъ онъ, колебля тишину, — уходилъ незамѣтно, чтобы снова, также незамѣтно, прійти. Иногда о немъ забывали и не слышали его; иногда съ отчаяніемъ ждали его, живя отъ звона и до звона, уже не довѣряя

ишинѣ. Только для важныхъ преступниковъ была предназначена тюрьма, особенныя были въ ней правила, суровыя, твердыя и жесткія, какъ уголъ крѣпостной стѣны; и если въ жестокости есть благородство, то была благородна глухая, мертвая, торжественно нѣмая тишина, ловящая шорохи и легкое дыханіе.

И въ этой торжественной тишинѣ, колеблемой печальнымъ звономъ убѣгающихъ минутъ, отдѣленные отъ всего живого, пять человѣкъ, двѣ женщины и трое мущинъ, ожидали наступленія ночи, разсвѣта и казни, и каждый, по своему, готовились къ ней.

7. Смерти нѣтъ.

Какъ во всю жизнь свою Таня Ковальчукъ думала только о другихъ, и никогда о себѣ, такъ и теперь только за другихъ мучалась она и тосковала сильно. Смерть она представляла себѣ постольку, поскольку предстоитъ она, какъ нѣчто мучительное, для Сережи Головина, для Муси, для другихъ—ея же самой она какъ бы не касалась совсѣмъ.

И вознаграждая себя за вынужденную твердость на судѣ, она цѣлыми часами плакала—какъ умѣютъ плакать старыя женщины, знавшія много горя, или молодые, но очень жалостливые, очень добрые люди. И предположеніе о томъ, что у Сережи можетъ не оказаться табаку, а Вернеръ можетъ быть лишенъ своего привычнаго крѣпкаго чаю, и это еще вдобавокъ къ тому, что они должны умереть—мучило ее, пожалуй, не меньше, чѣмъ самая мысль о казни. Казнь, это что-то неизбѣжное, и даже постороннее, о чемъ и думать не стоитъ, а если у человѣка въ тюрьмѣ, да еще передъ казнью, нѣтъ табаку, это совсѣмъ невыносимо. Вспоминала, перебирала милыя подробности совмѣст-

наго житья и замирала отъ страха, воображая встрѣчу Сергѣя съ родителями.

И особенною жалостью жалѣла она Мусю. Уже давно ей казалось, что Муся любитъ Вернера, и хотя это была совершенная неправда, все же мечтала для нихъ обоихъ о чемъ-то хорошемъ и свѣтломъ. На свободѣ Муся носила серебрянное колечко, на которомъ былъ изображенъ черепъ, кость и терновый вѣнецъ вокругъ нихъ; и часто, съ болью, смотрѣла Таня Ковальчукъ на это кольцо, какъ на символъ обреченности, и то шутя, то серьезно упрашивала Мусю снять его.

— Подари его мнѣ,—упрашивала она.

— Нѣтъ, Танечка, не подарю. А у тебя скоро на пальцѣ другое кольцо будетъ.

Почему-то, въ свою очередь, о ней думали, что она непремѣнно и въ скоромъ времени должна выйти замужъ, и это обижало ее,—никакого мужа она не хотѣла. И вспоминая эти полушутливые разговоры свои съ Мусей, и то, что Муся теперь дѣйствительно обречена, она задыхалась отъ слезъ, отъ материнской жалости. И всякій разъ, какъ били часы, поднимала заплаканное лицо и прислушивалась—какъ тамъ, въ тѣхъ камерахъ, принимаютъ этотъ тягучій, настойчивый зовъ смерти.

А Муся была счастлива.

Заложивъ за спину руки, въ большомъ, не по росту, арестантскомъ халатѣ, дѣлающимъ ее странно похожей на мужчину, на мальчика-подростка, одѣвшагося въ чужое платье, она шагала ровно и неутомимо. Рукава халата были ей длинны, и она отвернула ихъ, и тонкія, почти дѣтскія, исхудалыя руки выходили изъ широкихъ отверстій, какъ стебли цвѣтка изъ отверстія грубаго, грязнаго кувшина. Тонкую бѣлую шею шерстила и натирала жесткая матерія, и изрѣдка, движеніемъ обѣихъ рукъ, Муся высвобождала горло и осторожно нащупывала пальцемъ то мѣсто, гдѣ краснѣла и саднѣла раздраженная кожа.

Муся шагала—и оправдывалась передъ людьми, волнуясь и краснѣя. И оправдывалась она въ томъ, что ее, молоденькую, незначительную, сдѣлавшую такъ мало и совсѣмъ не героиню, подвергнутъ той самой почетной и прекрасной смерти, какою умирали до нея настоящіе герои и мученики. Съ непоколебимой вѣрой въ людскую доброту, въ сочувствіе, въ любовь, она представляла себѣ, какъ теперь волнуются изъ-за нея люди, какъ мучаются, какъ жалѣютъ—и ей было совѣстно до красноты. Точно, умирая на висѣлицѣ, она совершала какую-то огромную неловкость.

Она уже просила при послѣднемъ свиданіи своего защитника, чтобы онъ досталъ ей яду, но вдругъ спохватилась: а если онъ и другіе подумаютъ, что это она изъ рисовки, или изъ трусости, и вмѣсто того, чтобы умереть скромно и незамѣтно, надѣлаетъ шуму еще больше? И торопливо добавила:

— Нѣтъ, впрочемъ, не надо.

И теперь она хотѣла только одного: объяснить людямъ и доказать имъ точно, что она не героиня, что умирать вовсе не страшно, и чтобы о ней не жалѣли и не заботились. Объяснить имъ, что она вовсе не виновата въ томъ, что ее, молоденькую, незначительную, подвергаютъ такой смерти и поднимаютъ изъ-за нея столько шуму.

Какъ человѣкъ, котораго дѣйствительно обвиняютъ, Муся искала оправданій, пыталась найти хоть что-нибудь, что возвысило бы ея жертву, придало ей настоящую цѣну. Разсуждала:

— Конечно, я молоденькая и могла бы еще долго жить. Но?..

И какъ меркнетъ свѣча въ блескѣ взошедшаго солнца, тусклой и темной казалась молодость и жизнь передъ тѣмъ великимъ и лучезарнымъ, что должно озарить ея скромную голову. Нѣтъ оправданія.

Но быть можетъ то особенное, что она носитъ въ душѣ—безграничная любовь, безграничная готовность къ подвигу, безграничное пренебреженіе къ себѣ?

Вѣдь она, дѣйствительно, не виновата, что ей не дали сдѣлать всего, что она могла и хотѣла—убили ее на порогѣ храма, у подножія жертвенника.

Но если это такъ, если человѣкъ цѣненъ не только потому, что онъ сдѣлалъ, а и потому, что онъ хотѣлъ слѣлать—тогда... тогда она достойна мученическаго вѣнца.

— Неужели?—думаетъ Муся стыдливо. Неужели я достойна? Достойна того, чтобы обо мнѣ плакали люди волновались, обо мнѣ, такой маленькой и незначительной?

И несказанная радость охватываетъ ее. Нѣтъ ни сомнѣній, ни колебаній, она принята въ лоно, она правомѣрно вступаетъ въ ряды тѣхъ свѣтлыхъ, что извѣка черезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу. Ясный миръ и покой и безбрежное, тихо сіяющее счастье. Точно отошла она уже отъ земли, и приблизилась къ невѣдомому солнцу правды и жизни и безплотно паритъ въ его свѣтѣ.

— И это—смерть. Какая же это смерть?—думаетъ Муся блаженно.

И если бы собрались къ ней въ камеру со всего свѣта ученые, философы и палачи, разложили передъ нею книги, скальпели, топоры и петли, и стали доказывать, что смерть существуетъ, что человѣкъ умираетъ и убивается, что безсмертія нѣтъ,—они только удивили бы ее. Какъ безсмертія нѣтъ, когда уже сейчасъ она безсмертна? О какомъ же еще безсмертіи, о какой еще смерти можно говорить, когда уже сейчасъ она мертва и безсмертна, жива въ смерти, какъ была жива въ жизни?

И если бы къ ней въ камеру, наполняя ее зловоніемъ, внесли гробъ съ ея собственнымъ разлагающимся тѣломъ и сказали:

— Смотри! Это ты!

Она посмотрѣла бы и отвѣтила:

— Нѣтъ. Это не я.

И когда ее стали бы убѣждать, пугая зловѣшимъ видомъ разложенія, что это она—она!—Муся отвѣтила бы съ улыбкой:

— Нѣтъ. Это вы думаете, что это—я, но это не я. Я та, съ которой вы говорите, какъ же я могу быть этимъ?

— Но ты умрешь и станешь этимъ.

— Нѣтъ, я не умру.

— Тебя казнятъ. Вотъ петля.

— Меня казнятъ, но я не умру. Какъ могу я умереть, когда уже сейчасъ я—безсмертна?

И отступили бы ученые, философы и палачи, говоря съ содроганіемъ:

— Не касайтесь этого мѣста. Это мѣсто—свято.

О чемъ еще думала Муся? О многомъ думала она—ибо нить жизни не обрывалась для нея смертью, и плелась спокойно и ровно. Думала о товарищахъ—и о тѣхъ далекихъ, что съ тоскою и болью переживаютъ ихъ казнь, и о тѣхъ близкихъ, что вмѣстѣ взойдутъ на эшафотъ. Удивлялась Василію, чего онъ такъ испугался—онъ всегда былъ очень храбръ и даже могъ шутить со смертью. Такъ еще утромъ, во вторникъ когда они надѣвали съ Василіемъ на пояса разрывные снаряды, которые черезъ нѣсколько часовъ должны были взорвать ихъ самихъ, у Тани Ковальчукъ руки дрожали отъ волненія, и ее пришлось отстранить, а Василій шутилъ, паясничалъ, вертѣлся, былъ такъ неосторожен даже, что Вернеръ строго сказалъ:

— Не нужно фамильярничать со смертью.

Чего же теперь онъ испугался? Но такъ чуждъ душѣ Муси былъ этотъ непонятный страхъ, что скоро она перестала думать о немъ и разыскивать причину—вдругъ отчаянно захотѣлось увидѣть Сережу Головина и о чемъ-то посмѣяться съ нимъ. Подумала—и еще отчаяннѣе захотѣлось увидѣть Вернера и въ чемъ-то убѣдить его. И, представляя, что Вернеръ ходитъ рядомъ съ нею своею четкой, размѣренной, вбивающей каблуки въ землю походкой, Муся говорила ему:

— Нѣтъ, Вернеръ, голубчикъ, это все пустяки, это совсѣмъ не важно, убилъ ты **NN** или нѣтъ. Ты умный, но ты точно въ свои шахматы играешь: взять одну

фигуру, взять другую, тогда и выиграно. Здѣсь важно, Вернеръ, что мы сами готовы умереть. Понимаешь? Вѣдь эти господа что думаютъ? Что нѣтъ ничего страшнѣе смерти. Сами выдумали смерть, сами ея боятся и насъ пугаютъ. Мнѣ бы даже такъ хотѣлось: выйти одной передъ цѣлымъ полкомъ солдатъ и начать стрѣлять въ нихъ изъ браунинга. Пусть я одна, а ихъ тысячи, и я никого не убью. Это-то и важно, что ихъ тысячи. Когда тысячи убиваютъ одного, то значитъ побѣдилъ этотъ одинъ. Это правда, Вернеръ, голубчикъ.

Но и это было такъ ясно, что не захотѣлось доказывать дальше—Вернеръ теперь и самъ понялъ, навѣрное. А можетъ, и просто не хотѣлось ея мысли останавливаться на одномъ — какъ легко парящей птицѣ, которой видимы безбрежные горизонты, которой доступны весь просторъ, вся глубина, вся радость ласкающей и нѣжной синевы. Звонили часы непрестанно, колебля глухую тишину; и въ этотъ гармоничный отдаленно прекрасный звукъ вливались мысли, и тоже начинали звенѣть; и музыкою становились плавно скользящіе образы. Словно тихою темною ночью ѣхала куда-то Муся по широкой и ровной дорогѣ, и покачивались мягкіе рессоры и бубенцы звенѣли. Отошли всѣ тревоги и волненія, растворилось во тьмѣ усталое тѣло и радостно-усталая мысль спокойно творила яркіе образы, упивалась ихъ красками и тихимъ покоемъ. Вспомнила Муся трехъ товарищей своихъ, повѣшенныхъ недавно, и лица ихъ были ясны и радостны и близки—ближе тѣхъ уже, что въ жизни. Такъ утромъ радостно думаетъ человѣкъ о домѣ своихъ друзей куда войдетъ онъ вечеромъ съ привѣтомъ на смѣющихся устахъ.

Очень устала Муся ходить. Прилегла осторожно на койку и продолжала грезить съ легко закрытыми глазами. Звонили часы непрестанно, колебля нѣмую тишину, и въ ихъ звенящихъ берегахъ тихо плыли свѣтлые поющіе образы. Муся думала:

— Неужели это смерть? Боже мой, какъ она пре-

красна! Или это жизнь? Не знаю, не знаю. Буду смотрѣть и слушать.

Уже давно, съ первыхъ дней заключенія, началъ фантазировать ея слухъ. Очень музыкальный, онъ обострялся тишиною и на фонѣ ея изъ скудныхъ крупицъ дѣйствительности, съ ея шагами часовыхъ въ корридорѣ, звономъ часовъ, шелестомъ вѣтра на желѣзной крышѣ, скрипомъ фонаря, творилъ цѣлыя музыкальныя картины. Сперва Муся боялась ихъ, отгоняла отъ себя, какъ болѣзненныя галлюцинаціи, потомъ поняла, что сама она здорова и никакой болѣзни тутъ нѣтъ—и стала отдаваться имъ спокойно.

И теперь—вдругъ совершенно ясно и отчетливо она услыхала звуки военной музыки. Въ изумленіи она открыла глаза, приподняла голову—за окномъ стояла ночь и часы звонили. Опять, значитъ!—подумала она спокойно и закрыла глаза. И какъ только закрыла, музыка заиграла снова. Ясно слышно, какъ изъ-за угла зданія, справа, выходятъ солдаты цѣлый полкъ, и проходятъ мимо окна. Ноги равномѣрно отбиваютъ тактъ по мерзлой землѣ: разъ-два! разъ-два!—слышно даже, какъ поскрипываетъ иногда кожа на сапогѣ, вдругъ оскользается и тутъ же выправляется чья-то нога. И музыка ближе: совершенно незнакомый, но очень громкій и бодрый праздничный маршъ. Очевидно, въ крѣпости какой-то праздникъ.

Вотъ оркестръ поровнялся съ окномъ, и вся камера полна веселыхъ, ритмичныхъ, дружно разноголосыхъ звуковъ. Одна труба большая, мѣдная, рѣзко фальшивитъ, то запаздываетъ, то смѣшно забѣгаетъ впередъ—Муся видитъ солдатика съ этой трубой, его старательную физіономію, и смѣется.

Все удаляется. Замираютъ шаги: разъ-два! разъ-два! Издалека музыка еще красивѣе и веселѣе. Еще разъ-другой громко и фальшиво-радостно вскрикиваетъ мѣднымъ голосомъ труба, и все гаснетъ. И снова на колокольнѣ вызваниваютъ часы, медленно, печально, еле еле колебля тишину.

— Ушли!—думаетъ Муся съ легкой грустью. Ей жаль ушедшихъ звуковъ, такихъ веселыхъ и смѣшныхъ; жаль даже ушедшихъ солдатиковъ, потому что эти старательные, съ мѣдными трубами, съ поскрипывающими сапогами совсѣмъ иные, совсѣмъ не тѣ, въ кого хотѣла бы она стрѣлять изъ браунинга.

— Ну, еще!—проситъ она ласково. И приходятъ еще. Склоняются надъ нею, окружаютъ ее прозрачнымъ облакомъ и поднимаютъ вверхъ, туда, гдѣ несутся перелетныя птицы и кричатъ, какъ герольды. Направо, налѣво, вверхъ и внизъ—кричатъ, какъ герольды. Зовутъ, оповѣщаютъ, далеко возвѣщаютъ о полетѣ своемъ. Широко машутъ крылами и тьма ихъ держитъ, какъ держитъ ихъ и свѣтъ; и на выпуклыхъ грудяхъ, разрѣзающихъ воздухъ, отсвѣчиваетъ снизу голубымъ сіяющій городъ. Все ровнѣе бьется сердце, все спокойнѣе и тише дыханіе Муси. Она засыпаетъ. Лицо устало и блѣдно; подъ глазами круги и такъ тонки дѣвичьи исхудалыя руки,—а на устахъ улыбка. Завтра, когда будетъ всходить солнце, это человѣческое лицо исказится нечеловѣческой гримасой, зальется густою кровью мозгъ и вылѣзутъ изъ орбитъ остеклянѣвшіе глаза—но сегодня она спитъ тихо и улыбается въ великомъ безсмертіи своемъ.

Заснула Муся.

А въ тюрьмѣ идетъ своя жизнь, глухая и чуткая, слѣпая и зоркая, какъ сама вѣчная тревога. Гдѣ-то ходятъ. Гдѣ-то шепчутъ. Гдѣ-то звякнуло ружье. Кажется, кто-то крикнулъ. А можетъ быть и никто не кричалъ—просто чудится отъ тишины.

Вотъ безшумно отпала форточка въ двери—въ темномъ отверстіи показывается темное усатое лицо. Долго и удивленно таращитъ на Мусю глаза—и пропадаетъ безшумно, какъ явилось.

Звонятъ и поютъ куранты—долго, мучительно. Точно на высокую гору ползутъ къ полуночи усталые часы и все труднѣе и тяжелѣе подъемъ. Обрываются,

скользятъ, летятъ со стономъ внизъ—и вновь мучительно ползутъ къ своей черной вершинѣ.

Гдѣ-то ходятъ. Гдѣ-то шепчутъ. И уже впрягаютъ коней въ черныя безъ фонарей кареты.

8. Есть и смерть, есть и жизнь.

О смерти Сергѣй Головинъ никогда не думалъ, какъ о чемъ-то постороннемъ и его совершенно не касающемся. Онъ былъ крѣпкій, здоровый веселый юноша, одаренный той спокойной и ясной жизнерадостностью, при которой всякая дурная, вредная для жизни мысль или чувство быстро и безслѣдно исчезаютъ въ организмѣ. Какъ быстро заживали у него всякіе порѣзы раны и уколы, такъ и все тягостное, ранящее душу, немедленно выталкивалось наружу и уходило. И во всякое дѣло или даже забаву, была ли то фотографія, велосипедъ или приготовленіе къ террористическому акту, онъ вносилъ ту же спокойную и жизнерадостную серьезность: все въ жизни весело, все въ жизни важно, все нужно дѣлать хорошо.

И все онъ дѣлалъ хорошо: великолѣпно управлялся съ парусомъ, стрѣлялъ изъ револьвера прекрасно; былъ крѣпокъ въ дружбѣ, какъ и въ любви, и фанатически вѣрилъ въ «честное слово». Свои смѣялись надъ нимъ, что если сыщикъ, рожа, завѣдомый шпіонъ дастъ ему честное слово, что онъ не сыщикъ—Сергѣй повѣритъ ему и пожметъ товарищески руку. Одинъ былъ недостатокъ: былъ увѣренъ, что поетъ хорошо, тогда какъ слуху не имѣлъ ни малѣйшаго, пѣлъ отвратительно и фальшивилъ даже въ революціонныхъ пѣсняхъ; и обижался, когда смѣялись.

Или вы всѣ ослы, или я оселъ,—говорилъ онъ серьезно и обиженно. И такъ же серьезно, подумавъ, всѣ рѣшали:

— Ты оселъ. По голосу слышно.

Но за недостатокъ этотъ, какъ иногда бываетъ съ хорошими людьми, его любили, пожалуй, даже больше, чѣмъ за достоинства.

Смерти онъ настолько не боялся и настолько не думалъ о ней, что въ роковое утро, передъ уходомъ изъ квартиры Тани Ковальчукъ, онъ одинъ, какъ слѣдуетъ, съ аппетитомъ, позавтракалъ: выпилъ два стакана чаю, наполовину разбавленнаго молокомъ и съѣлъ цѣлую пятикопѣечную булку. Потомъ посмотрѣлъ съ грустью на нетронутый хлѣбъ Вернера и сказалъ:

— А ты что же не ѣшь? Ѣшь, подкрѣпиться надо.

— Не хочется.

— Ну такъ я съѣмъ. Ладно?

— Ну, и аппетитъ же у тебя, Сережа.

Вмѣсто отвѣта, Сергѣй, съ набитымъ ртомъ глухо и фальшиво запѣлъ.

— Вихри враждебные вѣютъ надъ нами...

Послѣ ареста онъ было загрустилъ: сдѣлано не хорошо, провалились, но подумалъ: «есть теперь другое, что нужно сдѣлать хорошо—умереть», и развеселился. И какъ ни странно, со второго же утра въ крѣпости началъ заниматься гимнастикой по необыкновенно раціональной системѣ какого-то нѣмца Мюллера, которой увлекался: раздѣлся голый и, къ тревожному удивленію наблюдавшаго часового, аккуратно продѣлалъ всѣ предписанныя восемнадцать упражненій. И то, что часовой наблюдалъ и, видимо, удивлялся, было ему пріятно, какъ пропагандисту мюллеровской системы; и хотя зналъ, что отвѣта не получитъ, все же сказалъ торчащему въ окошечкѣ глазу:

— Хорошо, братъ, укрѣпляетъ. Вотъ бы у васъ въ полку ввести что надо,—крикнулъ онъ убѣждающе и кротко, чтобы не испугать, не подозрѣвая, что солдатъ считаетъ его просто сумасшедшимъ.

Страхъ смерти началъ являться къ нему постепенно и какъ-то толчками: точно возьметъ кто и снизу, изо

всей силы, подтолкнетъ сердце кулакомъ. Скорѣе больно, чѣмъ страшно. Потомъ ощущеніе забудется—и черезъ нѣсколько часовъ явится снова, и съ каждымъ разомъ становится оно все продолжительнѣе и сильнѣе. И уже ясно начинаетъ принимать мутныя очертанія какого-то большого и даже невыносимаго страха.

— Неужели я боюсь?—подумалъ Сергѣй съ удивленіемъ.—Вотъ еще глупости!

Боялся не онъ — боялось его молодое, крѣпкое, сильное тѣло, котораго не удавалось обмануть ни гимнастикой нѣмца Мюллера, ни холодными обтираніями. И чѣмъ крѣпче, чѣмъ свѣжѣе оно становилось послѣ холодной воды, тѣмъ острѣе и невыносимѣе дѣлались ощущенія мгновеннаго страха. И именно въ тѣ минуты, когда на волѣ онъ ощущалъ особый подъемъ жизнерадостности и силы, утромъ, послѣ крѣпкаго сна и физическихъ упражненій — тутъ появлялся этотъ острый, какъ бы чужой страхъ. Онъ замѣтилъ это и подумалъ:

— Глупо, братъ Сергѣй. Чтобы оно умерло легче, его надо ослабить, а не укрѣплять. Глупо!

И бросилъ гимнастику и обтиранья. А солдату въ объясненіе и оправданіе крикнулъ:

— Ты не смотри, что я бросилъ. Штука, братъ, хорошая. Только для тѣхъ, кого вѣшать не годится, а для всѣхъ другихъ очень хорошо.

И, дѣйствительно, стало какъ будто легче. Попробовалъ также поменьше ѣсть, чтобы ослабѣть еще, но несмотря на отсутствіе чистаго воздуха и упражненій, аппетитъ былъ очень великъ, трудно было сладить, съѣдалъ все, что приносили. Тогда началъ дѣлать такъ: еще не принимаясь за ѣду, выливалъ половину горячаго въ ушатъ; и это какъ будто помогло: появилась тупая сонливость, истома.

— Я тебѣ покажу!—грозилъ онъ тѣлу, а самъ съ грустью, нѣжно водилъ рукою по вялымъ обмякшимъ мускуламъ.

Но скоро тѣло привыкло и къ этому режиму, и страхъ смерти появился снова — правда, не такой острый, не такой огневый, но еще болѣе нудный, похожій на тошноту. «Это оттого, что тянутъ долго»—подумалъ Сергѣй—«хорошо бы все это время, до казни, проспать» и старался какъ можно дольше спать. Въ началѣ удавалось, но потомъ оттого ли, что переспалъ онъ или по другой причинѣ, появилась безсонница. И съ нею пришли острыя, зоркія мысли, а съ ними и тоска о жизни.

— Развѣ я ее, дьявола, боюсь?—думалъ онъ о смерти.—Это мнѣ жизни жалко. Великолѣпная вещь, что бы тамъ ни говорили пессимисты. А что, если пессимиста повѣсить? Ахъ, жалко жизни, очень жалко. И зачѣмъ борода у меня выросла? Не росла, не росла, а то вдругъ выросла? И зачѣмъ?

Покачивалъ головою грустно и вздыхалъ продолжительными, тяжелыми вздохами. Молчаніе—и продолжительный, глубокій вздохъ: опять короткое молчаніе—и снова еще болѣе продолжительный, тяжелый вздохъ.

Такъ было до суда и до послѣдняго страшнаго свиданія со стариками. Когда онъ проснулся въ камерѣ съ яснымъ сознаніемъ, что съ жизнью все покончено, что впереди только нѣсколько часовъ ожиданія въ пустотѣ и смерть—стало какъ-то странно. Точно его оголили всего, какъ-то необыкновенно оголили—не только одежду съ него сняли, но отодрали отъ него солнце, воздухъ, шумъ и свѣтъ, поступки и рѣчи. Смерти еще нѣтъ, но нѣтъ уже и жизни, а есть что-то новое, поразительно непонятное, и не то совсѣмъ лишенное смысла, не то имѣющее смыслъ, но такой глубокій, таинственный и нечеловѣческій, что открыть его невозможно.

— Фу ты чортъ!—мучительно удивлялся Сергѣй.—Да что же это такое? Да гдѣ же это я? Я... какой я?

Оглядѣлъ всего себя, внимательно, съ интересомъ, начиная отъ большихъ арестантскихъ туфель, кончая

животомъ, на которомъ оттопыривался халатъ. Прошелся по камерѣ, растопыривъ руки и продолжая оглядывать себя, какъ женщина въ новомъ платьѣ, которое ей длинно. Повертѣлъ головою—вертится. И это, нѣсколько страшное почему-то, есть онъ, Сергѣй Головинъ, и этого—не будетъ.

И все сдѣлалось странно.

Попробовалъ ходить по камерѣ—странно, что ходитъ. Попробовалъ сидѣть—странно, что сидитъ. Попробовалъ выпить воды—странно, что пьетъ, что глотаетъ, что держитъ кружку, что есть пальцы и эти пальцы дрожатъ. Поперхнулся, закашлялся, и кашляя, думалъ: какъ это странно, я кашляю.

— Да что я, съ ума что ли схожу!—подумалъ Сергѣй, холодѣя.—Этого еще недоставало, чтобы чортъ ихъ побралъ!

Потеръ лобъ рукою, но и это было странно. И тогда, не дыша, на цѣлые, казалось, часы онъ замеръ въ неподвижности, гася всякую мысль, удерживая громкое дыханіе, избѣгая всякаго движенія—ибо всякая мысль было безуміе, всякое движеніе было безуміе. Времени не стало, какъ бы въ пространство превратилось оно, прозрачное, безвоздушное въ огромную площадь, на которой все, и земля, и жизнь, и люди; и все это видимо однимъ взглядомъ, все до самаго конца, до загадочнаго обрыва—смерти. И не въ томъ было мученіе, что видна смерть, а въ томъ, что сразу видны и жизнь и смерть. Святотатственною рукою была отдернута завѣса, сызвѣка скрывающая тайну жизни и тайну смерти, и онѣ перестали быть тайной—но не сдѣлались онѣ и понятными, какъ истина, начертанная на невѣдомомъ языкѣ. Не было такихъ понятій въ его человѣческомъ мозгу, не было такихъ словъ на его человѣческомъ языкѣ, которыя могли бы охватить увидѣнное. И слова «мнѣ страшно» звучали въ немъ только потому, что не было иного слова, не существовало и не могло существовать понятія, соотвѣтствующаго этому новому, нечеловѣческому со-

стоянію. Такъ было бы съ человѣкомъ, если бы онъ, оставаясь въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, опыта и чувствъ, вдругъ увидѣлъ самого Бога—увидѣлъ и не понялъ бы, хотя бы и зналъ, что это называется Богъ, и содрогнулся бы неслыханными муками неслыханнаго непониманія.

— Вотъ тебѣ и Мюллеръ!—вдругъ громко, съ чрезвычайной убѣдительностью произнесъ онъ, и качнулъ головою. И съ тѣмъ неожиданнымъ переломомъ въ чувствѣ, на который такъ способна человѣческая душа, весело и искренно захохоталъ.

— Ахъ ты, Мюллеръ! Ахъ ты, мой милый Мюллеръ! Ахъ ты, мой распрекрасный нѣмецъ! И все-таки—ты правъ, Мюллеръ, а я, братъ Мюллеръ, оселъ.

Быстро нѣсколько разъ прошелся по камерѣ и къ новому, величайшему удивленію наблюдавшаго въ глазокъ солдата—быстро раздѣлся до-гола и весело, съ крайней старательностью продѣлалъ всѣ восемнадцать упражненій; вытягивалъ и растягивалъ свое молодое, нѣсколько похудѣвшее тѣло, присѣдалъ, вдыхалъ и выдыхалъ воздухъ, становясь на носки, выбрасывалъ ноги и руки. И послѣ каждаго упражненія говорилъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ это такъ! Вотъ это настоящее, братъ Мюллеръ!—Щеки его раскраснѣлись, изъ поръ выступили капельки горячаго, пріятнаго пота, и сердце стучало крѣпко и ровно.

— Дѣло въ томъ, Мюллеръ,—разсуждалъ Сергѣй выпячивая грудь такъ, что ясно обрисовались ребра подъ тонкой натянутой кожей,—дѣло въ томъ, Мюллеръ, что есть еще девятнадцатое упражненіе—подвѣшиваніе за шею въ неподвижномъ положеніи. И это называется казнь. Понимаешь, Мюллеръ? Берутъ живого человѣка, скажемъ Сергѣя Головина, пеленаютъ его какъ куклу и вѣшаютъ за шею, пока не умретъ. Глупо это, Мюллеръ, но ничего не подѣлаешь—приходится.

Перегнулся на правый бокъ и повторилъ:

— Приходится, братъ Мюллеръ.

9. Ужасное одиночество.

Подъ тотъ же звонъ часовъ, отдѣленный отъ Сергѣя и Муси нѣсколькими пустыми камерами, но одинокій столь тяжко, какъ если бы во всей вселенной существовалъ онъ одинъ, въ ужасѣ и тоскѣ оканчивалъ свою жизнь несчастный Василій Каширинъ.

Потный, съ прилипшей къ тѣлу мокрой рубахой, распустившимися, прежде курчавыми волосами, онъ судорожно и безнадежно метался по камерѣ, какъ человѣкъ, у котораго нестерпимая зубная боль. Присаживался, вновь бѣгалъ, прижимался лбомъ къ стѣнѣ, останавливался и что-то разыскивалъ глазами—словно искалъ лѣкарства. Онъ такъ измѣнился, что какъ будто имѣлись у него два разныхъ лица, и прежнее, молодое, ушло куда-то, а на мѣсто его стало новое, страшное, пришедшее изъ темноты.

Къ нему страхъ смерти пришелъ сразу и овладѣлъ имъ безраздѣльно и властно. Еще утромъ, идя на явную смерть, онъ фамильярничалъ съ нею, а уже къ вечеру, заключенный въ одиночную камеру, былъ закруженъ и захлестнутъ волною бѣшенаго страха. Пока онъ самъ, своею волею, шелъ на опасность и смерть, пока свою смерть, хотя бы и страшную по виду, онъ держалъ въ собственныхъ рукахъ, ему было легко, и весело даже: въ чувствѣ безбрежной свободы, смѣлаго и твердаго утвержденія своей дерзкой и безстрашной воли безслѣдно утопалъ маленькій, сморщенный, словно старушечій страшокъ. Опоясанный адской машиной, онъ самъ какъ бы превратился въ адскую машину, включилъ въ себя жестокій разумъ динамита, присвоилъ себѣ его огненную смертоносную мощь. И идя по улицѣ, среди суетливыхъ, будничныхъ, озабоченныхъ своими дѣлами людей, торопливо спасающихся отъ извозчичьихъ лошадей и трамвая, онъ казался себѣ пришлецомъ изъ иного, невѣдомаго міра гдѣ не знаютъ ни смерти, ни страха.

И вдругъ, сразу рѣзкая, дикая, ошеломляющая перемѣна. Онъ уже не идетъ, куда хочетъ, а его везутъ—куда хотятъ. Онъ уже не выбираетъ мѣста, а его сажаютъ въ каменную клѣтку и запираютъ на ключъ, какъ вещь. Онъ уже не можетъ выбрать свободно: жизнь или смерть, какъ всѣ люди, а его непремѣнно и неизбѣжно умертвятъ. За мгновеніе бывшій воплощеніемъ воли, жизни и силы, онъ становится жалкимъ образомъ единственнаго въ мірѣ безсилія, превращается въ животное, ожидающее бойни, въ глухую и безгласную вещь, которую можно переставлять, жечь, ломать. Что бы онъ ни говорилъ, словъ его не послушаютъ, а если станетъ кричать, то заткнутъ ротъ тряпкой, и будетъ ли онъ самъ передвигать ногами, его отведутъ и повѣсятъ; и станетъ ли онъ сопротивляться, барахтаться, ляжетъ на земь—его осилятъ, поднимутъ, свяжутъ и связаннаго поднесутъ къ висѣлицѣ. И то, что эту машинную работу надъ нимъ исполнятъ люди такіе же, какъ и онъ, придаетъ имъ новый, необыкновенный и зловѣщій видъ: не то призраковъ, чего-то притворяющагося, явившагося только нарочно, не то механическихъ куколъ на пружинѣ: берутъ, хватаютъ, ведутъ, вѣшаютъ, дергаютъ за ноги. Обрѣзаютъ веревку, кладутъ, везутъ, закапываютъ.

И съ перваго же дня тюрьмы люди и жизнь превратились для него въ непостижимо ужасный міръ призраковъ и механическихъ куколъ. Почти обезумѣвъ отъ ужаса, онъ старался представить, что люди имѣютъ языкъ и говорятъ, и не могъ—казались нѣмыми; старался вспомнить ихъ рѣчь, смыслъ словъ, которыя они употребляютъ при сношеніяхъ—и не могъ. Рты раскрываются, что-то звучитъ, потомъ они расходятся, передвигая ноги, и нѣтъ ничего.

Такъ чувствовалъ бы себя человѣкъ, если бы ночью, когда онъ въ домѣ одинъ, всѣ вещи ожили, задвига-

лись и пріобрѣли надъ нимъ, человѣкомъ, неограниченную власть. Вдругъ стали бы его судить: шкафъ, стулъ, письменный столъ и диванъ. Онъ бы кричалъ и метался, умолялъ, звалъ на помощь, а они что-то говорили бы по своему между собою, потомъ повели его вѣшать: шкафъ, стулъ, письменный столъ и диванъ. И смотрѣли бы на это остальныя вещи.

И все стало казаться игрушечнымъ Василію Каширину, присужденному къ смертной казни черезъ повѣшеніе: его камера, дверь съ глазкомъ, звонъ заведенныхъ часовъ, аккуратно вылѣпленная крѣпость, и особенно та механическая кукла съ ружьемъ, которая стучитъ ногами по корридору, и тѣ другія, которыя, пугая, заглядываютъ къ нему въ окошечко и молча подаютъ ѣду. И то, что онъ испытывалъ, не было ужасомъ передъ смертью; скорѣе смерти онъ даже хотѣлъ: во всей извѣчной загадочности и непонятности своей она была доступнѣе разуму, чѣмъ этотъ такъ дико и фантастично превратившійся міръ. Болѣе того, смерть какъ бы уничтожалась совершенно въ этомъ безумномъ мірѣ призраковъ и куколъ, теряла свой великій и загадочный смыслъ, становилась также чѣмъ-то механическимъ, и только поэтому страшнымъ. Беруть, хватаютъ, ведутъ, вѣшаютъ, дергаютъ за ноги. Обрѣзаютъ веревку, кладутъ, везутъ, закапываютъ.

Исчезъ изъ міра человѣкъ.

На судѣ близость товарищей привела Каширина въ себя, и онъ снова, на мгновеніе, увидѣлъ людей сидятъ и судятъ его и что-то говорятъ на человѣческомъ языкѣ, слушаютъ и какъ будто понимаютъ. Но уже на свиданіи съ матерью онъ, съ ужасомъ человѣка, который начинаетъ сходить съ ума и понимаетъ это, почувствовалъ ярко, что эта старая женщина въ черномъ платочкѣ—просто искусно сдѣланная механическая кукла, въ родѣ тѣхъ, которыя говорятъ: «па-па», «ма-ма», но только лучше сдѣланная. Старался говорить съ нею, а самъ, вздрагивая, думалъ:

— Господи! Да вѣдь это же кукла. Кукла матери.

А вотъ та кукла солдата, а тамъ дома кукла отца, а вотъ это—кукла Василія Каширина.

Казалось, еще немного, и онъ услышитъ гдѣ-то трескъ механизма, поскрипываніе несмазанныхъ колесъ. Когда мать заплакала, на одинъ мигъ снова мелькнуло что-то человѣческое, но при первыхъ же ея словахъ исчезло, и стало любопытно и ужасно смотрѣть, что изъ глазъ куклы течетъ вода.

Потомъ, въ своей камерѣ, когда ужасъ сталъ невыносимъ, Василій Каширинъ попробовалъ молиться. Отъ всего того, чѣмъ подъ видомъ религіи была окружена его юношеская жизнь въ отцовскомъ купеческомъ домѣ, остался одинъ противный, горькій и раздражающій осадокъ, и вѣры не было. Но когда-то, быть можетъ, въ раннемъ еще дѣтствѣ онъ услыхалъ три слова, и онѣ поразили его трепетнымъ волненіемъ и потомъ на всю жизнь остались обвѣянными тихой поэзіей. Эти слова были:

— Всѣхъ скорбящихъ радость.

Случалось, въ тяжелыя минуты онъ шепнетъ про себя, безъ молитвы, безъ опредѣленнаго сознанія: «всѣхъ скорбящихъ радость»—и вдругъ станетъ легче и захочется пойти къ кому-то милому и жаловаться тихо:

— Наша жизнь... да развѣ это жизнь! Эхъ, милая вы моя, да развѣ это жизнь.

А потомъ вдругъ и смѣшно станетъ, и захочется кучерявить волосы, выкинуть колѣно, подставить грудь подъ чьи-то удары: на, бей!

Никому, даже самымъ близкимъ товарищамъ онъ не говорилъ о своей «всѣхъ скорбящихъ радости» и даже самъ какъ будто не зналъ о ней—такъ глубоко крылась она въ душѣ его. И вспоминалъ не часто, съ осторожностью.

И теперь, когда ужасъ неразрѣшимой, во-очію представшей тайны съ головою покрылъ его, какъ вода въ половодье прибрежную лозиночку—онъ захотѣлъ молиться. Хотѣлъ стать на колѣни, но стыдно

сдѣлалось передъ солдатомъ и, сложивъ руки у груди, тихо прошепталъ:

— Всѣхъ скорбящихъ радость!

И съ тоскою, выговаривая умильно, повторилъ:

— Всѣхъ скорбящихъ радость, прійди ко мнѣ, поддержи Ваську Каширина.

Давно еще, когда онъ былъ на первомъ курсѣ университета и покучивалъ еще, до знакомства съ Верномъ и вступленія въ общество, онъ называлъ себя хвастливо и жалко «Васькой Каширинымъ» — теперь почему-то захотѣлось назваться также. Но мертво и неотзывчиво прозвучали слова

— Всѣхъ скорбящихъ радость!

Всколыхнулось что-то. Будто проплылъ въ отдаленіи чей-то тихій и скорбный образъ и тихо погасъ, не озаривъ предсмертной тьмы. Били заведенные часы на колокольнѣ. Застучалъ чѣмъ-то, шашкой, не то ружьемъ, солдатъ въ корридорѣ и продолжительно, съ переходами, зѣвнулъ.

— Всѣхъ скорбящихъ радость! И ты молчишь! И ты ничего не хочешь сказать Васькѣ Каширину?

Улыбался умильно и ждалъ. Но было пусто и въ душѣ, и вокругъ. И не возвращался тихій и скорбный образъ. Вспоминались ненужно и мучительно восковыя горящія свѣчи, попъ въ рясѣ, нарисованная на стѣнѣ икона, и какъ отецъ, сгибаясь и разгибаясь, молится и кладетъ поклоны, а самъ смотритъ исподлобья, молится ли Васька, не занялся ли баловствомъ. И стало еще страшнѣе, чѣмъ до молитвы.

Исчезло все.

Безуміе тяжко наползало. Сознаніе погасало, какъ потухающій разбросанный костеръ, холодѣло, какъ трупъ только что скончавшагося человѣка, у котораго тепло еще въ сердцѣ, а ноги и руки уже окоченѣли. Еще разъ, кроваво вспыхнувъ, сказала угасающая мысль, что онъ, Василій Каширинъ, можетъ здѣсь сойти съ ума, испытать муки, для которыхъ нѣтъ названія, дойти до такого предѣла боли и страданій, до

какихъ не доходило еще ни одно живое существо; что онъ можетъ биться головою о стѣну, выколоть себѣ пальцемъ глаза, говорить и кричать, что ему угодно, увѣрять со слезами, что больше выносить онъ не можетъ—и ничего. Будетъ ничего.

И ничего наступило. Ноги, у которыхъ свое сознаніе и своя жизнь, продолжали ходить и носить дрожащее мокрое тѣло. Руки, у которыхъ свое сознаніе, тщетно пытались запахнуть расходящійся на груди халатъ и согрѣть дрожащее, мокрое тѣло. Тѣло дрожало и зябло. Глаза смотрѣли. И это былъ почти что покой.

Но былъ еще одинъ моментъ дикаго ужаса. Это, когда вошли люди. Онъ даже не подумалъ, что это значитъ—пора ѣхать на казнь, а просто увидѣлъ людей и испугался, почти по-дѣтски.

— Я не буду! Я не буду!—шепталъ онъ неслышно помертвѣвшими губами и тихо отодвигался вглубь камеры, какъ въ дѣтствѣ, когда поднималъ руку отецъ.

— Надо ѣхать.

Говорятъ, ходятъ вокругъ, что-то подаютъ. Закрылъ глаза, покачался—и тяжело началъ собираться. Должно быть сознаніе стало возвращаться: вдругъ попросилъ у чиновника папиросу. И тотъ любезно раскрылъ серебряный съ декадентскимъ рисункомъ портсигаръ.

10. Стѣны падаютъ.

Неизвѣстный, по прозвищу Вернеръ, былъ человѣкъ, уставшій отъ жизни и отъ борьбы. Было время, когда онъ очень сильно любилъ жизнь, наслаждался театромъ, литературой, общеніемъ съ людьми; ода-

ренный прекрасной памятью и твердой волей, изучилъ въ совершенствѣ нѣсколько европейскихъ языковъ, могъ свободно выдавать себя за нѣмца, француза или англичанина. По-нѣмецки онъ говорилъ обычно съ баварскимъ акцентомъ, но могъ, при желаніи говорить, какъ настоящій прирожденный берлинецъ. Любилъ хорошо одѣваться, имѣлъ прекрасныя манеры и одинъ изъ всей своей братіи безъ риска быть узнаннымъ, смѣлъ появляться на великосвѣтскихъ балахъ.

Но уже давно, невидимо для товарищей, въ душѣ его зрѣло темное презрѣніе къ людямъ: и отчаяніе тамъ было и тяжелая, почти смертельная, усталость. По природѣ своей скорѣе математикъ, чѣмъ поэтъ, онъ не зналъ до сихъ поръ вдохновенія и экстаза, и минутами чувствовалъ себя, какъ безумецъ, который ищетъ квадратуру круга въ лужахъ человѣческой крови. Тотъ врагъ, съ которымъ онъ ежедневно боролся, не могъ внушить ему уваженія къ себѣ; это была частая сѣть глупости, предательства и лжи, грязныхъ плевковъ, гнусныхъ обмановъ. Послѣднее, что навсегда, казалось, уничтожило въ немъ желаніе жить—было убійство провокатора, совершенное имъ по порученію организаціи. Убилъ спокойно, а когда увидѣлъ это мертвое, лживое, но теперь спокойное и все же жалкое человѣческое лицо—вдругъ пересталъ уважать себя и свое дѣло. Не то, чтобы почувствовалъ раскаяніе, а просто вдругъ пересталъ цѣнить себя, сталъ для себя самого неинтереснымъ, неважнымъ, скучно постороннимъ. Но изъ организаціи, какъ человѣкъ единой, нерасщепленной воли, не ушелъ и внѣшне остался тотъ же—только въ глазахъ залегло что-то холодное и жуткое. И никому ничего не сказалъ.

Обладалъ онъ и еще однимъ рѣдкимъ свойствомъ: какъ есть люди, которые никогда не знали головной боли, такъ онъ не зналъ, что такое страхъ. И когда другіе боялись, относился къ этому безъ осужденія, но и безъ особеннаго сочувствія, какъ къ довольно

распространенной болѣзни, которою самъ, однако ни разу не хворалъ. Товарищей своихъ, особенно Васю Каширина, онъ жалѣлъ; но это была холодная, почти оффиціальная жалость, которой не чужды были, вѣроятно и нѣкоторые изъ судей.

Вернеръ понималъ, что казнь не есть просто смерть, а что-то другое, — но во всякомъ случаѣ рѣшилъ встрѣтить ее спокойно, какъ нѣчто постороннее: жить до конца такъ, какъ будто ничего не произошло и не произойдетъ. Только этимъ онъ могъ выразить высшее презрѣніе къ казни и сохранить послѣднюю, неотторжимую свободу духа. И на судѣ — и этому, пожалуй, не повѣрили бы даже товарищи, хорошо знавшіе его холодное безстрашіе и надменность — онъ думалъ не о смерти и не о жизни: онъ сосредоточенно, съ глубочайшей и спокойной внимательностью, разыгрывалъ трудную шахматную партію. Превосходный игрокъ въ шахматы онъ съ перваго дня заключенія началъ эту партію и продолжалъ безостановочно. И приговоръ, присуждавшій его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, не сдвинулъ ни одной фигуры на невидимой доскѣ.

Даже то, что партіи кончить ему, видимо, не придется, не остановило его; и утро послѣдняго дня, который оставался ему на землѣ, онъ началъ съ того, что исправилъ одинъ вчерашній не совсѣмъ удачный ходъ. Сжавъ опущенныя руки между колѣнъ, онъ долго сидѣлъ въ неподвижности; потомъ всталъ и началъ ходить, размышляя. Походка у него была особенная: онъ нѣсколько клонилъ впередъ верхнюю часть туловища и крѣпко и четко билъ землю каблуками—даже на сухой землѣ его шаги оставляли глубокій и примѣтный слѣдъ. Тихо, однимъ дыханіемъ, онъ насвистывалъ несложную итальянскую арійку—это помогало думать.

Но дѣло въ этотъ разъ шло почему-то плохо. Съ непріятнымъ чувствомъ, что онъ совершилъ какую-то крупную, даже грубую ошибку, онъ нѣсколько разъ

возвращался назадъ и провѣрялъ игру почти съ начала. Ошибки не находилось, но и чувство совершенной ошибки не только не уходило, а становилось все сильнѣе и досаднѣе. И вдругъ явилась неожиданная и обидная мысль: не въ томъ ли ошибка, что игрою въ шахматы онъ хочетъ отвлечь свое вниманіе отъ казни и оградиться отъ того страха смерти, который будто бы неизбѣженъ для осужденнаго?

— Нѣтъ, зачѣмъ же!—отвѣтилъ онъ холодно и спокойно закрылъ невидимую доску. И съ той же сосредоточенной внимательностью, съ какою игралъ, будто отвѣчая на строгомъ экзаменѣ, постарался дать отчетъ въ ужасѣ и безвыходности своего положенія: осмотрѣвъ камеру, стараясь не пропустить ничего, сосчиталъ часы, что остаются до казни, нарисовалъ себѣ приблизительную и довольно точную картину самой казни и пожалъ плечами.

— Ну?—отвѣтилъ онъ кому-то полувопросомъ.— Вотъ и все. Гдѣ же страхъ?

Страха дѣйствительно не было. И не только не было страха, но наростало что-то, какъ бы противоположное ему — чувство смутной, но огромной и смѣлой радости. И ошибка, все еще не найденная, уже не вызывала ни досады, ни раздраженія, а также говорила громко о чемъ-то хорошемъ и неожиданномъ, словно_счелъ онъ умершимъ близкаго дорогого друга, а другъ этотъ оказался живъ и невредимъ и смѣется.

Вернеръ снова пожалъ плечами и попробовалъ свой пульсъ: сердце билось учащенно, но крѣпко и ровно, съ особенной звонкой силой. Еще разъ внимательно, какъ новичекъ, впервые попавшій въ тюрьму, оглядѣлъ стѣны, запоры, привинченный къ полу стулъ и подумалъ:

— Отчего мнѣ такъ легко, радостно и свободно? Именно свободно. Подумаю о завтрашней казни—и какъ будто ея нѣтъ. Посмотрю на стѣны—какъ будто нѣтъ и стѣнъ И такъ свободно, словно я не въ тюрьмѣ, а только что вышелъ изъ какой-то тюрьмы, въ которой сидѣлъ всю жизнь. Что это?

Начинали дрожать руки—невиданное для Вернера явленіе. Все яростнѣе билась мысль. Словно огненные языки вспыхивали въ головѣ—наружу хотѣлъ пробиться огонь и освѣтить широко еще ночную, еще темную даль. И вотъ пробился онъ наружу и засіяла широко озаренная даль.

Исчезла мутная усталость, томившая Вернера два послѣдніе года, и отпала отъ сердца мертвая, холодная, тяжелая змѣя съ закрытыми глазами и мертвенно сомкнутымъ ртомъ—передъ лицомъ смерти возвращалась, играя, прекрасная юность. И это было больше, чѣмъ прекрасная юность. Съ тѣмъ удивительнымъ просвѣтлѣніемъ духа, которое въ рѣдкія минуты осѣняетъ человѣка и поднимаетъ его на высочайшія вершины созерцанія, Вернеръ вдругъ увидѣлъ и жизнь и смерть, и поразился великолѣпіемъ невиданнаго зрѣлища. Словно шелъ по узкому, какъ лезвіе ножа высочайшему горному хребту, и на одну сторону видѣлъ жизнь, а на другую видѣлъ смерть, какъ два сверкающихъ, глубокихъ, прекрасныхъ моря, сливающихся на горизонтѣ въ одинъ безграничный широкій просторъ.

— Что это! Какое божественное зрѣлище!—медленно сказалъ онъ, привставая невольно и выпрямляясь, какъ въ присутстствіи высшаго существа. И уничтожая стѣны, пространство и время стремительностью всепроникающаго взора, онъ широко взглянулъ куда-то въ глубь покидаемой жизни.

И новою предстала жизнь. Онъ не пытался, какъ прежде, запечатлѣть словами увидѣнное, да и не было такихъ словъ, на все еще бѣдномъ, все еще скудномъ человѣческомъ языкѣ. То маленькое, грязное и злое, что будило въ немъ презрѣніе къ людямъ и порою вызывало даже отвращеніе къ виду человѣческаго лица, исчезло совершенно: такъ для человѣка, поднявшагося на воздушномъ шарѣ, исчезаютъ соръ и грязь тѣсныхъ улицъ покинутаго городка, и красотою становится безобразное.

Безсознательнымъ движеніемъ Вернеръ шагнулъ къ столу и оперся на него правой рукой. Гордый и властный отъ природы, никогда еще не принималъ онъ такой гордой, свободной и властной позы, не поворачивалъ шеи такъ, не глядѣлъ такъ,—ибо никогда еще не былъ свободенъ и властенъ, какъ здѣсь, въ тюрьмѣ, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ казни и смерти.

И новыми предстали люди, по новому милыми и прелестными показались они его просвѣтленному взору. Паря надъ временемъ, онъ увидѣлъ ясно, какъ молодо человѣчество, еще вчера только звѣремъ завывавшее въ лѣсахъ, и то, что казалось ужаснымъ въ людяхъ, непростительнымъ и гадкимъ, вдругъ стало милымъ,—какъ мило въ ребенкѣ его неумѣніе ходить походкою взрослаго, его безсвязный лепетъ, блистающій искрами геніальности, его смѣшные промахи, ошибки и жестокіе ушибы.

— Милые вы мои!—вдругъ неожиданно улыбнулся Вернеръ и сразу потерялъ всю внушительность своей позы, снова сталъ арестантомъ, которому и тѣсно, и неудобно взаперти, и скучно немного отъ надоѣвшаго пытливаго глаза, торчащаго въ плоскости двери. И странно: почти внезапно онъ позабылъ то, что увидѣлъ только что такъ выпукло и ясно; и еще страннѣе,—даже и вспомнить не пытался. Просто сѣлъ поудобнѣе, безъ обычной сухости въ положеніи тѣла, и съ чужой, не вернеровской, слабой и нѣжной улыбкой оглядѣлъ стѣны и рѣшетки. Произошло еще новое, чего никогда не бывало съ Вернеромъ: вдругъ заплакалъ.

— Милые товарищи мои!—шепталъ онъ и плакалъ горько.—Милые товарищи мои!

Какими тайными путями пришелъ онъ отъ чувства гордой и безграничной свободы къ этой нѣжной и страстной жалости? Онъ не зналъ и не думалъ объ этомъ. И жалѣлъ ли онъ ихъ, своихъ милыхъ товарищей, или что-то другое, еще болѣе высокое и страстное таили въ себѣ его слезы—не знало и этого

его вдругъ воскресшее, зазеленѣвшее сердце. Плакалъ и шепталъ:

— Милые товарищи мои! Милые вы, товарищи мои!

Въ этомъ горько плачущемъ и сквозь слезы улыбающемся человѣкѣ никто не призналъ бы холоднаго и надменнаго, усталаго и дерзкаго Вернера—ни судьи, ни товарищи, ни онъ самъ.

II. Ихъ везутъ.

Передъ тѣмъ, какъ разсаживать осужденныхъ по каретамъ, ихъ всѣхъ пятерыхъ собрали въ большой холодной комнатѣ со сводчатымъ потолкомъ, похожей на канцелярію, гдѣ больше не работаютъ, или на пустую пріемную. И позволили разговаривать между собою.

Но только Таня Ковальчукъ сразу воспользовалась позволеніемъ. Остальные молча и крѣпко пожали руки, холодныя, какъ ледъ, и горячія, какъ огонь,—и молча, стараясь не глядѣть другъ на друга, столпились неловкой, разсѣянной кучкой. Теперь, когда они были вмѣстѣ, они какъ бы совѣстились того, что каждый изъ нихъ испыталъ въ одиночествѣ; и глядѣть боялись, чтобы не увидѣть и не показать того новаго, особеннаго, немножко стыднаго, что каждый чувствовалъ или подозрѣвалъ за собою.

Но разъ, другой взглянули, улыбнулись, и сразу почувствовали себя непринужденно и просто, какъ прежде: никакой перемѣны не произошло, а если и произошло что-то, то такъ ровно легло на всѣхъ, что для каждаго въ отдѣльности стало незамѣтно. Всѣ говорили и двигались странно: порывисто, толчками, или слишкомъ медленно, или же слишкомъ быстро; иногда захлебывались словами и многократно повто-

ряли ихъ, иногда же не договаривали начатой фразы или считали ее сказанной — не замѣчали этого. Всѣ щурились и съ любопытствомъ, не узнавая, разсматривали обыкновенныя вещи, какъ люди, которые ходили въ очкахъ, и вдругъ сняли ихъ; и всѣ часто и рѣзко оборачивались назадъ, точно все время изъ-за спины ихъ кто-то окликалъ и что-то показывалъ. Но не замѣчали они и этого. У Муси и Тани Ковальчукъ щеки и уши горѣли; Сергѣй вначалѣ былъ нѣсколько блѣденъ, но скоро оправился и сталъ такой, какъ всегда.

И только на Василія обратили вниманіе. Даже среди нихъ онъ былъ необыкновененъ и страшенъ. Вернеръ всколыхнулся и тихо сказалъ Мусѣ съ нѣжнымъ безпокойствомъ:

— Что это, Мусечка? Неужели онъ того, а? Что? Надо къ нему.

Василій откуда-то издали, точно не узнавая, посмотрѣлъ на Вернера и опустилъ глаза.

— Вася, что это у тебя съ волосами, а? Да ты что? Ничего, братъ, ничего, сейчасъ кончится. Надо держаться, надо, надо.

Василій молчалъ. И когда начало уже казаться, что онъ и совсѣмъ ничего не скажетъ, пришелъ глухой, запоздалый, страшно далекій отвѣтъ: такъ на многіе зовы могла бы отвѣтить могила:

— Да я ничего. Я держусь.

И повторилъ:

— Я держусь.

Вернеръ обрадовался.

— Вотъ, вотъ. Молодецъ. Такъ, такъ.

Но встрѣтилъ темный, отяжелѣвшій, изъ глубочайшей дали устремленный взоръ и подумалъ съ мгновенною тоскою: откуда онъ смотритъ? Откуда онъ говоритъ? И съ глубокой нѣжностью, какъ говорятъ только въ могилѣ, сказалъ:

— Вася, ты слышишь? Я очень люблю тебя.

— И я тебя очень люблю,—отвѣтилъ, тяжело ворочаясь, языкъ.

Вдругъ Муся взяла Вернера за руку и, выражая удивленіе, усиленно, какъ актриса на сценѣ, сказала:

— Вернеръ, что съ тобою? Ты сказалъ: люблю? Ты никогда никому не говорилъ: люблю. И отчего ты весь такой... свѣтлый и мягкій? А, что?

— А, что?

И какъ актеръ, также усиленно выражая то, что онъ чувствовалъ, Вернеръ крѣпко сжалъ Мусину руку.

— Да, я теперь очень люблю. Не говори другимъ, не надо, совѣстно, но я очень люблю.

Встрѣтились ихъ взоры, и вспыхнули ярко, и все погасло кругомъ: такъ въ мгновенномъ блескѣ молніи гаснутъ всѣ иные огни и бросаетъ на землю тѣнь само желтое, тяжелое пламя.

— Да,—сказала Муся.—Да, Вернеръ.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Да, Муся, да!

Было понято нѣчто и утверждено ими непоколебимо. И, свѣтясь взорами, Вернеръ всколыхнулся снова и быстро шагнулъ къ Сергѣю.

— Сережа!

Но отвѣтила Таня Ковальчукъ. Въ восторгѣ, почти плача отъ материнской гордости, она неистово дергала Сергѣя за рукавъ.

— Вернеръ, ты послушай! Я тутъ о немъ плачу, я убиваюсь, а онъ—гимнастикой занимается!

— По Мюллеру?—улыбнулся Вернеръ.

Сергѣй сконфуженно нахмурился:

— Ты напрасно смѣешься, Вернеръ. Я окончательно убѣдился...

Всѣ разсмѣялись. Въ общеніи другъ съ другомъ черпая крѣпость и силу, постепенно становились они такими, какъ прежде, но не замѣчали и этого, думали, что все одни и тѣ же. Вдругъ Вернеръ оборвалъ смѣхъ и съ чрезвычайною серьезностью сказалъ Сергѣю:

— Ты правъ, Сережа. Ты совершенно правъ.

— Нѣтъ, ты пойми,—обрадовался Головинъ.—Конечно, мы...

Но тутъ предложили ѣхать. И были такъ любезны.

что разрѣшили разсѣсться парами, какъ хотятъ. И вообще были очень, даже до чрезмѣрности любезны: не то старались высказать свое человѣческое отношеніе, не то показать, что ихъ тутъ совсѣмъ нѣтъ, а все дѣлается само собою. Но были блѣдны.

— Ты, Муся, съ нимъ,—показалъ Вернеръ на Василія, стоявшаго неподвижно.

— Понимаю,—кивнула Муся головою.—А ты?

— Я? Таня съ Сергѣемъ, ты съ Васей... Я одинъ. Это ничего, я вѣдь могу, ты знаешь.

Когда вышли во дворъ, влажная темнота мягко, но тепло и сильно ударила въ лицо, въ глаза, захватила дыханіе, вдругъ очищающе и нѣжно пронизала все вздрогнувшее тѣло. Трудно было повѣрить, что это удивительное—просто вѣтеръ весенній, теплый, влажный вѣтеръ. И настоящая удивительная весенняя ночь запахла тающимъ снѣгомъ,—безграничною ширью, зазвенѣла капелями. Хлопотливо и часто, догоняя другъ друга, падали быстрыя капельки и дружно чеканили звонкую пѣсню; но вдругъ собьется одна съ голоса и все запутается въ веселомъ плескѣ въ торопливой неразберихѣ. А потомъ ударитъ твердо большая, строгая капля и снова четко и звонко чеканится торопливая весенняя пѣсня. И надъ городомъ поверхъ крѣпостныхъ крышъ, стояло блѣдное зарево отъ электрическихъ огней.

— У-ахъ!—широко вздохнулъ Сергѣй Головинъ и задержалъ дыханіе, точно жалѣя выпускать изъ легкихъ такой свѣжій и прекрасный воздухъ.

— Давно такая погода?—освѣдомился Вернеръ.—Совсѣмъ весна.

— Второй только день,—былъ предупредительный и вѣжливый отвѣтъ.—А то все больше морозы.

Одна за другою мягко подкатывали темныя кареты, забирали по двое, уходили въ темноту, туда, гдѣ качался подъ воротами фонарь. Сѣрыми силуэтами окружали каждый экипажъ конвойные, и подковы ихъ лошадей чекали звонко, или хлябали по мокрому снѣгу.

Когда Вернеръ, согнувшись, намѣревался лѣзть въ карету, жандармъ сказалъ неопредѣленно:

— Тутъ съ вами еще одинъ ѣдетъ.

Вернеръ удивился:

— Куда? Куда же онъ ѣдетъ? Ахъ, да! Еще одинъ? Кто же это?

Солдатъ молчалъ. Дѣйствительно, въ углу кареты, въ темнотѣ, прижималось что-то маленькое, неподвижное, но живое—при косомъ лучѣ отъ фонаря блеснулъ открытый глазъ. Усаживаясь, Вернеръ толкнулъ ногою его колѣно.

— Извините, товарищъ.

Тотъ не отвѣтилъ. И только, когда тронулась карета, вдругъ спросилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, запинаясь:

— Кто вы?

— Я Вернеръ, присужденъ къ повѣшенію за покушеніе на NN. А вы?

— Я—Янсонъ. Меня не надо вѣшать.

Они ѣхали, чтобы черезъ два часа встать передъ лицомъ неразгаданной великой тайны, изъ жизни уйти въ смерть—и знакомились. Въ двухъ плоскостяхъ одновременно шли жизнь и смерть, и до конца, до самыхъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ мелочей, оставалась жизнію жизнь.

— А что вы сдѣлали, Янсонъ?

— Я хозяина рѣзалъ ножомъ. Деньги кралъ.

По голосу казалось, что Янсонъ засыпаетъ. Въ темнотѣ Вернеръ нашелъ его вялую руку и пожалъ. Янсонъ такъ же вяло отобралъ руку.

— Тебѣ страшно?—спросилъ Вернеръ.

— Я не хочу.

Они замолчали. Вернеръ снова нашелъ руку эстонца и крѣпко зажалъ ее между своими сухими и горячими ладонями. Лежала она неподвижно, дощечкой, но отобрать ее Янсонъ больше не пытался.

Въ каретѣ было тѣсно и душно, пахло солдатскимъ сукномъ, затхлостью, навозомъ и кожей отъ мокрыхъ

сапогъ. Молоденькій жандармъ, сидѣвшій противъ Вернера, горячо дышалъ на него смѣшаннымъ запахомъ луку и дешеваго табаку. Но въ какія-то щели пробивался острый и свѣжій воздухъ, и отъ этого, въ маленькомъ, душномъ, движущемся ящикѣ весна чувствовалась еще сильнѣе, чѣмъ снаружи. Карета заворачивала то направо, то налѣво, то какъ будто возвращалась назадъ; казалось иногда, что уже цѣлые часы они кружатся зачѣмъ-то на одномъ мѣстѣ. Въ началѣ сквозь опущенныя густыя занавѣски въ окнахъ пробивался голубоватый электрическій свѣтъ; потомъ вдругъ, послѣ одного поворота потемнѣло, и только поэтому, можно было догадаться, что они свернули на глухія окраинныя улицы и приближаются къ С—скому вокзалу. Иногда при крутыхъ заворотахъ живое, согнутое колѣно Вернера дружески билось о такое же живое согнутое колѣно жандарма, и трудно было повѣрить въ казнь.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ вдругъ Янсонъ. У него слегка кружилась голова отъ продолжительнаго верченія въ темномъ ящикѣ и слегка тошнило.

Вернеръ отвѣтилъ и крѣпче сжалъ руку эстонца. Хотѣлось сказать что-то особенно дружеское, ласковое этому маленькому сонному человѣку, и уже любилъ онъ его такъ, какъ никого въ жизни.

— Милый! Тебѣ, кажется, неудобно сидѣть. Подвигайся, сюда, ко мнѣ.

Янсонъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Ну, спасибо. Мнѣ хорошо. А тебя тоже будутъ вѣшать?

— Тоже!—неожиданно весело, почти со смѣхомъ отвѣтилъ Вернеръ и какъ-то особенно развязно и легко махнулъ рукою. Точно рѣчь шла о какой-то нелѣпой и вздорной шуткѣ, которую хотятъ продѣлать надъ ними милые, но страшно смѣшливые люди.

— Жена есть?—спросилъ Янсонъ.

— Нѣту. Какая тамъ жена! Я одинъ.

— Я тоже одинъ. Одна,—поправился Янсонъ, подумавъ.

И у Вернера начинала кружиться голова. И казалось минутами, что они ѣдутъ на какой-то праздникъ; странно, но почти всѣ, ѣхавшіе на казнь, ощущали то же и, наряду съ тоскою и ужасомъ, радовались смутно тому необыкновенному, что сейчасъ произойдетъ. Упивалась дѣйствительность безуміемъ и призраки родила смерть, сочетавшаяся съ жизнью. Очень возможно, что на домахъ развѣвались флаги.

— Вотъ и пріѣхали!—сказалъ Вернеръ любопытно и весело, когда карета остановилась, и выпрыгнулъ легко. Но съ Янсономъ дѣло затянулось: молча и какъ-то очень вяло онъ упирался и не хотѣлъ выходить. Схватится за ручку—жандармъ разожметъ безсильные пальцы и отдеретъ руку; схватится за уголъ, за дверь, за высокое колесо—и тотчасъ же, при слабомъ усиліи со стороны жандарма, отпустить. Даже не хватался, а скорѣе сонно прилипалъ ко всякому предмету молчаливый Янсонъ—и отдирался легко и безъ усилій. Наконецъ, всталъ.

Флаговъ не было. По ночному былъ теменъ, пустъ и безжизненъ вокзалъ; пассажирскіе поѣзда уже не ходили, а для того поѣзда, который на пути безмолвно ожидалъ этихъ пассажировъ, не нужно было ни яркихъ огней, ни суеты. И вдругъ Вернеру стало скучно. Не страшно, не тоскливо,—а скучно огромной, тягучей, томительной скукой, отъ которой хочется куда-то уйти, лечь, закрыть крѣпко глаза. Вернеръ потянулся и продолжительно зѣвнулъ. Потянулся и быстро, нѣсколько разъ подъ-рядъ зѣвнулъ и Янсонъ.

— Хоть бы поскорѣе!—сказалъ Вернеръ устало. Янсонъ молчалъ и ежился.

Когда на безлюдной платформѣ, оцѣпленной солдатами, осужденные двигались къ тускло освѣщеннымъ вагонамъ, Вернеръ очутился возлѣ Сергѣя Головина, и тотъ, показавъ куда-то въ сторону рукою, началъ говорить, и было ясно слышно только слово «фонарь», а окончаніе утонуло въ продолжительной и усталой зѣвотѣ.

— Ты что говоришь?—спросилъ Вернеръ, отвѣчая также зѣвотой.

— Фонарь. Лампа въ фонарѣ коптитъ,—сказалъ Сергѣй. Вернеръ оглянулся: дѣйствительно, въ фонарѣ сильно коптила лампа и уже почернѣли вверху стекла.

— Да, коптитъ.

И вдругъ подумалъ: а какое, впрочемъ, мнѣ дѣло, что лампа коптитъ, когда... То же, очевидно, подумалъ и Сергѣй: быстро взглянулъ на Вернера и отвернулся. Но зѣвать они оба перестали.

Всѣ до вагоновъ шли сами, и только Янсона пришлось вести подъ руки: сперва онъ упирался ногами и точно приклеивалъ подошвы къ доскамъ платформы, потомъ подогнулъ колѣна и повисъ въ рукахъ жандармовъ, ноги его волоклись, какъ у сильно пьянаго, и носки скребли дерево. И въ дверь его пропихивали долго, но молча.

Двигался самъ и Василій Каширинъ, смутно копируя движенія товарищей—все дѣлалъ, какъ они. Но всходя на площадку въ вагонѣ, онъ оступился и жандармъ взялъ его за локоть, чтобы поддержать,—Василій затрясся и крикнулъ пронзительно, отдергивая руку:

— Ай!

— Вася, что съ тобою?—рванулся къ нему Вернеръ. Василій молчалъ и трясся тяжело. Смущенный и даже огорченный жандармъ объяснилъ:

— Я хотѣлъ ихъ поддержать, а они...

— Пойдемъ, Вася, я поддержу тебя,—сказалъ Вернеръ и хотѣлъ взять его за руку. Но Василій отдернулъ руку опять и еще громче крикнулъ:

— Ай!

— Вася, это я, Вернеръ.

— Я знаю. Не трогай меня. Я самъ.

И, продолжая трястись, самъ вошелъ въ вагонъ и сѣлъ въ углу. Наклонившись къ Мусѣ, Вернеръ тихо спросилъ ее, указывая глазами на Василія:

— Ну какъ?

— Плохо,—также тихо отвѣтила Муся.—Онъ уже умеръ. Вернеръ, скажи мнѣ, развѣ есть смерть?

— Не знаю, Муся, но думаю, что нѣтъ,—отвѣтилъ Вернеръ серьезно и вдумчиво.

— Я такъ и думала. А онъ? Я измучилась съ нимъ въ каретѣ, я точно съ мертвецомъ ѣхала.

— Не знаю, Муся. Можетъ быть, для нѣкоторыхъ смерть и есть. Пока, а потомъ совсѣмъ не будетъ. Вотъ и для меня смерть была, а теперь ея нѣтъ.

Поблѣднѣвшія нѣсколько щеки Муси вспыхнули:

— Была, Вернеръ? Была?

— Была. Теперь нѣтъ. Какъ для тебя.

Въ дверяхъ вагона послышался шумъ. Громко стуча каблуками, громко дыша и отплевываясь, вошелъ Мишка Цыганокъ. Метнулъ глазами и остановился упрямо:

— Тутъ мѣстовъ нѣту, жандармъ?—крикнулъ онъ утомленному, сердито глядѣвшему жандарму.—Ты мнѣ давай такъ, чтобы свободно, а то не поѣду, вѣшай тутъ, на фонарѣ. Карету тоже дали, сукины дѣти—развѣ это карета! Чертова требуха, а не карета!

Но вдругъ наклонилъ голову, вытянулъ шею, и такъ пошелъ впередъ, къ другимъ. Изъ растрепанной рамки волосъ и бороды черные глаза его глядѣли дико и остро, съ нѣсколько безумнымъ выраженіемъ.

— А! Господа!—протянулъ онъ.—Вотъ оно что. Здравствуй, баринъ.

Онъ ткнулъ Вернеру руку и сѣлъ противъ него. И наклонившись близко, подмигнулъ однимъ глазомъ и быстро провелъ рукою по шеѣ.

— Тоже? А?

— Тоже!—улыбнулся Вернеръ.

— Да неужто всѣхъ?

— Всѣхъ.

— Ого!—оскалился Цыганокъ и быстро ощупалъ глазами всѣхъ, на мгновеніе дольше остановился на Мусѣ и Янсонѣ. И снова подмигнулъ Вернеру.

— Министра?

— Министра. А ты?

Я, баринъ по другому дѣлу: Куда намъ до министра! Я, баринъ, разбойникъ, вотъ я кто. Душегубъ. Ничего, баринъ, потѣснись, не своей волей въ кампанію затесался. На томъ свѣтѣ всѣмъ мѣста хватитъ.

Онъ дико, изъ-подъ взлохматившихся волосъ, обвелъ всѣхъ однимъ стремительнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ. Но всѣ смотрѣли на него молча и серьезно и даже съ видимымъ участіемъ. Оскалился и быстро нѣсколько разъ похлопалъ Вернера по колѣнкѣ.

— Такъ-то, баринъ! Какъ въ пѣснѣ поется: не шуми ты, мать, зеленая дубравушка.

— Зачѣмъ ты зовешь меня бариномъ, когда мы всѣ...

— Вѣрно,—съ удовольствіемъ согласился Цыганокъ. Какой ты баринъ, когда рядомъ со мной висѣть будешь! Вотъ онъ кто баринъ-то,—ткнулъ онъ пальцемъ на молчаливаго жандарма.—Э, а вотъ энтотъ-то вашъ того, не хуже нашего,—указалъ онъ глазами на Василія.—Баринъ, а баринъ, боишься, а?

— Ничего, отвѣтилъ туго ворочающійся языкъ.

— Ну ужъ какой тамъ ничего. Да ты не стыдись, тутъ стыдиться нечего. Это собака только хвостомъ виляетъ, да зубы скалитъ, какъ ее вѣшать ведутъ, а ты вѣдь человѣкъ. А этотъ кто, лопоухій? Этотъ не изъ вашихъ?

Онъ быстро перескакивалъ глазами и непрестанно съ шипѣніемъ сплевывалъ набѣгающую, сладкую слюну. Янсонъ, неподвижнымъ комочкомъ прижавшійся въ углу, слегка шевельнулъ крыльями своей облѣзлой мѣховой шапки, но ничего не отвѣтилъ. Отвѣтилъ за него Вернеръ.

— Хозяина зарѣзалъ.

— Господи!—удивился Цыганокъ: и какъ такимъ позволяютъ людей рѣзать!

Уже давно, искоса, Цыганокъ приглядывался къ Мусѣ; и теперь, быстро повернувшись, рѣзко и прямо уставился на нее.

— Барышня, а барышня! Вы что же это! И щечки розовенькія и смѣется. Гляди, она вправду смѣется—схватилъ онъ Вернера за колѣно цѣпкими, точно желѣзными пальцами.—Гляди, гляди!

Покраснѣвъ, съ нѣсколько смущенной улыбкой, Муся также прямо смотрѣла въ его острые, нѣсколько безумные, тяжело и дико вопрошающіе глаза.

Всѣ молчали.

Дробно и дѣловито постукивали колеса, маленькіе вагончики попрыгивали по узенькимъ рельсамъ и старательно бѣжали. Вотъ на закругленіи или у переѣзда жидко и старательно засвистѣлъ паровозикъ—машинистъ боялся кого-нибудь задавить. И дико было подумать, что въ повѣшеніе людей вносится такъ много обычной человѣческой аккуратности, старанія, дѣловитости, что самое безумное на землѣ дѣло совершается съ такимъ простымъ и разумнымъ видомъ. Бѣжали вагоны, въ нихъ сидѣли люди, какъ всегда сидятъ, и ѣхали, какъ они обычно ѣздятъ; а потомъ будетъ остановка, какъ всегда—«поѣздъ стоитъ пять минутъ».

И тутъ наступитъ смерть—вѣчность—великая тайна.

12. Ихъ привезли.

Старательно бѣжали вагончики.

Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Сергѣй Головинъ жилъ съ родными на дачѣ по этой самой дорогѣ, часто ѣздилъ днемъ и ночью, и зналъ ее хорошо. И если закрыть глаза, то можно было подумать, что и теперь онъ возвращается домой—запоздалъ въ городѣ у знакомыхъ и возвращается съ послѣднимъ поѣздомъ.

— Теперь скоро,—сказалъ онъ, открывъ глаза и взглянувъ въ темное, забранное рѣшеткой, ничего не говорящее окно.

Никто не пошевельнулся, не отвѣтилъ, и только Цыганокъ быстро, разъ за разомъ, сплюнулъ сладкую слюну. И началъ бѣгать глазами по вагону, ощупывать окна, двери, солдатъ.

— Холодно,—сказалъ Василій Каширинъ тугими, точно и вправду замерзшими губами; и вышло у него это слово такъ: хо-а-дна.

Таня Ковальчукъ засуетилась.

— На платокъ, повяжи шею. Платокъ очень теплый.

— Шею?—неожиданно спросиль Сергѣй и испугался вопроса. Но такъ какъ и всѣ подумали то же, то никто его не слыхалъ,—какъ будто никто ничего не сказалъ или всѣ сразу сказали одно и то же слово.

— Ничего, Вася, повяжи, повяжи, теплѣе будетъ,—посовѣтовалъ Вернеръ. Потомъ обернулся къ Янсону и нѣжно спросилъ:

— Милый, а тебѣ не холодно, а?

— Вернеръ, можетъ быть, онъ хочетъ курить. Товарищъ, вы, быть можетъ, хотите курить?—спросила Муся.—У насъ есть.

— Хочу.

— Дай ему папироску, Сережа—обрадовался Вернеръ. Но Сергѣй ужъ доставалъ папиросу. И всѣ съ любовью смотрѣли, какъ пальцы Янсона брали папиросу, какъ горѣла спичка и изо рта Янсона вышелъ синій дымокъ.

— Ну, спасибо—сказалъ Янсонъ.—Хорошо.

— Какъ странно!—сказалъ Сергѣй.

— Что странно?—обернулся Вернеръ.--Что странно?

— Да вотъ: папироса.

Онъ держалъ папиросу, обыкновенную папиросу, между обыкновенныхъ живыхъ пальцевъ и блѣдный съ удивленіемъ, даже какъ будто съ ужасомъ смотрѣлъ на нее. И всѣ уставились глазами на тоненькую трубочку, изъ конца которой крутящейся голубой ленточкой бѣжалъ дымокъ, относимый въ сторону дыханіемъ, и темнѣлъ, набираясь, пепелъ. Потухла.

— Потухла,—сказала Таня.

— Да, потухла.

— Ну и къ чорту!—сказалъ Вернеръ, нахмурившись, и съ безпокойствомъ глядя на Янсона, у котораго рука съ папиросой висѣла, какъ мертвая. Вдругъ Цыганокъ быстро повернулся, близко, лицомъ къ лицу, наклонился къ Вернеру и, выворачивая бѣлки, какъ лошадь, прошепталъ:

— Баринъ, а что если бы конвойныхъ, того... а? Попробовать?

— Не надо, — также шепотомъ отвѣтилъ Вернеръ.—Выпей до конца.

— А для ча? Въ дракѣ-то оно все веселѣе, а? Я ему, онъ мнѣ, и самъ не замѣтилъ, какъ порѣшили. Будто и не помиралъ.

— Нѣтъ, не надо,—сказалъ Вернеръ и обернулся къ Янсону:—милый, отчего не куришь?

Вдругъ дряблое лицо Янсона жалко сморщилось: словно кто-то дернулъ сразу за ниточку, приводящую въ движеніе морщины, и всѣ онѣ перекосились. И, какъ сквозь сонъ, Янсонъ захныкалъ, безъ слезъ, сухимъ, почти притворнымъ голосомъ:

— Я не хочу курить. Аг-ха! Аг-ха. Аг-ха. Меня не надо вѣшать. Аг-ха, аг-ха, аг-ха.

Около него засуетились. Таня Ковальчукъ, обильно плача, гладила его по рукаву и поправляя свисавшія крылья облѣзлой шапки:

— Родненькій ты мой! Миленькій, да не плачь, да родненькій же ты мой! Да несчастненькій же ты мой!

Муся смотрѣла въ сторону. Цыганокъ поймалъ ея взглядъ и оскалился.

— Чудакъ его благородіе! Чай пьетъ, а пузо холодное,—сказалъ онъ съ коротким смѣшкомъ. Но у самого лицо стало изсиня-черное, какъ чугунъ, и ляскали большіе желтые зубы.

Вдругъ вагончики дрогнули и явственно замедлили ходъ. Всѣ, кромѣ Янсона и Каширина, привстали и такъ же быстро сѣли опять.

— Станція!—сказалъ Сергѣй.

Какъ будто сразу изъ вагона выкачали весь воздухъ: такъ трудно стало дышать. Выросшее сердце распирало грудь, становилось поперекъ горла, металось безумно—кричало въ ужасѣ своимъ кроваво-полнымъ голосомъ. А глаза смотрѣли внизъ на подрагивающій полъ, а уши слушали, какъ все медленнѣе вертѣлись колеса—скользили—опять вертѣлись—и вдругъ стали.

Поѣздъ остановился.

Тутъ наступилъ сонъ. Не то, чтобы было очень страшно, а призрачно, безпамятно и какъ-то чуждо; самъ грезящій оставался въ сторонѣ, а только призракъ его безтѣлесно двигался, говорилъ беззвучно, шагалъ безшумно, страдалъ безъ страданія. Во снѣ выходили изъ вагона, разбивались на пары, нюхали особенно свѣжій, лѣсной, весенній воздухъ. Во снѣ тупо и безсильно сопротивлялся Янсонъ и, молча, выволакивали его изъ вагона.

Спустились со ступенекъ.

— Развѣ пѣшкомъ?—спросилъ кто-то, почти весело.

— Тутъ недалеко,—отвѣтилъ другой кто-то, такъ же весело.

Потомъ большой, черной, молчаливой толпою шли среди лѣса по плохо укатанной, мокрой и мягкой, весенней дорогѣ. Изъ лѣса, отъ снѣга перло свѣжимъ, крѣпкимъ воздухомъ; нога скользила, иногда проваливалась въ снѣгъ и руки невольно хватались за товарища; и громко дыша, трудно, по цѣльному снѣгу двигались по бокамъ конвойные. Чей-то голосъ сердито сказалъ:

— Дороги не могли прочистить. Кувыркайся тутъ въ снѣгу.

Кто-то виновато оправдывался:

— Чистили, ваше благородіе. Ростепель только, ничего не подѣлаешь.

Сознаніе возвращалось, но неполно, отрывками, странными кусочками. То вдругъ мысль дѣловито подтверждала:

— Дѣйствительно, не могли дороги прочистить.

То снова угасало все и оставалось одно только обоняніе: нестерпимо яркій запахъ воздуха, лѣса, тающаго снѣга; то необыкновенно ясно становилось все: и лѣсъ, и ночь, и дорога, и то, что ихъ сейчасъ, сію минуту, повѣсятъ. Обрывками мелькалъ сдержанный шепотомъ разговоръ.

— Скоро четыре.

— Говорилъ: рано выѣзжаемъ.

Свѣтаетъ въ пять.

- Ну да, въ пять. Вотъ и нужно было...

Въ темнотѣ, на полянкѣ, остановились. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, за рѣдкими, прозрачными по зимнему деревьями, молчаливо двигались два фонарика: тамъ стояли висѣлицы.

— Калошу потерялъ,—сказалъ Сергѣй Головинъ.

— Ну?—не понялъ Вернеръ.

— Калошу потерялъ. Холодно.

— А гдѣ Василій?

— Не знаю. Вонъ стоитъ.

Темный и неподвижный стоялъ Василій.

— А гдѣ Муся?

— Я здѣсь. Это ты, Вернеръ?

Начали оглядываться, избѣгая смотрѣть въ ту сторону, гдѣ молчаливо и страшно-понятно продолжали двигаться фонарики. Налѣво обнаженный лѣсъ какъ будто рѣдѣлъ, проглядывало что-то большое, бѣлое, плоское. И оттуда шелъ влажный вѣтеръ.

— Море,—сказалъ Сергѣй Головинъ, внюхиваясь и ловя ртомъ воздухъ.—Тамъ море.

Муся звучно отозвалась:

— Мою любовь, широкую, какъ море!

— Ты что, Муся?

— Мою любовь, широкую, какъ море, вмѣстить не могутъ жизни берега.

— Мою любовь, широкую, какъ море,—подчиняясь звуку голоса и словамъ, повторилъ задумчиво Сергѣй.

— Мою любовь, широкую, какъ море...—повто-

рилъ Вернеръ и вдругъ весело удивился: Муська! какъ ты еще молода!

Вдругъ близко, у самаго уха Вернера, послышался горячій, задыхающійся шепотъ Цыганка:

— Баринъ, а баринъ. Лѣсъ-то, а? Господи, что же это! А тамъ это, что, гдѣ фонарики, вѣшалка, что ли? Что же это, а?

Вернеръ взглянулъ: Цыганокъ маялся предсмертнымъ томленіемъ.

— Надо проститься...—сказала Таня Ковальчукъ.

— Погоди, еще приговоръ будутъ читать,—отвѣтилъ Вернеръ.—А гдѣ Янсонъ?

Янсонъ лежалъ на снѣгу и возлѣ него съ чѣмъ-то возились. Вдругъ остро запахло нашатырнымъ спиртомъ:

— Ну что тамъ, докторъ? Вы скоро? — спросилъ кто-то нетерпѣливо.

— Ничего, простой обморокъ. Потрите ему уши снѣгомъ. Онъ уже отходитъ, можно читать.

Свѣтъ потайного фонарика упалъ на бумагу и бѣлыя безъ перчатокъ руки. И то и другое немного дрожало; дрожалъ и голосъ:

— Господа, можетъ быть, приговора не читать, вѣдь вы его знаете? Какъ вы?

— Не читать,—за всѣхъ отвѣтилъ Вернеръ и фонарикъ быстро погасъ.

Отъ священника также всѣ отказались. И темный широкій силуэтъ молча и быстро отодвинулся въ глубь и исчезъ. Повидимому разсвѣтъ наступалъ: снѣгъ побѣлѣлъ, потемнѣли фигуры людей, и лѣсъ сталъ рѣже, печальнѣе и проще.

— Господа, идти надо по-двое. Въ пары становитесь, какъ хотите, но только прошу поторопиться.

Вернеръ указалъ на Янсона, который уже стоялъ на ногахъ, поддерживаемый двумя жандармами:

— Я съ нимъ. А ты, Сережа, бери Василія. Идите впередъ.

— Хорошо.

— Мы съ тобою, Мусечка?—спросила Ковальчукъ.—Ну, поцѣлуемся.

Быстро перецѣловались. Цыганокъ цѣловалъ крѣпко, такъ что чувствовались зубы; Янсонъ мягко и вяло, полураскрытымъ ртомъ,—впрочемъ, онъ, кажется, и не понималъ, что дѣлаетъ. Когда Сергѣй Головинъ и Каширинъ уже отошли на нѣсколько шаговъ, Каширинъ вдругъ остановился и сказалъ громко и отчетливо, но совершенно чужимъ, незнакомымъ голосомъ:

— Прощайте, товарищи!

— Прощай, товарищъ—крикнули ему.

Ушли. Стало тихо. Фонарики за деревьями остановились неподвижно. Ждали вскрика, голоса, какого-нибудь шума,—но было тихо тамъ, какъ и здѣсь, и неподвижно желтѣли фонарики.

— Ахъ, Боже мой! — дико прохрипѣлъ кто-то. Оглянулись: это въ предсмертномъ томленіи маялся Цыганокъ.—Вѣшаютъ!

Отвернулись, и снова стало тихо. Цыганокъ маялся, хватая руками воздухъ:

— Какъ же это такъ! Господа, а? Мнѣ-то одному, что ль? Въ компаніи-то оно веселѣе. Господа! Что же это?

Схватилъ Вернера за руку сжимающими и распадающимися, точно играющими пальцами:

— Баринъ, милый, хоть ты со мной, а? Сдѣлай милость, не откажи!

Вернеръ, страдая, отвѣтилъ:

— Не могу, милый. Я съ нимъ.

— Ахъ ты, Боже мой! Одному, значитъ. Какъ же это? Господи!

Муся шагнула впередъ и тихо сказала:

— Пойдемте со мной.

Цыганокъ отшатнулся и дико выворотилъ на нее бѣлки:

— Съ тобою?

— Да.

— Ишь ты. Маленькая какая! А не боишься? А то ужъ я одинъ лучше. Чего тамъ!

— Нѣтъ, не боюсь.

Цыганокъ оскалился.

— Ишь ты! А я вѣдь разбойникъ. Не брезгуешь? А то лучше не надо. Я сердиться на тебя не буду.

Муся молчала и въ слабомъ озареніи разсвѣта лицо ея казалось блѣднымъ и загадочнымъ. Потомъ вдругъ, быстро подошла къ Цыганку и, закинувъ руки ему за шею, крѣпко поцѣловала его въ губы. Онъ взялъ ее пальцами за плечи, отодвинулъ отъ себя, потрясъ—и громко, чмокая, поцѣловалъ въ губы, въ носъ, въ глаза.

— Идемъ!

Вдругъ ближайшій солдатъ какъ-то покачнулся и разжалъ руки, выпустивъ ружье. Но не наклонился, чтобы поднять его, а постоялъ мгновеніе неподвижно, повернулся круто и, какъ слѣпой, зашагалъ въ лѣсъ по цѣльному снѣгу.

— Куда ты? — испуганно шепнулъ другой. — Стой!

Но тотъ все также молча и трудно лѣзъ по глубокому снѣгу; должно быть наткнулся на что-нибудь, взмахнулъ руками и упалъ лицомъ внизъ. Такъ и остался лежать.

— Ружье подыми, кислая шерсть! А то я подыму!— грозно сказалъ Цыганокъ.—Службы не знаешь!

Вновь хлопотливо забѣгали фонарики. Наступала очередь Вернера и Янсона.

— Прощай, баринъ!—громко сказалъ Цыганокъ.— На томъ свѣтѣ знакомы будемъ, увидишь когда, не отворачивайся. Да водицы когда испить принеси — жарко мнѣ тамъ будетъ.

— Прощай.

— Я не хочу—сказалъ Янсонъ вяло. Но Вернеръ взялъ его за руку и нѣсколько шаговъ эстонецъ прошелъ самъ; потомъ видно было—онъ остановился и упалъ на снѣгъ. Надъ нимъ нагнулись, подняли его и понесли, а онъ слабо барахтался въ несущихъ его

рукахъ. Отчего онъ не кричалъ? Вѣроятно забылъ, что у него есть голосъ.

И вновь неподвижно остановились желтѣющіе фонарики.

— А я, значитъ, Мусечка, одна—печально сказала Таня Ковальчукъ.—Вмѣстѣ жили, и вотъ...

— Танечка, милая...

Но горячо вступился Цыганокъ. Держа Мусю за руку, словно боясь, что еще могутъ отнять, онъ заговорилъ быстро и дѣловито:

— Ахъ, барышня! Тебѣ одной можно, ты чистая душа, ты куда хочешь, одна можешь. Поняла? А я нѣтъ. Яко разбойника...—понимаешь?— Невозможно мнѣ одному. Ты куда, скажутъ, лѣзешь, душегубъ? Я вѣдь и коней воровалъ, ей-Богу! А съ нею я какъ... какъ со младенцемъ, понимаешь. Не поняла?

— Поняла. Что же, идите. Дай, я тебя еще поцѣлую, Мусечка.

— Поцѣлуйтесь, поцѣлуйтесь,—поощрительно сказалъ женщинамъ Цыганокъ.—Дѣло ваше такое, нужно проститься хорошо.

Двинулись Муся и Цыганокъ. Женщина шла осторожно, оскользаясь и, по привычкѣ, поддерживая юбки; и крѣпко, подъ руку, остерегая и нащупывая ногою дорогу, велъ ее къ смерти мужчина.

Огни остановились. Тихо и пусто было вокругъ Тани Ковальчукъ. Молчали солдаты, всѣ сѣрые въ безцвѣтномъ и тихомъ свѣтѣ начинающагося дня.

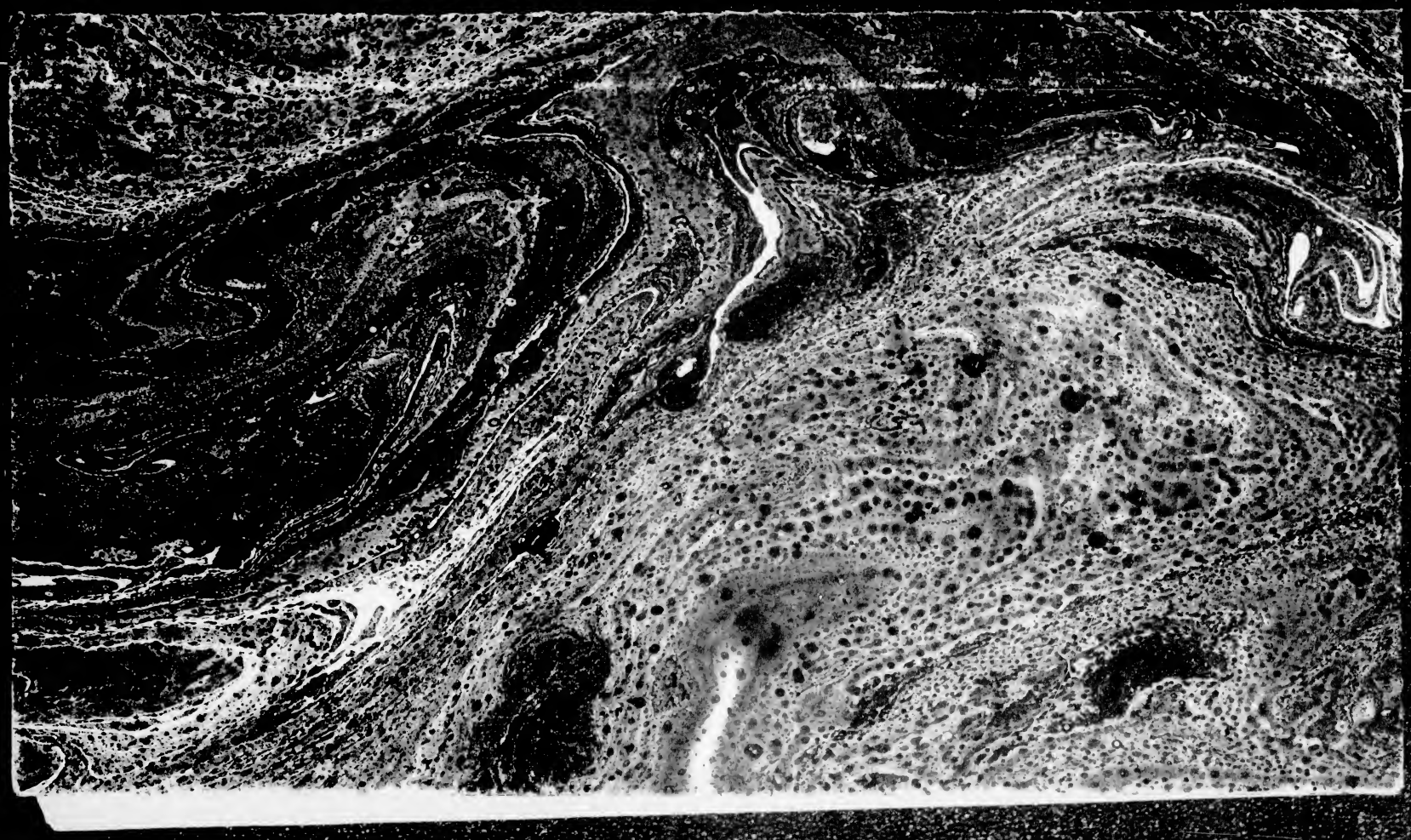
— Одна я—вдругъ заговорила Таня и вздохнула.— Умеръ Сережа, умеръ и Вернеръ, и Вася. Одна я. Солдатики, а солдатики, одна я. Одна...

Надъ моремъ всходило солнце.

Складывали въ ящикъ трупы. Потомъ повезли. Съ вытянутыми шеями, съ безумно вытаращенными глазами, съ опухшимъ синимъ языкомъ, который какъ невѣдомый ужасный цвѣтокъ, высовывался среди губъ, орошенныхъ кровавой пѣной — плыли трупы назадъ, по той же дорогѣ, по которой сами, живые,

пришли сюда. И такъ же былъ мягокъ и пахучъ весенній снѣгъ, и такъ же свѣжъ и крѣпокъ весенній воздухъ. И чернѣла въ снѣгу потерянная Сергѣемъ, мокрая, стоптанная калоша.

Такъ люди привѣтствовали восходящее солнце.

Maxim Sztern

Rio de Janeiro